

Наталья Рубинская

*Дневник
одной поэтессы*

Челябинск,
Цицера
2008

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
Р82

Р82 **Рубинская Н.Б.**
Дневник одной поэтессы. — Челябинск : Цицеро, 2008. —
177 с.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-91283-024-2

© Рубинская Н.Б., 2008.
© Добрынина Е.О., иллюстра-
ции, 2008.

Предисловие

Наша серия дневников пополняется еще одним. На сей раз это книга Натальи Рубинской, отражающая ее творческое бытие и самосознание за период примерно сотой части жизни от рождения. Она сама признавалась мне, как издателю, что никак не могла выбрать из двух название для своего опуса: «Дневник одной поэтессы» или «Дневник одной пианистки». Ведь, как она полагает, два ее диплома в вечном антагонизме: «Сажусь за рояль, компьютер просто гудит от возмущения, и наоборот». «Как это наоборот?» — спрашиваю. «Ну, струны фортепиано обладают свойством колебаться, а в моем случае реверберацию в них рожают творческие импульсы моего долго не репетировавшего организма. Вы разве не помните, как загорелась занавеска над головой Волошина в минуты его стихотворчества?!»

Так или иначе, Наталья Рубинская творит в нашем Южно-Уральском пространстве сразу в двух областях — писательской и музыкантской. За ее плечами — Литературный институт имени А.М. Горького и Уральская консерватория имени М.П. Мусоргского. Свои литературные дары она воплощает будучи редактором журнала «Автограф. Челябинск-арт» и многотиражки «Акцент» и, разумеется, сочиняя и публикуя книги стихотворений. Как музыкант, Наталья Борисовна трудится в институте музыки имени П.И. Чайковского, где преподает предмет «фортепиано» и участвует в концертах и музыкальных конкурсах. Обе стороны

ее деятельности в искусстве отмечены званием «Заслуженный работник культуры».

На вопрос: «Что главное вы могли бы сказать по поводу публикации своего дневника?» Наталья Рубинская ответила: «Смычка времен — вот что меня больше всего волнует. То, как события сопрягаются, и как разные герои нескольких поколений россиян живут и действуют. Вот, к примеру, в дневнике моего сына — Константина Рубинского — есть ностальгический срез с пейзажа при Воронцовском дворце. Он вспоминает прекрасных павлинов, гулявших в его детстве там запросто, как курицы в Чебаркуле, и констатирует их полное отсутствие в наши дни. А павлины моего детства в Крыму вызывали другие настроения. Ложась спать, мы выставляли на террасу весь комплект обуви — запускать в этих самых красивых птичек, орущих ночами, и в вечно дерущихся ежей. Скажете — юмор? Но разве это не о той же экологической катастрофе? Павлины и ежи стаями жили у нас в приживальцах. Косте достались лишь парадные экземпляры для фото с туристами. А мои внуки? Они только на картинке увидят ежей и павлинов, думая при этом, что сие — дикобраз и жар-птица...»

Владлен Феркель

август 2008 г.

Самые великие, значит, видные и блестящие события в истории на самом деле состоят из тех же элементов, из которых состоят наши тёмные и скромные жизни.

Марсель Пруст

Октябрь. Осенний день, как в моём переводе Райнера Марии Рильке. Вроде 13 число?

*Господь, пора, ты лето длил и длил,
на солнечных часах устало время.
Накрой их тенью...*

Радует, что мои переводы — Гейне, Гёте, Рильке — читатели усваивают вкуче с моими авторскими работами. Так и должно быть, как говорил Бетховен. Сложнее с дневником. И следует ли личный дневник всякий раз снабжать брендом — числом дня? Вопрос.

Сию в своём классе. Всяко-грустный день в казённых стенах. Но за окном! — каштан в недоступном дворике, пронзённые солнцем заката пяти-, шести-, семипалые листья: отголосок крымских детских лет. Но тогдашние каштаны-платаны красовались в зените летнего плодоношения. Здесь же редкое южное дерево — как дарованная отрада. Мгновенный перенос в пору беззаботных дней жизни, со-

зерцаний и начавшихся накоплений в шкатулку художественных ценностей.

Пошел новый цикл обучения ленивцев и гениев. Знакомство с нагрузкой, поиск новичков, встреча с любимцами, составление расписания, борьба за классы, выбор программы — почти что позади. Есть прелестные дети, умные, пытливые, со звездой в глазах. Это все от семьи. Те, кто с вольных хлебов, обычно в музыку не верит, как и в Бога.

Мы не боги. Работаем в одиозно пролетарского духа сером здании. У кого как, а у меня ассоциированном с тюрьмой времени, с пленением — пусть на полдня — духа, не могущего «реять, где хочет» в атмосфере лже-дисциплины, когда ажаны от расписания следят не за укорененностью детей в знании (а главное — в науке учиться!), а за соблюдением графика уроков. Приди-сиди, а там хоть чулок вяжи. С посещением худо. Может, из-за бюджетного обучения? Год от году хиреет набор, теперь берут чуть ли не с улицы. Что начальство объясняет непопулярностью нашей специальности из-за бедности ея. Но отчего ребятки-скрипачи в 15 лет не знают где играть, когда в нотах басовый ключ?..

Каштан посажен лет 30 назад человеком по имени Пятрас. Позже довелось читать об его красивом загородном саде у моего друга-тележурналиста В.В. Павлова, почившего, вслед за женой И.Ф., по собственному почину. Мы верим в Бога, но не доверяем Ему. Корректировать Господа Бога в отношении Его личных Планов?! После них осталась библиотека плотного объема и содержательности, дневники и рыжий кот Рыжий. Всегда вспоминаю об этом коте — любимце и герое. Как гуманист В.В. не подумал о нем, трижды сироте? Его котенком привел к их дверям другой, старый кот Павловых — в теплую квартиру, исхлопотав своей настойчивостью место в своей семье. Инна Федоровна, отличный мастер-режиссер, умерла за 40 дней до В.В. Их жизнь подо-

рвали «Алкоголи» мужа, отнюдь не поэзо-аполлинеровские. И вот разрешился от бремени мук тоски-совести сам хозяин. Куда тебя, Рыжий, пристроили?

15, октябрь, всё в том же учебном доме

Наблюдаю стороннюю жизнь из класса, но уже со стороны институтских стен, выходящих на север. Ученики приходят с разными нуждами. Одни — заработать балл на межсессионных контролях. Другие — поделиться жизненными перипетиями. Иные даже играют, то сносно, а то и кое-как. И вот, когда музыкальные фразы лепятся как попало, и вместо музыки раздаются рыдания инструмента в хаотическом убоище звуков, спасает графика за окном. Середина осени, ветки ивовых почти оголены, сквер опрозрачен, серый тон сплошняком. Но чуть поодаль, метрах в 200-х, яркий билдинг еще красуется на солнечном закате. Ему досталось на полчаса больше света, чем нижнему городу. Картина готова. Дважды в неделю мои классы дают эту панораму, и рулетка времени сворачивается. Солнце уходит все раньше, листьев все меньше, стойки лишь кусты сирени с потемневшей зеленью да карагачи в жестком оперенье. Немудрено: карагач — один из немногих, кто поздно обзаводится листвою по весне. Он недоверчивый, он тоже южанин.

17, октябрь, утренние чтения

Когда с утра нет занятий, мама читает мне за завтраком все самое интересное. То это былины из старинного векового талмуда, то Общенациональный русский журнал, где редактором мой товарищ по Литинституту Сережа Тимченко, то словарь античности. Сейчас ее любимые книги — Гессе и Дневник Александра Попова. Хорошо — всё. Даже оппонировать нечему. А как про его розыгрыши приятелей? и тут сразу радуется параллель со смехачом Никитой Богословским. И какой

блистательный садизм в случае с Лермонтовым, последним местом поэта в списке победителей! Очень мне близко о деревьях: они знают, что люди их предали. С большим акцентом мама читает: «Дневник — болезнь; заразная или нет — пока не знаю». Мотивы клоунады — тоже мое. Говорят, когда-то в «Юности» напечатали мои стихи про это. «Я — механический петрушка, / Во мне кончается завод. / Мой гороскоп — ни-ни — не врет! / И жизнь — правдивая старушка». И в этом роде дальше. Дачный поселок, где мы живем летом, восхищает выговором туземцев. Они произносят: «туалет», «кревозот», «клоун». Быть клоуном — медаль насмешки и «пораженчества» носить с достоинством. А главное — побеждать косность, вульгарность, паранойю нуворишества. Ведь с детства знаем: удивить = победить.

22, фортепианный класс № 307

Как раз сегодня один из мальчиков принес на урок крошечный букет из листьев. По своей привычке к скрупулезности он сложил их в штабелек, и я было узнала листки карагача. Однако их зима обычно так и застает зелеными. Но Стасик сказал, что это каштан. Тот самый, к которому не пробраться. «Зачем же ты ободрал семилопастный листок, такой совершенный?» — «Нет, я таким — разрозненным — нашел его, и теперь складываю, чтобы собрать в целое». — «Тут и понимаем, что утраченного не вернешь, прорванного не залатаешь?». Дзенский человек, этот Стас, как мозаичная доска, сложен из осколков, обрывков, сегментов. Но до произведения от искусства инкрустации ох как далече! Мой друг Н.Б. так удивлялся, что летом я возилась с этим любимчиком, *водилась* как с дитятей. Он уплывал на резиновой лодке далеко, чего ему не разрешалось, и совершал прочие самостоятельные проступки. Сегодня принес разбор ноктюрна Фильда именно в таком же самостно-коллажном духе, как все, что

делает. М. б., при его сотворении, выдувании его оболочки в мир, Создатель забыл привесить к облаку его облика субстанцию малого веса — душу во столько-то граммов?..

29 октября, учебный день, исход цветной осени

А 19 октября, день лицеистов, всегда отмечаемый, миновал. Он и сам словно — отметина в портрете осени, теперь уже дни стремительно укорачиваются, и с работы уходить отныне — по темнотам. Митя принес разборы этюдов и вальса Даргомыжского. Он трогательный, честный, и я сулю ему будущее композитора. Хотя и так все конкурсы гитаристов — его победы.

3, ноябрь, учреждаю день первого поэта американов XX века — фермера Фроста

*Мы любим скрытничать, хотя
Душе и боязно скрываться.
Так неотысканным дитя
Бойтся, спрятавшись, остаться.*

*Уж не от этого ль подчас / Почти что детского испуга /
Неудержима тяга в нас / Секреты поверять друг другу? /
И что-то грустное есть в том, / Что человек ли, бог ли,
демон, / Укрывшись ото всех, потом / Сам и открыться
должен — где он.*

Б. Хлебников — переводчик неслабый. Фрост — тоже пантеист, а потому друг мне и брат, ибо жалеет птиц и цветы. Он отыскал, я слыхала, ключ к преодолению ужаса земного бытия.

*Я целый день по листьям бродил, от осени я устал,
сколько узорной пестрой листвы за день я истоптал!*

В скобках заметим, что поэту славно было ходить по осенним листьям, там у них даже колорадский жук только в картошке живет, а нас в пеших прогулках весьма пугает клещ.

Ноябрь, 10, мои студенты многому учат меня

Хотя не слишком ли бесцеремонно, как бы по-родственному, они меня транскрибируют? Одна делится амурными проблемами, другая советуется: рожать-не рожать, третий от голода в полуобморочной нирване... Мне несколько страшно. Привыкла за все отвечать, на все откликаться. Матримониальная знайка как будто! А нужно же еще воспитательную работу в плане посещений, домашних заданий, репетиционных часов проводить! А нужно и уроки давать возможно насыщенные и показами, и разборами, и с листа почитать, и в ансамбле поиграть.

Стасик лазит по деревьям, заглядывая в окна классов, он не здороваются с моими коллегами, он опаздывает на музлитературу, он не учит гаммы и этюды, и все жалуются — мне. А он советует никого не слушать и не брать в голову чужих заморочек. Здесь время для стишков о летних приключениях дзенских паломников.

Пейзаж. Лето в зените

Теза

*Мой ученик совсем на вид
с лицом кузнечика.
Он в утлой лодке говорит
с прозрачной вечностью.
Минуют весла футы волн
под фунтом ялика
того, кто дому предпочел
кораблик маленький*

Антитеза

*Под ним водищу стерегу
на юг от севера
я, что на дневном берегу,
в сололке с веером,
храню от солнечных петард
в мешке с поэтами
кузнечика наземный скарб —
ивняк нарезанный.*

Синтез 1

*Меж вод озерных и песка
прибрежной линии
сверкают лески у мостка,
и небы синие
ныряют в пляшущих кругах,
лучом размноженных,
а транспространство на верхах
скворчит встревоженно.*

Синтез 2

*Причалит ялик и скакнет
кузнечик в прерии,
и параллельный вдрызг народ,
те, что не верили,
вскричат: «Фиоритур! Рулад!
Бравур гимнических!»
А мой кузнец сховался в сад
деревьев птических.*

17 ноября, немного снега упало, но земля сухая

Редакционная работа интересна, однако она слишком отвлекает от музыки и творчества. Начинается неделя театральных бдений. Завтра открытие выставки и премьеры французской пьесы «Я была дома и ждала, когда дождь придет». Поставила французенка. Будет разбор, лекция критика из Франции, в этот же день юбилей филармонии. А 24 приез-

жают Т. Сельвинская с Александром Рубцовым на юбилейные торжества и презентацию ее альбома, выпущенного нашим издательством. Как себя распределить? Малая сцена, большая, зал Прокофьева, картинная галерея, гостиница, круглый стол в редакции, аэропорт?! Ладно, запишу стишок, а то забуду в суете.

Моралите

Тому, кто исполняет опусы Лютославского

*Уютно в комнате бывает,
когда снега перекрывают
на подоконнике цветы.
Но ты, мой ученик, так ветрен!
Вчера травил стихи Деметре,
сегодня у коленей ты
совсем иной красы — несносна,
мила, жеманна, горбоноса,
а впрочем... птичкою свистит.
А кто из нас насмешник больший —
уже решат в наследной Польше:
ты, Яцек, или я, пиит?*

Когда мой Костя читает мои загадочные стихи, то весьма раздражается. А что тут вредного? Яцек — имя из названия пьески Витольда Лютославского, чей фортепианный цикл играет мальчик с похожим именем. А уж какие герои и события формируются вокруг этой темы, решать слушателю-читателю!

Ноябрь, 19, пробежки по культурным событиям и местам

Хошь-не хошь мотайси! Скачи, летай и подпрыгивай, а пропускать не моги. Слава Богу, что еще не журналистка (хотя эти щелкоперы из Энциклопедии в биографиях так и норовят мя записать в свою братию). Мои статьи — почти всегда эссе. А это очень разные жанры. Журналов вышло —

31 штука, в каждом по две мои статьи. Да и в иных местах.

Не обожала стихов Гиппиус. Да еще навязанность образа мадонны-декадентки. Однако проза ох хороша, не слабее Андреева и почти что Чехова. Ну, Тургенев точно бы согласился на позу литвалета с Зиной! Она же выразилась о России как об очень большом сумасшедшем доме. Без почтения. Но метафора доходчивая. А езда писательницы *на раут к господу богу* в белом платье — запущенная для пиару мультка, подобная нынешним. Жаловалась, что у ней другого цвета материя кожа как-то не переносила... Буду всем предлагать прочесть рассказы Гиппиус. И надо бы дневники достать петербургские 1914—1919 гг. Она там Блока и Белого, личных своих близких друзей, называет «потерянными детьми», порвав с ними из-за их ухода к большевикам. И Горького, слышать, уделывает: «бабья душа», и Брюсова-наркомана прибавляет.

24 число, праздник

Когда читаешь американов, то мозги сушатся, от стихов особо. Рационального в них лишку, эмоциональное грубомускульно, негармонично. Хоть Уитмена брать, хоть и великого Фроста. Хотя затем они и поэты, чтобы воспевать и защищать малых сих — природу с ее детьми. Мил и Смит с профессорами в саду и жабами. Зато сверх-согласна с их манерой давать названия стихам (в этом их хвальная свобода), тут я им сестра. Признаюсь, не без школы Ю.П. Мориц — Великого мастера из тех, кто повлиял на литературную судьбу. Весь мой Литинститут она натаскивала мой вкус к заглавиям. Ас! Таких маститых и в музыке не забуду. Господу нашему слава!

1 декабря, про Тату Сельву

Малую сцену для бенефиса привел в гармонию с миром художницы Олег Петров. Персонажи спектаклей, оформленных Сельвинской, долго не сходили с глаз публики, все они,

пестрые и разные, просили слова и горячо приветствовали своего со-создателя, а Татьяна Ильинична многожды брала *алаверды* для ответа, и это было мило, изящно, притом и в большой степени исповедально. А главное, скромно, как всегда. И с присущим только огромной художественной индивидуальности юмором.

*Я живу особой жизнью,
Никому не подражая.
Сквозь цветные стекла-призмы
На действительность взираю.
Но нельзя сказать при этом,
Что людей не замечаю.
Их люблю и вот поэтому
Стекла я не протираю.*

Ее альбом был издан «Автографом» за пару месяцев до праздника, и сам стал праздником. Он назван «Мой остров Пасхи на планете Марс», а жанр обозначен как *мемуары*. Макет издания выполнен сыном Татьяны Ильиничны — автором концепции, дизайнером Кириллом Сельвинским. Предпечатную подготовку и редактуру осуществила Татьяна Темерова. Она же стала автором одной из двух искусствоведческих статей, играющих роль литературного эпилога. Обратимся к источнику цитирования.

«...На ее Острове всегда благодатное лето, здесь идут теплые дожди. Здесь обитают отрешенные безмолвные идола, сплавленные из вулканического пепла памяти, любви, благодарности и страдания. Что может быть прочнее? — лишь забвение, но оно ей недоступно. Не научившись забывать, она умеет помнить, вбирая мир удивленными, прищурено-распахнутыми глазами (так не бывает ни у кого, кроме Таты Сельвинской), умеет понимать, прощать, оправдывать (...) — Здесь у нас «театр имени Сельвинской!» — услышала я однажды в

90-х. Прошло время, и фраза обрела свой истинный смысл. Челябинский театр драмы стал для Татьяны Сельвинской главным театром ее жизни (...) Ее живопись, как она сама, своевольна, и не всегда открывается сразу; радость узнавания приходит постепенно. Ее картины не отпускают, на них не устает смотреть, замирая от страха высоты: они зовут, затягивают в бездну... Метаморфозы света и цвета, тукучьность формы вовлекают в бесконечное движение, даря открытия новых смыслов... (...) Она открыла и хранит свой молчаливый Остров. Ее память — не в словах, это живопись души...» Присоединяюсь.

...В живописи, на театре, в поэтических эскерсисах и шедеврах Сельвинская *идеальна*.

Вы можете оспорить меня («актера может обидеть каждый!»), но это свойство от нашей героини неотъемлемо.

*Любите меня, потомки!
Любите. Я верю снам.
Как часто, блуждая в потемках,
Стремилась пробиться к вам.
Стараюсь себя совершенствовать,
Молюсь, чтоб в годах не остыть.
Меня сквозь ходы путешествий
Ведет ариаднова нить.
А нить эта, свет и блаженство,
Дают мне свободу жить.*

Ее стихи — тоже нить в лабиринтах работы самоисследования. Погружаясь в медитации к словотворчеству художницы, становишься свидетелем того самого перелопачиванья руд, о котором кто нам только не сказал. Однако здесь, в случае Т.С., — дело не в словесной руде. Она перекапывает многотонный материал самого существования, бытия. Нет, она не просто лирик или философ. Она — называтель сущ-

ностей. Открыватель тех заветных слов, коими определяется самое сущностное в нас. Стихи Сельвинской — эпитафии к главам не книжным — судьбинным.

*Ощущение пространства,
Ощущение любви...
Будто из далеких странствий
Я вернулась. На — лови
Каждый вздох мой, каждый штрих,
каждый выдох, каждых стих...*

Речь поэта — задыханье, волнение, оторопь, цезуры, учащение сердце — а вовсе не обороты и приемы письма. Оттого стиль ее поэзии — не для номенклатурного номера в энциклопедии. Это стиль «капли чистого света, вечной ясности».

Боюсь, что все сказанное выше можно смело относить к искусству Сельвинской как художника театра и как собственно *художника* в космическом значении смысла.

Листая альбом ее марсианских хроник, ловишь себя на космизме данного явления — невольно. Вон, в живописном Эпизоде, во чреве фосфоресцирующей всеми оттенками лилово-голубой планеты — это Венера? — точеная фигурка: первомада ли пратворенья? Искра ли Божьего замысла, Духа творящего? Неназываемость. Несказанность. Множество оттенков стихии, порождающей энергию творчества = свету любви. То же в, хотя уже в проступающих из вселенских наивозможностей красочных средств, — *образах*. Художник называет нам своих героев, хотя они давно растворены в воздухах планетарных пространств. Это ее «кумиры-призраки». Фредерик Шопен. Людвиг Ван Бетховен. Федор Достоевский. Уильям Шекспир. Мы знаем их иными, у каждого из нас свой Шопен. Но живопись Сельвинской обращает их к нам светом истинности. Вот абсолютно потусто-

ронный ракурс Царевны Лебеди, а вот с тронутыми земной прелестью устами Золушка.

7 декабря, продолжение Сельвинских хроник

Художник представляет нам, всем жителям Земли, своих родных, учеников, друзей. Актеров, режиссеров, искусствоведов, художников. Подруг, учителей, мужей. Она инсталлирует свое прошлое и настоящее. А также будущее. Ведь среди ликов предков мы узнаем уже черты пятого (внук) и так далее поколения...

Слово — *третьей* Татьяне содружества, работавшего над челябинским альбомом: Батовой.

«Мы вместе вспоминаем о прекрасных, ярких спектаклях (их более тридцати!)... Мы горды тем, что именно в Челябинске сформирована значительная коллекция произведений Татьяны Сельвинской — около семидесяти! Большая часть работ подарена художником, и очень важно, что все они продолжают свою жизнь — в городе состоялось шесть персональных выставок! И, конечно, все воспоминания окрашены обаянием личности; королевская статья, мудрость, юмор и внимание к собеседнику — все это Татьяна Ильинична (...) Татьяна Сельвинская со свойственным ей бесстрашием погружается в Царство Памяти и осторожно, чтобы не разбить, достает драгоценные для сердца образы. И, оказывается, их бесконечно много. Об этой черте — щедрости любви к людям — известно всем, кто знаком с Татьяной Ильиничной; она всегда настроена на любовь. Вот потому и память ее сохранила всех, всех сделала важными, ведь в воспоминаниях не второстепенных героев (...) В мемуарах Сельвинской нет хаоса, здесь все любовно упорядочено».

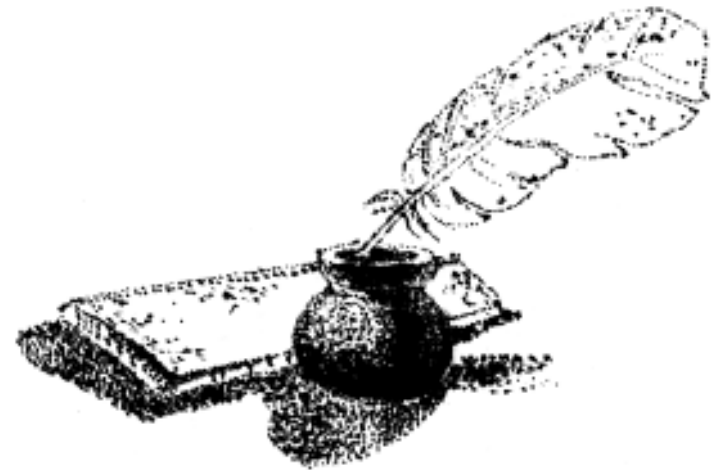
*Не люблю отпускать людей.
И друзей терять не люблю.
Мне с друзьями жить веселей.
Мне с людьми вольготней в бою.
Ибо жизнь — это бой за жизнь.
Ибо жизнь — это бой за любовь.
Человечнейший мой эгоизм
На любой откликнется зов.*

Все эти стихи — из книжки Таты «Дневник», изданной в Симферополе в 2003-м. На 117 странице, где кончается оглавление, моей рукой откуда-то выписанное стихотворение «Я расплатилась. Вернула долги / Тем лишь, кого люблю и любила...». Как было не поразиться, читая его в Альбоме под рубрикой Эпилог?

Она радостно длит жизнь, не деля творчество на холсты, рифмы и сцену. Ее картины украшают театры, стены частных домов и нашей редакции. Ее книги стоят рядышком с томиками Ильи Сельвинского. Мудрость, радость, простота? — Да, ибо:

*Все мировое искусство
Рвется к свободе формы.
Знаний рушатся нормы.
Связей основы рвутся.
Чернь добывает славу:
Выше всего свобода!
Выше всего с небосвода
Рембрандта похвала.*

Все неслучайно. Эта вот, к примеру, многолетняя дружба города с художницей других кровей. Недавно Сергей, мой бывший, рассказывал генеалогические байки. Так получается, что кровей намешано!.. И есть, оказывается, народ *таты*, это будто бы еврей-горцы. Может, художнице потому и нравится называнье ее Татой, она даже принуждает всех к этому!

15 декабря, L'impression, или то, что запечатлелось

«Художник нам изобразил глубокий обморок сирени...» Моя зависть только к одной категории собратьев — племени художников. Пишу о современных, своих земляках. Но обожаю этих своих, от юности, — импрессионистов, пуантилистов...

Этот элегантный старик был по-особенному хорош в своей шляпе ворсистого фетра с изящно загнутыми полями, в элегантных костюмах благородного твида. Его правильно очерченный с мягкой горбиной нос, все еще зоркие, несмотря на не одну операцию, глаза с красивым разрезом, гладкая кожа, густые усы и патриаршья борода как нельзя лучше подходили к образу знаменитого мэтра, родоначальника течения в живописи, именуемого импрессионизмом, по существу же — центральной фигуры всего живописного искусства последней трети XIX века.

Он до глубоко преклонного возраста писал свои шедевры, но в помощь создаваемым картинам начал разведение садов — живых картин с царящими в них прудами, мостами, множеством пород деревьев и цветов. Причем вода в прудах была с подогревом для благополучного произрастания экзотических водяных лилий, которые он с особым пристрастием писал в последний период жизни. Тропическая растительность украшала берега, а живность в садах была представлена фазанами и павлинами. Это был редкостный сад, посланный художнику судьбой как бы в расплату за трудные бедные годы, сад — произведение искусства и средоточие медитативного уединения, сад, коему во Франции не было равных. Возможно, сад Моне стал последним прекрасным прибежищем импрессионизма, потому его так полюбили гости Клода и его семьи — художники, писатели и просто друзья.

А начинал Моне, как это бывает почти всегда в истории искусства, с самой откровенной бедняцкой юности. Начиная, как художник, рано. Однако и неожиданно, как нам

теперь может показаться. Трудно поверить, но величайший мастер эпохи импрессионизма, собственно, невольный основоположник и адепт этого направления, начинал как... карикатурист. Пятнадцатилетний смельчак, сын лавочника, наплодил массу карикатур и, что примечательно, приличного качества. Это были меткие, остроумные, психологически точные портреты окружающих его людей: его пера удостоились многие обитатели портового города Гавра. Сюда переехала семья из Парижа, когда Клоду-Оскар было пять лет.

Первый его учитель — Буден, по счастливой случайности хозяин лавки художников, где подросток выставлял для продажи свои карикатуры (по другим данным, художник Эжен Буден просто первым заметил дар Моне по выставленным в витрине гротесковым портретам земляков), сумел удачно перефокусировать интересы юного рисовальщика. Он начал потихоньку отучать его от модного, но не глубокого занятия искусством карикатуры и внушил интерес к пейзажу. Сам он работал на пленэре, писал воду, облака, гавань Гавра и окрестности, будучи почти никому не известным художником.

В восемнадцатилетнем возрасте Клод пишет почти что шедевр — «Вид около Рюэля», где царит колорит света и воздуха, отраженных в исчерченной тополиной зеленью воде. В этом же, 1858 году, выставлением этого полотна Моне утвердил свое присутствие в художественном мире Франции.

Сам он так вспоминает об этой поре: «Глаза мои наконец раскрылись, я по-настоящему понял природу и в то же время научился любить ее». Моне был благодарен учителю, ведь именно Буден, этот «живописец небес», обернул зрение юного художника на пространство с его облаками, морским ветром... — на то, что зовется «натурой».

В 1857 году парень лишился матери, но у него была в запасе тетка — самодеятельная художница, разделяющая его увлечение пейзажистикой. В 18 лет Клод едет в Париж, где

надеется начать учебу в качестве стипендиата изящных искусств. Но, поскольку муниципалитет Гавра в стипендии отказал, а Школа изящных искусств самонадеянного юнца не вдохновила, Клод стал делить свое время между *Кабачком Мучеников*, средоточием интересов художественной братии, и Академией Сюисса. В кабачке царили Курбе и Бодлер, в Академии можно было учиться ремеслу свободных художников.

Летом 1861 года, согласно *выигрышу* в жеребьевке, Моне отправляют в армию на семилетнюю службу. По счастью, срок сократился до двух лет: благодаря лихорадке, Клода демобилизовали. В дальнейшем художник признавался, что красоты Алжира окончательно разбудили в нем импрессиониста.

Моне много пишет на пленэре, работая бок о бок с Буденом и датчанином Йонкингом. В студии мастера исторических полотен Глейра он знакомится с молодыми Ренуаром и Сислеем. Моне среди них — самый отчаянный бунтовщик в искусстве, даже не желающий посещать Лувр. Его кумиром становится Эдуард Мане, бросивший вызов Академии полотном «Завтрак на траве», выставленной им в *Салоне Отверженных* в 1863-м. Это был настоящий скандал в благородном семействе академистов, отвергнувших картину для выставки в официальном Салоне. Тем более что император Наполеон III назвал ее *непристойной*. Та же история случилась с его «Олимпией», ставшей знаменем современного искусства, что сделало Мане непререкаемым эталоном в глазах Клода.

Конфликт с отцом из-за *бездельничанья* Клода, на самом деле уже становящегося популярным, углублялся. Верная тетка Жанна продолжает поддерживать Моне, в том числе и материально. А он много пишет. Как всегда, это морские пейзажи, виды Онфлёра — лодки на побережье, широкие дали, облака... Работы «Терраса в Сент-Адресс» и «Дама в

саду», где доминантой становятся цветы, можно считать безусловными шедеврами раннего периода творчества.

Ох, однако, хватит. День перетек в ночь, настало завтрашнее утро.

16 декабря, в пароксизме любви к Клоду Моне

Покушали кашку из шрота граната и пшеницы, и садимся каждый за свой писательский мозоль. Завтрак в кухне челябинских писак и «Завтрак на траве», написанный в лесу Фонтенбло. Эта штукавина представляет особый интерес. Здесь несомненная переключка с полотном Мане: во-первых, желание превзойти кумира, во-вторых, явная уступка жюри, отбирающему работы для выставок в Салоне. Дамы у Моне одеты, в отличие от картины Мане и от меня на кухне пятого этажа, а фигур у него двенадцать. Но главное различие — в методе написания картин. Персонажи Моне позируют художнику не в студии, а в летнем лесу, на пронизанной солнцем полянке. Колорит листвы в солнечных бликах гармонирует с прелестными светлыми нарядами женщин — плотски привлекательных и вместе с тем эфемерно-прозрачных. Яркие свет и воздух по-особому контрастируют с глубокой тенью: это — *тень под деревьями* — «sous-bois», термин, лишь на французском отражающий технику живописного приема. Перед нами пейзаж, но и — портрет. Ведь все женщины здесь — портретные варианты его возлюбленной — Камиллы.

Они познакомились в 1865-ом. Ей около восемнадцати, ему двадцать пять. Их история изложена в романе Э.Золя «Творчество». «Камилла, или Дама в зеленом» (1866) — картина, впервые принятая Салоном. Художник окрылен успехом, пишет «Женщин в саду» (1867), но на сей раз работа Салоном отвергнута.

(Каковы критерии — а?, спрашиваю я. Вечно кто-то судит кого-то. Эти некто всегда на уровне ниже, писать (иг-

рать, рисовать, ваять, плясать на пуантах и т. д.) они не умеют. Хочет их левый мизинец на ноге — принимают, не хочет — отвергают. Уроды.)

С другом Ренуаром они работают над серией «Лягушатник». Время — 1868, 1869. Они выбирают местечко возле Парижа с купальнями на Сене. Этюды становятся истинными шедеврами, где нет границы между цветом и светом, а впечатление праздничной яркости возникает от красочных переливов зелени, облаков, их отражений на водной ряби... Растворенность в водно-воздушном пространстве, элемент незавершенности как новая вариация этюда-картины становится доказательством полноценной жизни метода импрессионистов. Кстати сказать, «Лягушатник» Моне 1869 года считается первым *абсолютно импрессионистическим* полотном. Клод Моне — свободный художник, работающий над совершенствованием уникального стиля, продолжает оставаться нищим. На *заработках пейзажами* Клод зарабатывает конъюнктивит, врачи запрещают работать на пленэре, но болезнь глаз будет мучить Моне всю жизнь. Он *скрывает* беременную Камиллу от своей семьи, но рождение сына Жана приводит к соединению влюбленных. Отец Камиллы дает в приданое некоторое состояние, и в 1870-ом брак оформляется. Они живут в Аржантейле, городке в окрестностях Парижа на Сене. Картины этого периода пронизаны светом и счастьем. Галерист Дюран-Рюэль покупает около 30 картин за 10 тысяч франков. Жизнь налаживается. Моне пишет Камиллу и Жана. Покупает лодку и делает из нее плавучую мастерскую для более достоверного живописного наблюдения, особенно любимой им (о, как и мною!) воды с ее бликами. В 1871-ом он даже едет в водную страну Голландию: «...Здесь есть все, что может быть привлекательного, — дома всех цветов, сотни мельниц и очаровательные лодки...», — пишет он к Писсаро оттуда. В его работах все свежее расцве-

тает жизнь, художник созерцает мир, и колорит картин четко представляет характерность ландшафта.

В 1873-м Клод формирует группу художников, близких по интересам и направлению. Это *Анонимное сообщество художников, скульпторов, граверов и тому подобных*. Здесь Ренуар, Писсаро, Сезанн. В этом же году он пишет изумительное полотно «Сирень на солнце», прославленное Мандельштамом, а также «Бульвар капуцинок», вещь новаторскую, передающую в запечатлении свето-цветовой игры неостановимость жизненного потока. Выставленная на первой выставке импрессионистов на следующий год, эта картина стала предметом осмеяния и критики. Однако шедевры рождаются под кистью Клода один за другим. Чудо сочетания красно-зеленого (любимых колеров художника) в передаче полевых цветов и бело-голубого в написании небес делает особенно радостным его гимн жизни в «Поле маков возле Аржантейля» (не следует путать с полотном конца 1880-х «Поле маков», более сумрачным по колориту). «Маки» 1873-го участвовали в выставке 1874 года вместе с работой «Впечатление. Восход солнца», той, что удачно дала название всему новому направлению.

17, Клод сидит рядом и болтает голыми ногами в сандалях. В его бороде — крошки от миндального печенья

«Моне не предполагал, к каким последствиям приведет заимствование этого выражения из словаря художественных критиков. Он мог бы предложить «импровизации», «каприз», «экспрессия» или что-нибудь в этом роде, и новая живопись избежала бы тогда прозвища, которое впоследствии оказалось столь обременительным», — пишет историк. На самом деле название картины, ехидно подхваченное критиками для поименования нового живописного стиля, стало настоящей находкой. Так рассвет в гаврской гавани обратил,

чуть ли не законодательно, новаторский метод в крупнейшее художественное течение.

Импрессионисты закрепляют избранные ими жанры и стили — каждый свой. Ренуар, Сислей, Писсарро, Дега пишут в 1876—77-ом свои шедевры. Это натурные этюды, мгновения, казалось, неуловимые, но гением «пейзажного видения» запечатленные. Но самый последовательный их них — Моне. Он чистый пейзажист, не смешивающий жанры. Он обладает решительным нравом, его индивидуальность наиболее выражена. Потому его считают «главарем банды». Потому его стиль рассматривается как эталон всего течения.

Но финансовые проблемы не утихают. Приданое Камиллы уходит на аренду дома, на материалы для картин. Неполняемые средства тают, катастрофа неминуема: «...Нахожусь в лапах местного судебного исполнителя, который может причинить много неприятностей...». Клод в отчаянии, он просит помощи у друзей. Тяжело заболела Камилла, беременная вторым ребенком. В начале сентября 1879-го она умирает, из любимой жены, подруги, музы и модели обратившись в жертву.

Когда пишут о Моне, его биографию принято обрывать на этом трагическом эпизоде. Но жизнь продолжалась, и судьба художника влеклась неисповедимыми путями.

Эрнест и Алиса Гошеде были главными меценатами импрессионистов. У себя в Монжероне в 70-х годах они принимали Моне, писавшего на природе и создававшего свои *серии* — в данном случае декоративные панно, украсившие салон поместья. Разорившись в 1878-ом, Гошеде с семьей и отныне с таким же бедняком Моне снимают напололам дом в Вегейле. Алиса ухаживает за больной Камиллой. Семь общих детей (у четы Гошеде пятеро + двое мальчиков Моне) воспитываются вместе, что дает Моне право говорить о них «наши дети». Муж-банкрот пытается устроить в Париже дела, а у Моне

волей чего — случая? обстоятельств? чувств? — складывается вторая семья. Картины по-прежнему не продаются, но у Алисы есть рента, на которую эта странная семья выживает. Три тяжелых года в итоге завершаются удачей: все тот же спаситель Дюран-Рюэль берется за торговлю его картинами.

18 декабря, Моне забрал в плен, мотаюсь смотреть его альбомы

Клод тоскует по Камилле, это отражено в его живописи. Но жизнь уводит его в сторону оптимизма — в 1882-ом он женится на Алисе, в 1883-ем с многочисленными чадами он переезжает в красивую пригородную местность Живерни. Здесь суждено расцвести его творчеству. Он много ездит, много пишет, оставаясь верным природе и стараясь познать ее до глубин. Когда один корреспондент попросил Моне показать свое ателье, художник указал на Сену: «Вот оно!». Новые пейзажи отличаются от аржантейльских как зима от лета. Моне продолжает поиски в живописи, он неутомимо экспериментирует, а потому ищет новые мотивы. Пишет много морских пейзажей. «...Он схватывал сверкающий отблеск света на белом скалистом берегу и запечатлевал его расплавленным потоком желтых тонов, чудесным образом передающим эффект этого неуловимого и слепящего сияния», — вспоминал Мопассан, бродящий вместе с Клодом на приморье «в поисках впечатлений». Фекан, Дьепп, Варанжвиль, Этрета — места с морскими видами, рождавшими марины экзотической экспрессии, поражающие размахом мастерства в исполнении морских мотивов. Другая ипостась творчества этих лет — натюрморты с цветами. Любимые хризантемы, розы, цветы подсолнечника художник пишет с уклоном в декоративность.

В 1883 открылась выставка, куда отправились 56 работ Моне. Наряду с ехидным поздравлением иных критиков с выздоровлением от «болезни глаз», *индигомании*, пошли дол-

гожданые рецензии: «Клод Моне — один из пейзажистов Франции, которому удалось в высшей степени остроумно проанализировать атмосферные явления и свойства света...» Тон пока что ироничный, но — полное признание не за горами.

Мэтр Моне стал модным, стал преуспевающим. Достаток процветающего буржуа — то, к чему он всегда стремился, и известность не мешали ему совершенствовать свое мастерство и быть верным призванию. Поэт С. Маллармэ признавался, что ослеплен его *стогами* так, что отныне видит природу через живопись Моне. «Стога», «Тополя», «Руанский собор», продолжающиеся марины, далее — «Нимфеи», виды Лондона, «Кувшинки», виды Венеции — это образы обобщенного характера, чьи портреты составляли серии картин. А само написание серийных мотивов — следствие работы на пленэре, когда освещение беспрестанно меняется, и каждое новое мгновение может быть отражено на новом холсте. Безусловно, высшим достижением художника в его живописных сериях признаны «Руанские соборы», написанные «в честь готики». На выставке 1895-го «Соборы» стали сенсацией, и кто-то из экзальтированных посетителей даже услышал... звучание органа.

Признанный глава живописной школы, Клод Моне открыл эпоху импрессионизма, ему же приходилось ставить точку в развитии этого направления. Его образы древней Венеции первого десятилетия XX века завершают путь импрессионизма, так разительно отличаясь от аржантейльских регат и всех вообще портретов воды 60—70-х годов века XIX, когда все только начиналось.

19 числа, месяца не помню, года вообще не было, по Гоголю

Хорошо-то как! Любимым детищем отошедшего от парижской жизни художника стал парк в усадьбе Живерни:

«...Пышная растительность густой зарослью покрывала землю, рододендроны, бамбуковые пальмы, плакучие ивы, всевозможные кусты и деревья заполняли все уголки сада, на поверхности прудов плавали широкие листья нимфей с их розовыми, желтыми и белыми цветами Клода Моне»... В этом парке иногда разгорались костры. Это Клод жег свои полотна. То были варианты «Нимфей», ансамбля водных пейзажей, переданного художником государству.

Это картина-панорама, предмет для медитаций, когда зритель, находящийся в зале галереи, может ощутить себя посередине реальной глади воды, со всех сторон окружаемый как бы живыми прудами. Вольно или нет, но 84-летний Моне своей панорамой водных лилий в ореоле плакучих ив и любимых вод создал прощальный гимн эпохе импрессионизма.

Ниспровергатель отживших канонов, смелый колорист, поэт ландшафта, Моне был далек от революции в идеалах, но оказался главой новой живописи, рупором духа времени. И, быть может, он так дорог французам и всем нам еще тем, что больше всего любил стихию вод и цветы. Причем последние — со страстью создателя: он скрещивал разные виды растений, чтобы получить невиданные по красе гибриды.

Не это ли имел в виду один из друзей, сказавший: «В воде, среди цветов, можно увидеть небеса, разливающие вокруг солнечный свет, ветерок среди деревьев, оттенки, свойственные каждому моменту дня, теплую и полную картину природы»?

Нимфеи были завершены весной 1926-го, и в декабре Клод Моне, пережив многих своих друзей и коллег, покинул этот мир. Стихи Аполлинера под названием «Лягушатник» написаны за год до этого и звучат так:

*У берегов островка
Тихо качаются лодки пустые.*

*Теперь
Ни в воскресные дни, ни по будничным дням
Ни художники, ни Мопассан не катают в них дам...*

Буду перечитывать их, ведь художник подарил нам свою мечту: поместить в центр цивилизации покой и тишину, дарованную ему созданными им садом и искусством.

21 число

Всегда помню великих магнетических старух эпохи — Анну Андреевну, Анастасию Ивановну, Марию Вениаминовну, Фаину Георгиевну... Уж об артистках, как Бабанову вспомнишь! — молчу. Ахматова считала, что жить можно лишь с тем, без которого невозможно жить. Считала, что Европа глуха к стихам, на что Фаина классно отвечала: «Так ведь Европа — мещанка!» Что же сокрушаться, дескать, никому почти что стихи не нужны, здесь, в моей нищей, великой, бесстыдной провинции...

22 «...Помянул на проскомидии рабу Божью Марину»

А. Шмеман очень искренен в своих тетрадах. Как тяжело читать его заметы о Марине Ивановне Цветаевой и порой вынужденно соглашаться. О ее «вечном *напролом*», о ее гибели в поражении, тогда как Ахматова, Блок, Мандельштам в гибели своей торжествуют: они взяли на себя Россию, мир, революцию, грехи... Потому они победители тьмы, а Цветаева — нет, ее *жалко*, но она сама своей гордыней виновата. В этом все роде. А мне Марину нисколько не жалко. Ведь надо *любить*, и тогда поймешь, что жалкость — не ее контекст. А. Шмеман любит Солженицына. По его мнению, у Солженицына много врагов по той причине, что он имеет дар изгонять бесов. Об этом рассказывал средний сын Александра Исаевича — отличный пианист и дирижер Игнат.

По поводу мнения о Цветаевой. Думаю об ответственности тех, кто *берет на себя* подобное заключение. Диагноз врача — да, он дает надежду или выносит приговор. Однако и литератор, да еще осененный саном, насколько отвечает за приговор? Скажем, о Набокове. В том духе, что его гибель — тот *мертвый* свет, который навсегда излучает его искусство. Тут может оправданием быть лишь факт не расчета на публикацию своих заметок.

25 декабря

Патриарх Моне — из каких бездн он вылутился! А бедный маленький воробей — *патриархом* его кликнуть, как и патриотом — никак язык не повернется — Мандельштам?.. Этот тощий нищий властитель российской речи любил поесть пирожных и выпить шоколаду за чужой счёт. О, как я разделяю эти его нездоровые тенденции! Как к ним присоединяюсь! О, если бы вместе мы могли попить горячего — хоть не шоколаду, цикория! — и поржать над тугими кошельками!.. Было бы враньем, прикинься я всеобщей жалежкой. Жалею и помогаю тому, что вопиет безмолвно, кому никто не поможет.

Есть креативные, сильные люди. Видела Евгенича — Александра Попова, который лично счищает с крыши школы снег. Очень завидно, тоже так охота! Он пишет много, не оглядывается на толпу. Зато *толпы* учеников всех поколений его обожают. Мама зачитывается его Дневником и цитирует гостям. Очень любит эпизод с кормежкой бомжа. А по мне хороши и такие записи, как от 5.02.2005: про то, как у них *там другая музыка*... И от 23.08.2005: *куда бежать одинокой крысе?* Или от 3.02.2005: «Участь мела и свечи, / Сделал дело и молчи». Или про *вертикальный урок*: «начинать по колено в земле и заканчивать на звездах». Насчет службы скорой педагогической помощи... И когда он пишет «Я не учитель, во мне нет подвига», ясно, все наоборот, но жизнь и

творчество у такого чела — кровавые. Хорошо такую личность в личных иметь друзьях. А Дневник просто должен ходить большими тиражами в народ.

Январь. Достать дневник и плакать

Седни день под старый Новый год. Как и во всем между человечеством и стихией, просматривается дикий дуализм. Новый — и он же старый. Всюду человек как облупленный пред всевидящим Оком, но однако же облупленный подобно яйцу: вроде *белок* на глазок, а самое-то главное — внутри: желток. Сокровенное, сакральное, как скажет возлюбленный Н.Б., а за ним и адепты.

Когда желток и белок — это все же единство, купность, гармония вне диссонансов (если, конечно, хронический Фома не досмотрит в плане «третьего лишнего»... зародыш, вносящий в статус статического совершенства продукта нежелательный для вождя зрени обжоры элемент, нарушающий ансамбль желто-белого), то новое и старое — если брать аспект любимого мною «однажды здесь» — несомненная клякса в сознании. Тем не менее народ приемлет и сие, как, впрочем, им и абсолютно все скушивается.

...А кушали мы нынче пирог с лососем, в виде подкладки — картошечка — три штука на весь обширный пушистый тестяной слой. Далее лучок, несколько сбланшированный, затем кусочки-с-коровьи-носочки розовой рыбки — причем буквально без пауз накладенные! — и, наконец, венчальная верхняя кора. Такой же чудный пирог, помнится, поминала пресса после презентации моей смешной книги — «Бродячей музыки». В Интернете так и плавают «разбрызганные по всему свету звуки музыки», чем я будто бы в своем докладе характеризовала эпоху. Было много мажорных личностей, еще больше словес признания-любви, но лучше всех все же оставался мой пирог. (Хотя профессор Людмила Шкато-

ва приводила концептуальные параллели. Какой подарок — диалог профессионалов! Какое счастье встреча с умными головами, не кичащимися, что спецы!). Поскольку это дневник, то есть понятие интимное, признаюсь, что основное ценное мной в трудоспособной личности свойство — профессиональное мастерство. Горжусь, что сама всегда ответственна за свое профессиональное лицо. Сфера, где ты состоявшийся мастер, твоя обитель, но и твой долг.

Да, но замечено: когда хвалят мои музыку и стихи, это отнюдь не так «зажигает», как *комплименты* в адрес моей кухни. Может, это форма имбецильности?

Все еще январь

Опять не избежать термина: *Старый Новый Год*. Вздрагиваем, но ведь как поэтессу меня это не должно шокировать? А как пианистку? — Ладно, буду проще, как советует возлюбленный К.С.

Недаром выше, в канун *Ст. Нов. Года*, встало рассуждение о дуальности. Вот берем Летания-Во-Сне, которые у взрослых по всем параметрам должны бы оставаться за бортом лодочки детства. Они украшены отныне, помимо восторга братанья с небом, боязнь: я все время смотрю на электропровода — не подпалиться б! на столбы — не расшибиться б! Что делается в бедной-спящей *ренке*, если подкорка (нет, не о пироге речь!) позволяет себе такое? Мне позволен полет. Тот, Кто Разрешил, — неужто у Него не учтены провода, коими опутало себя человечество? Или эти глупые башенки недоученных архитекторов, на которые летящая во сне душа может налететь?

Возможно, дело опять же в личности, коей дозволили лететь без учета ее недостаточного доверия?..

Однако ведь «ничесоже не можете без Меня». Ибо без своего хотения, без своего веления ходишь по земле и лета-

ещь под небом. Под статью обвинения подходит и то, что в полете не желаешь, чтобы тебя заметили подобные тебе. И снова дуализм: оттого ли, что не ровен час подстрелят? или, уввы, от греха надмевания?

О, мы не знаем себя! Когда белое в нас, когда красное или зеленое! Все наши облака мы склонны приписать другим, чужому в нас, надутому извне. Не говоря уж о тучах.

Опять январь

Винни по простоте пел о себе как раз: «я тучка, тучка, тучка, я вовсе не медведь». К Винни Пуху обращается душа за утешением, еле сдерживаю борзое перо, чтобы не нагрешить — «почти как к исповеднику». Не поверят, но когда Пух в очередной раз обозвал пчёлку *неправильными* (это он, как мог лингвистически нежно, сопротивлялся их укушениям!), я мучительно долго раздумывала над судьбой нынешнего поколения пчел. Как им выжить, думаю я в продолжение часов и дней, когда все воздушное околоземное пространство впутано в вибрацию волн различных операторов и сетей? Как им летать, не сбиваясь с верных-вечных путей, даже не будучи *сбитыми*?

Разрешил ли завопрошенную проблему один гость-физик, обсыпанный моими вопросами, как бублик маком, обвитый ими, как елка мишурой? Он объяснил про пчел, что они совершенно привычны ко всем радиочастотам, ведь их старые знакомые — от роду на планете разражающиеся грозы, а тут суть те же радиочастицы. По слабоумию я, правда, могла спутать термины, но физик-то не спутал! Если думать, что он просто утешал мои настроения насчет пчелок, дак этого не было: он строго мудрый и сухо *зацифренный*. Хуже с птицами. Тут облом и никакова респекту. Дескать, зря вы для птиц стараетесь, крошки им собираете, тыквы потрошите. По закону, 80 % их за зиму *должны* погибнуть. Выживут

сильные, ест-й отбор. А я-то, дурында, подкармливаю их стараюсь; как забуду — так себя испепеляю. А вишь ты: *должны* погибнуть.

К этому номеру приложу и радость. Приходит надысь Аня, соцработник.

У вас, — кричит, — на подъезде объява: нашли той-терьера. А в доме № 2 другая записка: потерялся той-терьер. Кобель. Коричневый.

Ну, я, как больносердая, счас же за телефон. Звоню в № 2 к архитекторше знакомой. Она мне, сходя на двор, диктует номер. Звоню, объясняю. Там на костыле баушка. Велю вечор тем, кто на своих ногах, к моему подъезду — номер нашедшего смотреть. Не выдерживаю. Иду срываю лоскутик с записки. А следом мне звонят, в домофон: «Это вы Наташа? Вы нашли нашего?» (Значит, кто-то соседский на мою фатеру указал, раз Наташа в объяве, а я жалостная тож). — Нет, — грю, — мы *нашли* вашего, но это другая Наташа, звоните по мобиле указанной.

Два дня ушло на утряску отношений с теми, кому был тойчик передаваем. Сегодня звоню: дома? «Дома! Как сумасшедший счастлив!» Уж не надеялся, бедолага. А всё петарды, разрывы новогодние, безумие людское, имитирующее *счастье*. Да чтоб погромче, потрясовитее! Испугался, убежал, забился к сарайке. Мороз, а он голый. Добрая Наташа отогрела, тетке на сохранение отдала. Та — другой. Чуть было до выкупа не дошло.

Седни архитекторша с искусствоведницей пришли колядовать. С порога: «Ну, чо, собачка-то нашлась?» И ну объяснять непосвященным!

Обратно январь

А ведь и то правда — *обратно*. Ибо, как мы уже выяснили, снова Старый Новый Год... По типу, эдак, «обратно дождь по-

шел» или «обратно покойника везут». Эх, люблю речь демократицкую! Самовитую. Но чтоб уж без особых выражений...

А если серьезно быть, дак пропадает русич теперь без свечка духовного служения — Дмитрия Сергеевича Лихачева. Почему опорой европейской культуры он считал христианство? — Потому что оно несет личностное начало. Нет, я не про величайшее значение личности Лихачева в России. Дело в нравственной высоте нашей религии, которая единственная транслирует: Бог — личность, понимающая и страдающая.

Ой, ежели лексический начальник К.С. прочтет сие, то непременно возглаголит: «Ну, не можешь ты без пафоса!». Признаю. Исправлюсь.

Перехожу на быт. Почему-то моему мужу, а далее и сыну я больше нравлюсь в затрапезе — в фартуке у печки, с кастрюлькой и половником, хучь и серебряным. Они не дают помадиться и пудрить носик, носить заливчатскую тряпку и умно выражаться. То есть — дают, но при этом строят конфузющие гримасы и куксятся. Домострой в отдельно взятой интеллигентской семье — невыветриваемая штука.

Хвалят редко. Чужие за жизнь раз в тысяч несколько чаще хвалили. Да. А ведь мне уж не 20. И не 30. И не 40. Хотя, слава Богу, еще и не 60. Люблю покрасоваться, похвастаться. Похожа на крысоньку из шамота, самостийно счастливую, в золотых лапоточках и с развернутым в лапках папирусом, что лыбытся мне по-сестрински на расстоянии аршина. Ее изладил для знакомой поэтессы Боречка Тряпицын. Ведь он ценит, что поцелованные поэтессой скульптурки скоро продаются! Его гениальными творениями заставлены мои подоконники и завешаны цезуры между картинами. Он слепил моих жирафов, сидячего и стоячих, и у всех золотые шкурки и улыбки в виду кактуса и молочая.

Спокойной ночи, эфир. Здравствуй, Странный Новый год.

Всё этот же январь, кажется, 15 число

Редсовет после каникул прошел под прощальным знаком Гурфинека. Т.Х., блестя слезой, выводит из аппарата статьи: СМИ бойко размножают театр, байки, сплетни, мешая клевету с голой правдой. Придя домой, слышим то же из радио и по ТВ. Достал бел-чел местную богему в нафталине! В телике выдвинулись аксакалы: Петров, Лин, Цапка — со щитами *зассиссяют*. «Не тот сит (шит), который ссит, а тот, который засиссяет». Это из области детских анекдотов 50-х гг. прошлого века. Счас бы меня, как исчадие мусорной цивилизации, упекли и Дмитрий Сергеевич, и Николай Федорыч. Лихачев на Соловках не мог говорить матом, на который переходили другие интеллигенты для большего шанса выжить. Тех, кто не ругался, чаще расстреливали. Ведь кто без мата — тот чужой. Не материться — показывать внутреннюю свободу, оказывать внутреннее сопротивление... Не материшься? Культурный? — Опознан! К тому же, чтобы не били по голове, он ходил в студенческой фуражке. Там было принято бить палками при загоне в роту. Д.С. думает, что благодаря той фуражке его никогда не ударили. Генетическое торможение у охраны срабатывало?

Ага, входим в режим: 16 января

Что касается Н.Ф., то наш местного литья любослов, с его загадками и аутентичностью, — просто величайший боец с лексикой от параша... Мне весело читать его каталогизацию, например, юродивых. Ю-род, это маргинал, который вне рода, то есть выкидыш, и даже их либидо — не от мира сего. Книжка называется «Русские юродивые и блаженные», очень интересная, просто зачитываешься. И почему-то я указана одной из составительниц.

Однако меня чегой-то прямо раздирает нынче от прибауток:

*Днесъ Христосъ родился,
а Иродъ-царьъ взбесился.
Я васъ поздравляю
и вамъ того жъ желаю!*

Да, это вроде сам возлюбленный наш Лесков? А у Марины Ивановны и того демократичней:

*Я католик, я крещеный,
у меня есть кот ученый,
очень я его люблю,
хлебом я его кормлю.*

Перевод, вероятно, ее саморучный, а стишок шестилетнего соседа, Жака, кажется. Там и тут присутствует некое совершенство. Лапидарность, любовный религиозный юмор — что роднит народы и делает вроде бы непрофессиональные изделия — творчеством. Относительно Гурфинека. Грустность в повторяемости: чел. слабости, эгоизм, агрессивность. Впрочем, форма все та же, а содержание слабо прикрывает экзистенциальные дыры. Все знакомо. А бел-челу в назидание, не будет надмеваться. Переключив каналы, застаю одну фразу О. Остроумовой, пытаемой двумя дядьками из восстановленной программы. Видимо, на вопрос, что для нее на театре всего неприемлемее, Ольга сказала: когда режиссер унижает актера. Возможно, из-за таких коврижек взбеленилась молодая часть нашей труппы, ведь именно они стали инициаторами побоев Львовича?

Все же январь, но уже точно 17 число

От вырождения нашу достохвальную расейскую общность может спасти даже такой минимум, как принятие некоторых — пусть не законов — правил для общественного транспорта. Надоедает ведь демонстративно разглядывать доисто-

рических рептилий и кадавров, топчущих при посадке женщин вкупе с детьми. Сегодня изучала такого лихого, отпихнувшего всех — выходящих медленных старух (честно признаюсь, что до сих пор подаю им все свои предплечья при их выходе, а также уступаю нагретое место при входе), пытающихся одолеть ледяные ступеньки мамашек — резво вскочившего и занявшего трон в первом инвалидном ряду. Вроде по обличью — человек, даже не утративший скоростей и мужских отличий... Он счел себя венцом творенья. Но хуже те юные инопланетные граждане, что почти всегда восседают на этих меченых крестами-костылями местах и практически никогда не встают, разве что если бабулька упала уже — на их торчащие спортивные коленки...

По счастью, мужчины в моей родне не замечены в подобной очерствелости чел. органики. Даже удивлялась часто на своих московских дядек, на супруга, на сына — они предпочитают просто не садиться, даже в метро, а простаивать весь путь в осознании своего предначертанного достоинства. Правда и то, что в Московии другие нравы. Взять тех же старушек. Они там модифицированные. Сестра называет их *торпедами* — таква их потенция взятия дверей в транспорте. Это — один видовой аспект кочующих по столичным меридианам бабок. Другой — сиделицы при крылечках (этот образ жизни не вымирает даже с разрастанием количества каналов ТВ). Сестра именует их *рентгеном*. У меня, сказать по чести, очень остроумная популяция родственников. Так, та же сестра держит на видном месте сборник афоризмов, записанных моим сыном (а ее *пельменником*) с моего голоса. Соберемся — ржем от души, сидючи за ляпаньем пельменей. Или в промежутках между гонками по Крымскому валу и игрой на красном рояле в скрябинском музее. Да, для себя с присными могу прихвастнуть, что научные сотрудники слушают моего Скрябина на тамошнем инструменте, а мазурку до диез минор просят сыграть на бис!

Но я отвлеклась от дня сегодняшнего, от 17 января. Разыскала своего героя Точилкина. Слава Богу, он на северах возделывает в полный рост свой «Памятник Семье», выигравший российский конкурс скульптур. Алексей за сотни верст продиктовал мне подписи к репродукциям своих работ в моей статье. Велел указать размеры в точных см, а то, что *литье* (техника), то, дескать, будет явствовать из *бронзы* (материал). С авторами не спорю. Постараюсь убедить требовательного главредактора.

Все больше от музыки отвлекаюсь в сферу изобразительного искусства. Такая потребность. Не чья-то (заказные статьи), а моя. За словом и звуком в жизни чуть было не упустила культурный слой художников — тех, кто декорирует нашу прозу. Этот класс общества уже несколько лет притягивает. Чем? — Инфантильностью, добротой, раскрытыми глазами, щедростью. Я и пишу о них, как о диковинках, а не персонажах.

Моя *персонасфера* — проживаемая параллельно реальному бытию ипостась познания. Мои чудики — композиторы, актеры, скульпторы, люди балета и других ритмов — это гости моей жизни, избранники души. Открываю их для людей и человечества, для себя. Они мои званцы-избранцы, они — счастье общения, понимания, сопереживания.

С этим моментом открытия-запечатления могут сравниться еще уроки с подобными учениками, сотворцами.

18 число

*Стоял январь, не то февраль,
какой-то чертовый зимарь.*

А вот и не упомяну, чье это? М. б., Вознесенского, который антивознесся и — «так висю»?

Только Асенька не похвалила б. Она ведь даже рассказ своей возлюбленной сестры Марины, что отзывается «на бук-

ву Ч» («Чёрт», то есть, бр-р-р!), не велела читать. Я, конечно, прочла, извинившись мысленно за нарушение ангельского запрета. Рассказ фантастически хорош — по-страшному, примерно как «Упырь» Алексея Константиновича Толстого. Все наши триллеры в полете!

Хороший выдался день. Из тех, что особенно жалко навеки терять. «Солнце на лето», совсем чистые снега, как бывает с ними на первый день выпадания в городе. Мороз падающий... Отправляюсь на различные объекты, обозревая уличную местность.

Рябины, вчера атакованные причудливыми незнакомыми птицами, почти до дна обклеваны. Продленный — уже не на полчаса ли? — день. В сумерках возвращаешься — небо на юго-западе еще фонит голубизной. Фонари почти все в фокусе, оранжевы, правильно-округлые, так высоко вознесенные, что — не побить!

Да, вчерашнее явление в нашем околотке! Туча птиц на высоких тополях. Они срываются частью стаи и падают на три рябины, обвешанные кораллами. Птицы очень пугливы. Пришлось постоять, при первом же движении в их сторону они взлетают единым организмом на вершины тополей. Они похожи на кукушку, чуть меньше и изящней голубя, с острым удлинённым клювом, с желтым брюшком, с рябчатыми перьями. Но сбиваются ли кукушки в стаи? И вообще — откуда сей перелет? На юга? На севера? Просто из лесу, рябинкой закусить?

Так что осталось ягодных кистей немного, на нижних ярусах деревьев. А растоптанные в снегу — может, местные голуби-синицы поклюют? А то идешь по красному живому на снегу — совестно.

Была презентация у фотографа Галины Петросовой в Академии. Сразу ну меня выкликать... Чтоб в ящик цветной поместить всю мою непомерительную красу и в радиоволны

вплессть. Ну, я не отпиралась, рассказала-похвалила. Стишки опять же насильственно пропела. Люди любят стихи, музыку. Да поклон им, как это сейчас — *респект и уважуха!*

Затем занесла статью в «Автограф». Повидала Сашу Соколова, а внизу, в служебном фойе — Володю Батракова и Митяева. Батраков — мой бывший ученик, талантливый аранжировщик, толстоват. Говорили об «Аркаиме» и песнях Тумаркиной. А Соколов и Митяев в отличной мужской форме. Первый на строгой диете и, главное, освобождает хату от книг (носит к нам в редакцию), а второй просто — «светлое прошлое».

Зашла по дороге и в кассу. Издатель, как и чуть не всякий на этих ролях, опять обворовал. Как и вчерашний, за эссе о французах. Сейчас говорила с Н.Б., утешает тем, что крадут гонорары всю его жизнь, а главное, книги десятилетиями не издают, даже те, что оплачены авансами. «Забывать; и не плакать, а смеяться» — совет. Точно, как мама сегодня утешала опального режиссера: «Плюй на все и торжествуй!». Совет красивый, но на таких, как я эмоционалов, абсолютно не действующих. Однако слышу его всю жизнь; м. б., когда и сгодится?

19-гое. Богоявление, Крещение

В Праздник думаю о тех, кто ушел в горный край, на родину, — но поруганный, измученный, несправедно пострадавший. О страстотерпцах, о позоре российском, скорби вселенской. Во мне просто раскаленной железякой мысль: жертвоносность народа будет продолжаться, пока длится неискупление. «Народ делает вид, что не знает, — это одна питерская чудаковатая пифия говорила. — Народ знает все». Просто удобно прикидываться полудурком. Царевич от хронического холода, ледяной постели (6 градусов в сибирских комнатах!) не смог уже в доме Ипатьева ходить самостоятельно. (А ведь спартанским воспитанием как был закален!). А холуй от власти с винтовкой, не дающий детям спокойно по нужде сходить, в своих

воспоминаниях смеет называть его Алешкой. Ребенка, часто говорившего, что когда он будет царем, не будет бедных и несчастных, все будут счастливые. Его прекрасный отец мечтал, что сын Алексея сможет быть для России вторым Петром Великим. Да. А в 18-ом в «тихом заброшенном» Тобольске на молебен Крещенский их пустили, но «чтоб без погон». Тогда отец набросил на плечи бурку, а цесаревич укрыл нашивки башлыком. Приближение конца все чуяли. Наследник говорил, что если убьют, то хоть бы уж не мучили.

— ...А хорошо жить по календарю. Мерность всему есть. Слава Богу, сегодня еще только Крещение, до Страстей еще далече, целых 33 года до крестных мук и поруганья.

Вечер Крещенского морозца

День на день не приходится. Праздник, а меня служба в *храме музыки* ждала. То есть, любимая работа, моим расписанием заведенная и по субботам. Она проходила в холодном неуютном классе с детьми-струнниками первого курса, необычайно никакой степени подготовки и самой высокой фазы лени. Провела блиц-уроки, многое, недопроеденное в полугодии, подытожили, расставили оценки в зачетки. Но лучше всего, что сделана попытка примирить запутавшихся в насущном социуме детей с необходимостью — дабы выжить, зацепиться за профессию — энной лепты труда. По-моему, «слово пастыря» возымело действие. Не столько даже аванс в виде положительного балла, сколько вселение надежды, что им помогут. Их жалко. Не потому, что «друг» украл 11-тысячный сотик и продал за 2 штуки, и теперь со своим отцом надо ехать к его отцу покупать новый, а сам «друг» в колледж уж теперь точно глаз не покажет, и не педагогов боится (зачетка первоначально пустая, второе полугодие — только койка в казарме, где «воспитона» держат все из той же жалости, но уже к его отцу), боится общих друганов, обещавших рожу начис-

тить. Их жалко, ведь в телике одни шуты, когда не киллеры, а в компе — те же самые, но уже с прямым твоим участием. Воленс-ноленс делишь участи либо жертвы и лоха, либо убийцы и везунчика. А за окном — мороз (что до термина Крещенский, то для троечника он самое верное от *крещендо*, которого замученная быдловизной своего преподавания тщетно ждет от него учительница музыки...)

Другая печаль дня состояла в раздумье все той же училки, прогулявшейся, как часто случается, по соседнему горсаду. Парку, который уже три года почти что не дает тени. Об этом удачно сострил главный художник Драмы Олег Петров. Когда этот любимый гражданами оазис в пустыни урбанизма резали и корежили-корчевали, он сказал так: «Да, отныне это самый красивый парк в городе! Деревьев оставлено ровно столько, чтобы не было тени летом». А главное, куда они настраивают в наших редких садиках этих монстров архитектуры для поесть-попить-сыграть? Вырубая, как это по последней адовой моде, дерева — еще и еще!?

Но печаль состояла и в следующем открытии. Излажен отличный каток, носятся наши хорошие дети и молодежь, но каток сей обретается прямо под телевышкой (впрочем, как и сам богохранимый сад Пушкина). То есть дозу все тех же антибиочастиц счастливые конькобежцы заведомо схватывают. Сколько умерло за последние 3 года друзей-тележурналистов: Наташа Занадворова, Инна Павлова (а вслед ей Василий Васильич), до этого Ирина Бушуева, и еще с другими именами работники голубых экранов. Они служили по этому адресу.

Со стороны может показаться: у Наты пунктик. Сперва пчелы и прочие насекомые, счас спортсмены... Однако мне зороастрийским календарем назначено 1) «быть ближе к природе» (только вчера надиктовали по телефону), 2) «ничего не бояться». А я и не боюсь. Только природу с челами заодно жалко.

Далее печаль моя устремилась к зданию бывшего элеватора, красивейшего городского сооружения в стиле модерн. Не уникам ли этот дом — место для складирования зерна с выраженными чертами арт нуво?

И вот. Он в стороне от парка, но солнце, склоняемое на запад, обозначило вдруг его лицо с выразительными страдающими глазами, со светящимися проемами на висках — проломами, декорированными в том самом, уже столетие модном, стиле. Остолбенев от открытия и созерцая эти рухлые стены, разве не поверю себе? Все — без метафор. Позову в ту аллею спецов и просто любопытствующих: чудо сопровождает нас и здесь. Если свой ангел-хранитель есть у каждого кирпича Элеватора, так сколько же страдающих бесплотных сил устремляют к нам свои прошения о помиловании! Похороните здание, если нет средств возродить. Возродите, если дом все еще живой.

— Ау, господа коммуникаторы!

— Жизнь покажет, как карта ляжет.

20 число, воскресенье

О разновесах, разносолах как не размыслить. Разновесных днях, годах, событиях. Господи: да часах! Вчерашний день разделен на радость и печаль, как шахматная игра. Разносол же — это соло разных голосов. В них путаешься, как в той же паутине радиочастот. Чужие голоса заслоняют пение ангелов и птиц. О птицах еще раз. Одна ведь из тех, что рябины склевали, осталась. Метнулась седни опять на те тополя. Забыли ее у нас что ли? Проспала? изувечилась ли? ничего не знаем. Менее того можем. Шла домой мимо серебристых тополей у театра, ругала себя за печалованья по природе, усмехалась: «Тоже мать Тереза нашлась! Никто не уполномочил». — Куды ж деваться, коли болит.

Жалко, что не можем в семье нашей аттестоваться как тот «обычный американский парень с избытком очарования». Записаны мы, наверное, в ищущие царства правды. А как же эту землю защищать от нечисти? И хоть гран этой должности исполняю ли, в единственном числе убирая лестницу в железобетонном доме, где квартирую, от тварных нечистот?

Звонила библиограф Любовь Николаевна Аверина. Ведь очень грамотных библиотекарей не так много. Хорошие вести: моя вторая книга числится по ведомству, заслана в *Ленинку*. Про «Однажды здесь» можно и не проверять. Про «Тропюю трав», сдается мне, тоже. Вообще: что за манера не доверять челам? Будто они заведомо лживее-ленивее тебя? Выговор с занесением в душу!

Ну, а объяснять свой интерес к жизни собственных книг, отлетевших от меня, автора, и эмансипировавшихся, надеюсь, не нужно!?! Поймет каждый пишущий.

Хотя здесь как не вспомнить милого Поля Валери, сетовавшего на то, что в литературе всегда есть нечто сомнительное — оглядка на публику. Потому мысль движется не от произведения к человеку, а от произведения к маске.

21, однако, учебная сессия

А интересно вот так вести двойную жизнь. Музыкант по одному вузу, поэт — по другому. Да в промежутках еще журналистика, редакторат, маммиат унд зо вайтер. Как успеваешь, как рычаги переключаешь, как восстанавливаешься — никого не касаемо! Хорошо, организм сам придумывает порой охранительную тормозилку. А, может, это у меня от моей учительницы Ревеки Германовны Гитлин: она всегда опаздывала — на часы — на уроки, и таким образом обслуживала потом на предмет спецфортепиано длинную очередь жаждущих. Другое дело, что именно я никогда не поспешала на урок. Кормилась крохами урванных в неурочные часы расска-

зов-показов, а главное — концертов Р.Г. Гитлин, непобедимой в игре на рояле джазменши. Сколько веселых часов давала ее дружба с нами, тех лет вольным контингентом ее класса! Она бегала по нашим дням рождения, свадьбам, потом именинам детей-мужей-жен, и родителей дружбой своей не забывала. Бывало, приведет в гости, накормит салатом из редиски со сметаной («Витаминами. Запомни, Наташка, это очень важно!»), ящики повдвигает, скатерть какую-то расписную льняную с прошивами достанет и командует: «Вперед! Сегодня у нас свадьба у Хоманько!». И мы едем, как верные пажы, в Ленинский район к хорошим людям Николаю Николаевичу Левенсону с женой и дочерьми Верой-Надеждой-Любовью Хоманько. Он был скрипач и директор музшколы, первый позвал меня работать по специальности, а я в тот год еще училась в училище. Преподавала истово, а зарплату забывала получать, и мне ее привозили и в почтовый ящик бросали. Мурашки по коже — да?! Парадоксы на каждом шагу. Счас бы зарплату в ящик, ага? А не получать деньги в то время, как семья была с доходами мизерными?! Разве не характеристика поэту-музыканту из хорошей фамилии? А ведь еще (уже!) в консерватории я ходила в пальто, платье, блузках, сшитых бабушкой. Не помню, что когда-то носила новое, из магазина. Правда, и маме в детстве бабушка сшила красивую бархатную шубку из... штор с золотым плетением.

Однако о недружении со временем я вспомнила сейчас, не обнаружив с собой часов. На руках, в полном отличии от Марсея Седана, часы не ношу — возможно, после реплики Ахматовой «Чтобы на мне что-то тикало!?!». Ведь Седан носил часы сразу на обеих руках, по этому признаку и был признан среди потерпевших аварию самолета: когда его пассия Эдит Пиаф от нетерпения увидаться приказала сменить пароходный рейс на самолетный. Она потом так до конца и считала, что сама убила своего самого любимого...

Ахматова. Тут наемни Алла Демидова, ледяная леди театра, с которой интервью мне все засчитали «на ять», позволила себе фразу Пунина по поводу его бывшей жены — Ахматовой — «...в ее *темном* сердце». Вот оно — лукавое, нечистоплотное племя гистрионов! Выдала в многолюдный эфир вопль бывшего и явно обиженного сердечного друга, облив по пути грязью *сердце поэта* — а ведь содержимое данного объекта желает быть тайноскрытым, даже исходя из фразеологизма романтиков. Да еще попыталась быть третьейской стряпчей, или решила подстраховать явную подлость: «...зато душа светлая». Ну, ладно, постараюсь без фанатизма.

Однако же, вертаясь от любимых студентов, обнаружила в еще одном последнем бастионе зеленой зоны Челябинска — парка на Алом поле — следы очередного нашествия вандалов. Старые деревья просто уродски обгрызены, спилены до высоты роста горожанина, и хлястики кожи болтаются. Линчуют нас, линчуют и зеленых друзей. Кто ты, решивший за всех нас, коих сотни тысяч живых душ, свести на нет наши легкие? Бензинные пары по всему парку, некуда деться. Я долго в сумерках ходила по птичьм-беличьим кормушкам, сыпала сухарики, но их — ни одного; в лес подальше убрались? Но как — через все вонючее море авто, по этим трассам смерча?

Тут же и Таня с Дуней, «поборницы всяких прогрессов» (А. Белый), веселятся. Кремль расписали по фрагментам — кому башня, кому собор: стройтесь, мол, боши, с размахом. В мавзолее — торговый центр, и горку со Спасской башни — на площадь, благо, каток уже есть. Это к разговору, что распродают святыни, памятники зодчества — нуворишам.

22 января

Странная фактология. Накануне помянули мавзолей, а тут аккурат день памяти Ленина. Но мы про другое.

Нет, высшей похвалы достойны девушки, желающие выйти замуж. Жалко, раньше этого не понимала. Подружки выходили за тех, кто болтался рядом — в подъезде, на курсе. А я принца дожидалась. Кстати сказать, дождалась. Мой муж, Сергей, из рода Лысчаржей, рыцарей вроде. Если верить ему. Однако и мама его, Тереза Аполлинарьевна, баяла похоже. Под конец рассказывала истории их выезда из блокады, и как отец погиб, только про отца Сергея так и не захотела. «Обида давняя. Тряпка был», — вот все, что досталось от характеристики на него. А надо ведь знать своих пра, и пра-пра... Сергей винит мать, что она не сказала при его путешествии в Ригу, что отец там так и живет. Думаю на это, что можно и так было восстановить связь, сам уж детский давно, фамилию-координаты можно в наши дни сыскать по запросам. Да и тетка, похоже, связь с опальным Сереевым отцом Александром держала. Ныне, когда все поуходили, чего ж на родных пенять. А тот кидался к малышу, завидев на прогулке на рижском сквере, вторая часть 40-х шла, а баушка Стефания поспешно увозила коляску, чтобы не нарушить терезинового запрета. В год нашего марьяжного интереса С., разложив альбомы и наткнувшись на фото тогда еще бодрой мамы (началовала отделом строительства в городской газете), тянул панибратски: «У, старая мартышка!..»

А нынче очень понимаю девиц, для замужества все карты своих красот раскрывающих. В самом деле: брак и венчающие брачное дело дети — главное и, впрочем, единственное дело женщины на земле. Не аховые офис-вуменши, не писательницы, не продавщицы должны населять грешный глобус, а — матери и любящие жены.

Свадьбы когда глазеешь — радуешься, не плохо бы и помолиться за каждую пару, чтобы красота эта не кончилась, за свадебными кортежами вслед.

Пришла Г.С. Петросова. Много шуму из всего. Поправила мое наблюдение насчет вождя пролетарских масс: день Ленина был именно вчера, 21. А родился он, наоборот, 22 апреля, за неделю до меня. Вот какая я пионерка забывчивая, а так в детстве кудрявой головой начальника большевиков любовалась!

У нас на елке всегда бывает много народу. Подарки сыплются как из рога: с той стороны и обоюдно. Музыкальные шкатулки, свечи, куколки (я любительша), фейки-эльфики. Из Питера девочка привезла плюшево-пряничного ангела, фарфоровый набор, хлебец с прозрачной сценкой у яслей Новорожденного. Они оба были сражены нашими подарками. Мы старались. У ребят на елке тоже были. Они старались. Все интересно, необычно.

Нота Бене: Пафосные люди любят называть всякие вещи подобно себе. Так, в ряде изданий есть разделы «Персона». Мы избежали, я дала имя одной из рубрик журнала — *персонаж*. Вписываются многие, но у публики из редсовета оно вяжется с непременно иронией. На самом деле в моей экзистенции действует масса персонажей. Разве что царя не назыву этим именем! Одних Николаев, кстати о царях, завалишь.

23 января

Даже не верится, что отстрелялись от экзаменов. Одни гильзы в виде коллапсных нервов и оценок в зачетках остались. Не передать ваще нагрузки денной! Экзамены полдня, прослушивание задолжников, аттестация двоечников, кафедра с минорными сообщениями, затем еще редакция с окончательной вычиткой корректуры... Что за востребованность такая пыточная? Лошади в последнее время привлекают внимание — может, к тому же: «Кто везет — тому и везет»? А какие конечки из Нидерландов, в серебряных тонах и позолоченные, продают нынче в маркетах! Вечером, во фруктовой

лавке, любовалась на розовую лошадь, и только сейчас сообразила: это же лошадь 20-летней давности из моего стишка!

Все время думаю о судьбе студентов. Даже нерадивых. Днем нынче в столовке глажу Ваньку по голове, наелся ли — спрашиваю, не подкинуть ли каши, а поодаль тетка лыбится счастливая. Оказывается, мать из Златоуста наехала — дитя, сироту в городе, игрушку у «дедов» проведать. Ну, истинная картина передвижников! И стала я на нее наступать. Чтобы она не стесняла себя в наступлении на гарнизонных дядьев, на *воспитонского* дирижера. У парня меньше чем за полгода пребывания в военном училище зубы крякнули. А его еще и домой не пускают — полечить. А военком на мою просьбу подкармливать заверяет, что *то* и делают. А ему даже обед не оставляют казенный, когда у нас по урокам мыкается. А нынешний главреж кафедры тоже непристойно хихикает (Ванька ростом — с метр что ли) и утешает байкой: дескать, Ванька, на всех лекциях только за парту сядет — так и башкой в стол: спит. Что взять с детворы, когда ихние кукловоды — то графоман, то баба. На вид вроде приличные челы, а сквозь рентген — персону Маппет-шоу. Студенты отзывались: «А, опять этот *скиметь* будет!..» Таким образом, вырожденные налицо. А уж кто получится из вверенных воспитателям ребят — одни гены разве что ведают. Глубочайшее убеждение — только семья, родня, корни вытащат из лужи и ямы.

24 число, генварь

Почему-то звонили аж из трех библиотек. Все хотят встреч, авторских вечеров, презентаций. Даже юноши из... турецкого лица.

Елка остается метафорой радости. Метаморфозой жизни-смерти. Конечность дерева, принудительно вырванного из лона, налицо — даже если пихта прорастает почками. Все равно в ту родную стихию ей не вернуться. Вот и думаешь,

как в марте прощаться с ней. Виноватить себя? Если даже отказаться от живой елки, то ее купят другие. А не купят — останется брошенная в зимней ночи при помойке.

Есть вопросы не решаемые у нас, нами. Сфера невидимого, как говорит Александра Федоровна; загадки для непосвященных. А мы — джунгли.

Елка сияет в тиши, разливаясь пульсирующим разноцветом огоньков и бликами живых свечей в подсвечниках *по-запрошлого* века! Оживляемые искрами пламени игрушки. Фламинго, сотворенное больше полувека назад моей бабушкой и восхищающее нынешних гостей, козлик на лесенке, мальчик на салазках, другие елочные фигурки, сотворенные руками бабуленьки. Принц с остатками какого-то оружия (алебарда?) и снегурка, они от ленинградской тети Нади. Гном на коленках перед грибом — и вовсе игрушка с елок моей мамы (а ей за 80). Избушки, любимые мной, разных форм и цветов. Такие же разные, трогательные еловые шишки из стекла всех пород.

У нас хранятся и бабушкины работы акварелью. Очень даровито созданные листки. А гости усаживаются в кресло, сделанное теми же руками. Просим садиться осторожно, ведь оно уже качается. А настоящая качалка, поодаль ждущая смелых седоков, служила еще моему прадеду, бабушкиному отцу Александру Ивановичу. И каких он дум в ней не передумал — насчет своих книжек, своего объедающегося начальства?..

Фотографирую елку на рассвете и ввечеру. Нельзя оторваться! А тут еще музыкальные шкатулки, преподнесенные как емкость для чая «Волшебная луна». Свихнуться можно от счастья, не правда ли?

Марыся Салазкина, подружка, разъяснила ту новость с кафедры. Скоро наш колледж отомрет. Министервы и министервятники придумали, что будет 11-летка, а потом сразу

вуз. Как будто все пойдут в консерваторию! И как будто нормальные училище в Москве — имени Ипполитова-Иванова, Скрябина, Шнитке, Собинова и другие, согласятся на закрытие. Ведь школы для одаренных — фуфляндия, недаром мы зовем их — для *одуренных*. Есть лишь единицы, и неважно, в каком заведении он учится, важно — у кого. Словом, славно прогибают наши чакры. Но все интереснее жить!

Главное, не забывать сыпать крошки по кормушкам. Носить котам снесь. Два дня встречаю одного серого из околотка: лапки поджимает, хохлится как воробей, сидит аж на перекрестке: «может, подберет кто мя?..».

25, пятница, Татьянин день

И день рождения Милы Зубановой, ответств. секретаря журнала «Автограф». Посидели редакцией, впервые пили чай, а не градусное. Кушали икру в корзиночках. Подарили милые презенты. Болтали о танцах, гимнастике, вспоминали наше начало 10 лет тому. Как притирались, сколько было неразберихи, трудных людей, а мы выдержали и издаем красивейший журнал по искусству аж с лишним 100 страниц каждый. Делаем дело за государство. Из интереса и любви к искусству, а не для бабосиков.

Даже своих *сырих*, т. е. поклонниц, заработали. Встретят где-то в зале и суют сувениры, вареньице, даже стыд забирает!

Главное, помнить, что мы антилозунгасты. И никогда сама не назовусь «журналистом» — т. е. литератором на скорую руку, пусть хоть там они запишутся в энциклопедии, обзывая меня так!

Ходила в *Иль де Боте*, искала свои духи, называются «аллегорическая вода». Позапрошлой зимой выбрала в Москве этот подарочек себе за доклад в Маринином музее. Осталось мало, а здесь, в московских филиалах, таких не числится.

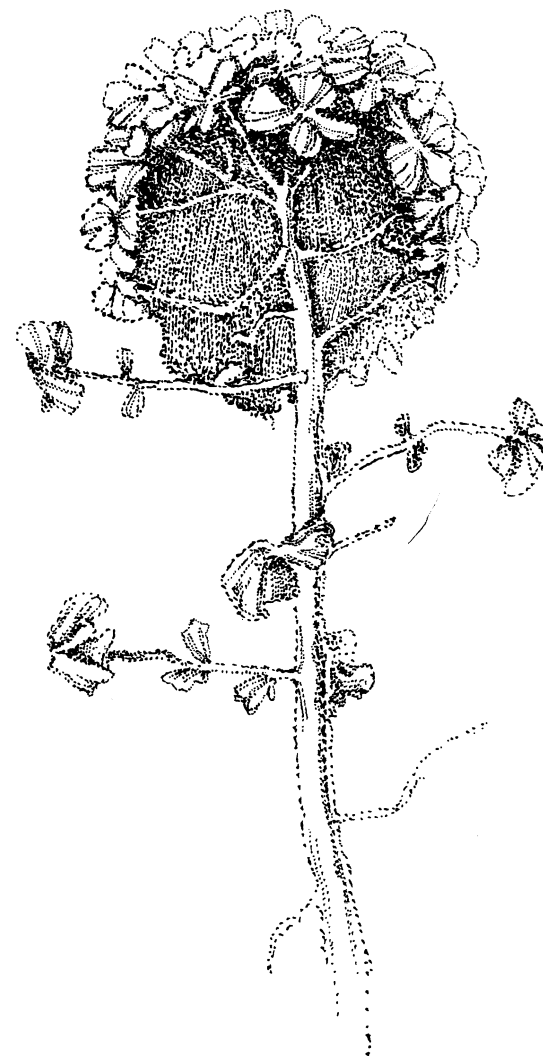
А *Ив Роше* разочаровал похуже. Обещали подарки приличные, заманили, а в результате — замена, и вовсе не адекватная. Не пойду больше, пожалуй. Всюду ложь, хоть маленькая. Все эти скидки, проценты, презенты: «не обманешь — не продашь». Ты участвуешь в них как жертва, но ты часть акции, и тебе за эти игры тоже *попадет*. Не перепадет — Нота Бене, а попадет. Как Николай Александрович говорил: «Они напортят — а мне отвечать» (перед престолом Всевышнего, за Россию — разумею).

Встретила под землей, как бежала за цветком герберой, батюшку Александра. Хорошенький такой, на дед-Мороза походит. Так ему и доложила. Он тоже меня похвалил за красоту и обещал сочинения прислать. Да, а вчера возвращались с подругой от сына, зашли в «Саламандру», а там в полтора роста Пэр Ноэль стоит. Ну, я ему как положено: «Здравствуй, дедушка Мороз!» Он через очки улыбается, а Маринка Салазкина так и покатила от моего простейшества. Однако я своего инфантилизма не скрываю. Ребячусь не стыдась. Мне весной Свеча Сотникова, консерваторская подружка, даже так сказала: «Господи, как ты так всю жизнь и прожила ребенком!?!». У них машин завалились, они утром спрашивают, на какой я седни желаю покататься — на серебряной в зоопарк, или на синей к Таватую? А я, кабы можно, сразу бы в две загромоздилась. Однако выбрала пеший ход через Зеленую роццу (место любимых променадов вместо уроков в консерватории) на Троицу в храм. Но мы потом еще ездили за сандаликами для меня — любимой подружки. А толстый, как помпон, муж Колян все вскрикивал: «Ах, вы мои курносые! ах вы мои востроглазенькие! А вот я вас ужо! Фокус на меня!». И все было классно. Правда, в Екатеринбурге уже не прописаны наши с Сержем друзья: Слава Якимов и Ниночка Каргу. Они теперь умерли. Сергей настойчиво звал меня летом на похороны Нины, но болела мама, мы

в это время сидели в деревне, в утлой избушке, пережидая дожди под недобрый глазом скупых хозяев (они считали даже ведерки с озерной водой, что мы тратили!), и выбратъся в другую область через собственный далекий областной центр не представлялось возможным. Когда-то я опишу наши дружбы, свадьбы и мистику отношений...

26: «Нет более опасного оружия, чем искусство воспоминания»

Сказочный художник Женечка Колесов переехал ко мне. Вернее, обе его картины с моими названиями. Там на быке дивная компашка летит: принцесска, шут с чайником на удочке, а вторая из диптиха — «Небесный журавль из гнезда Зевса, примиряющий Солнечную страну с Луной». Мы когда с Женей встречаемся где-то возле худфонда или под окнами Тряпицыных, дак сразу не то что раскланиваемся, а расцеловываемся. Ведь он плакал от моей статьи про себя, а я жмурюсь на его цветопрекрасные картины. Мало ласкают у нас поэтов и художников. Мало хвалят артистов. Все покритиковать норовят. Хорошо, мне попался орган критики, где не ругают, а только приветствуют. Живу в журнале «Автограф» 10 лет припеваючи. Если и когда сражаюсь, дак на шпагах бутафорских. Многих порадовала своими разборами. Вот намедни Алексея Точилкина на щит подняла. И рука легкая оказалась: его проект по скульптуре «Семья» осуществляется таки на Севере! В обойме моих разборов в «искусстве изображения» и Сергей Черкашин, и Люся Кудрявцева, и Елена Щетинкина с Татьяной Бердниковой, и Ольга Невсова-Гладышева с Олечкой Воробьевой числятся, и еще много разных гавриков с кисточками. Зато моих стен не хватает для их работ, уж в коридоре вывешиваем. Сережа Черкашин, Аня Бутакова, Николай Иваныч Черкасов — дедка со сказочным зрением, загадочными облаками... У меня про его

картины уже цикл стихов насочинялся. А он и сам поэт, однако.

Тут и этюды Корсунского, и *Море* В. Старкова, и два *Моря* дядюшки Алины Устимец — советского ленинградского художника Николая Мухо. До живописи надо дорастить. Многим из моих людей хочется сказать: прислушайся к Заболоцкому — «Любите живопись, поэты!..» — и вырастай. Но у всех свой путь. Сюды — тоже.

Причем художники не работают для «ласковой суммы», их ваще-то и сума не напрягает. Они дарят за так, лишь бы их любили. А как не любить их, батюшки-светы?! Каждый как дитя, вздыхает над мольбертом и стесняется своих работ подчас. Вдруг не разглядят? Не полюбят?.. В этом смысле с поэтами проще. Хотя у них амбиция выраженной. Многие не знают, что на самом деле поэт — не тот, кто пишет стихи.

*Мой кот теперь такой угрюмый,
не ест, не пьет от тяжелой думы,
а спросишь — лапою махнет
и слезы на глазах утрет.
Сидит он у окна и курит.
Мечтает он о рыжей дуре,
она на чердаке живет
и песни по ночам орет.
Скажу о нехорошем вкусе,
ответит грубо мне «не суйся!»
А разве не о нем пекусь я?
О сжался, Господи Иисусе!*

Это гениальные стихи Лю. А она не была поэтом, а была профессиональной Сольвейг, полжизни прождавшей своего лагерного философа Юру Динабурга. Но он женился на Питере (Ленинграде, 60-е годы), а она, слава Богу, вышла за искусствоведа Незнанского, родила близнецов Мишу и Машу (они по мне ползали, когда я приходила нянчиться, на бал-

коне), уехав затем (одни из первых у нас) за границу. Была издателем в Ирландии, там и умерла, в 50 с чем-то, рано так. А Юра живет в Питере, служил даже в Петропавловской крепости, где туристы однажды приняли его за народовольца Желябова, призраком выходявшего из своей камеры. Сходство было большое, и люд шарахнулся от правдоподобия и темноты тюремной. Он недавно прислал свою «Арестань», весьма шикарная проза бывшего ээка. А я еще в отрочестве знала, что Юра сидел юношей вместе со знаменитым Виктором Азарьевичем Гроссманом, автором «Ариона» о Пушкине, и искусствоведем Гуковским, расколдовывавшим загадки Леонардо. Вот так и есть, что не Асенька Цветаева, не Юнна Петровна Мориц, не известные российские поэты Евгений Винокуров и Валентин Сидоров были моими учителями в стихосложении, а маленькая как бы снежная царевна Лю. Мама дружила с Юрой и опальным скульптором Виктором Бокаревым, а со мной занималась Лю: в Челябине еще и имена такие не произносились — Мандельштам, Цветаева, а я уже по спискам их наизусть знала. Подруги Лю были две сестры из Евпатории — Стелла и Майя, а также Наташа Вильнер, музыковед. Я служила при них почтовым голубем, записки передавала — ведь Вильнер вела у нас гармонию. Стелла делала огромных прекрасных сказочных кукол, они как-то зависали под прокуренным потолком Лю; она рано умерла, а с Майечкой мы и сейчас переписываемся. Кто захотел бы — мог бы прийти ко мне смотреть фото, как Лю слевой Незнанским под Тянь-Шанскими елями по горам лазят. Лю такая мелкая в картузе и падает от усталости, и пишет на обороте: «...чего, впрочем, совсем не заметно».

...Наш Боря Тряпицын — тихий гений места и времени. Лена Щетинкина — тоже на удивление кадр в керамике, скульптуре малых форм. Прижились здесь после Ленинграда высших школ. Как прижилась М.П. Мочалова, потомца

актеров Мочаловых, еще в крепостных чье начало. Она уже прапрабабка, а всё выставки устраивает и по выставкам других бегаёт. Не семья, а цветы райские.

Первым начинал скульптурное дело в Челябинске самородок Тайницкий, он и по сей час жив; о нем я сказала в статье о Вите Бокареве. Искусствоведы наши не имели сведений о Вите, а я нанюхала. Легко. Ведь с ним продолжали дружить телеведущая Изольда Тросман со своим мужем. У них живут некоторые его работы.

Помню Витю, как в моем детстве они приходили в гости с женой Леной и малюткой сыном Вадиком; мы бегали по квартире, а Лена говорила, что мы с ним как молочные брат и сестра. Сейчас в Америке на Гудзоне у Вити с сыном мастерская, он изваял Рахманинова так, как никому из наших не снилось, а постоянно живут они всё еще в Жуковском, и там мастерская, но широко признан Витя так и не был. В Челябинске остался памятник его тяжким годам при скульпторе-главнокомандующем Льве Головницком — работа «Алеша», раненый солдат в падении, не выпускающий из рук знамя, у 1-й школы имени Энгельса. Эту школу поднял на большую высоту директор Караковский, такой же знаменитый, как нынче А.Е. Попов. Где-то в области сооружен еще бокаревский «Икар»...

Как сейчас бы прибалтненые сказали: не комар икнул, не муха пукнула. Моя мечта — увидеть Рахманинова; судя по фото, это шедевр.

Нота Бене. Интересно: интеллигенция всякая бывает. У ней в корне есть второй смысл — «разведка» в английском. Сдается, здесь особая точность термина. Те, кто... — ну, понятно.

Как мало встретишь здесь породу. В горном деле — сколько угодно. В фауне — допустимо. Флора часто с изъяном. А челы-бедняжки, нафаршированные самьсебятиной, сплошь не дотягивают. Как замечательно встретить породистых жен-

щину и мужчину. Мужичку можно простить некоторое свойство лица в духе скобеля и топора. Женщине — труднее. Да. И только от любви рождаются умные и красивые. А от скотства — уроды и придурки.

27, январь

Нарочно не поспала до 4-х утра, награждение «Золотым орлом» не пропустить. Михалков-самый-младший, он же самый шустрый. Со стержнем монотематизма из них всех. От мамы поэтичной досталась нота мышления в духе гуманизма и патриотизма? Веришь, что не квасного, а того, за что страждешь. А то ведь: «Тише, тише, господа, господин Искарियों, патриот из патриотов, приближается сюда!». Беранже. Самыми шикарными и харизматичными пребывали Миранов с Ренатой, им и досталось награждение первых лиц актуального синематографа. Ну, и *Дюжина* главнокомандующего, разумеется, все повенчала. Будем смотреть, что там на «Оскаре» выйдет.

Ирочка Кабельская звонит из-за бугра: видать, всех улетных птичек ностальгия клюет. Звонят из разных мест глобуса и вопиют, завопросили насквозь! Может, грубо: но вот им как будто подаешь что-то в протянутую руку. Америка, Австрия, Германия, Израэль, у тех океан дышит в окна, у того рекорд Гиннеса, там конкурсы престижные... У Ирочки хоть няньканье с внуками, почетная должность, когда еще и русские корни охота в душе ребятенка пустить. Я ей сказала от сердца, что ее, как общественного ангела, и здесь не хватает. А она толковала про каббалистов, что они против эгоизма, за резонанс в любви к ближнему. А я: вроде этот постулат и у нас проходит. А она: у них — как основное требование их философии и нашего времени.

Конечно, это очень точно. Особо не для нас ли, разъединенного общества челов, тоскующих каждый перед своим

экраном и газетой-экземой. В театры-концерты лень выбираться, ведь надо собираться. «А что надевать?» — спросила вчера встреченная и приглашенная на спектакль «Аркаим» Викуля. Хотела было я про униформу древних ариев, но разрешила просто в модном прикиде. А *модный* в контексте означает *дорогой*, так что — будьте любезны. Это ведь хорошо, что у друзей ответственность своя даже за форму одежды.

28

Села на диету. Врачиха: *постоперационный синдром*. Очень забавно ходить в ихние *буржуарии* (термин Диляры Максутовой), после них всегда синдромы с тошнотами. А кормить бедных критиков-литераторов стараются жирно для надежности в благорасположенности. Интересно, что в войну болезни печени и холециститы угасали до нуля, органы входили в норму. После победной войны развилась, как всегда, победительная любовь к обжорству, и хвори *обратно* потихохоньку вторглись в члены челов. Обедание — не только категория физиологическая. Поел кабан лишнего и хрюкает. У люда сие перерастает в главную привычку, от переедания из *духовки* — требования к искусству меняются. Глянец — это полбеда: *стилист Зверев* с мужевидными девицами с благословения Аллы Борисовны торжествует, и от него все — в *шоке* и *шоколаде*. И не смешно, ведь ПТУ в Писекакакске, где он блестяще учился, ныне торжественно числится как Академия парик-ма-хер-ских дел.

Мне возразят: дак а как же, счас всё кругом — меньше *академиев* не бывает. *Вот и я об том ж.*

Нота Бене: Александр Сергеевич порой подыгрывал русским бургерам, изображая жисть в буржуазном вкусе. Только в смерти согласный стать как подлинный аристократ.

29

Проснусь, огляжусь: а ведь уже три года, как у меня бабушка *была*, а не есть. Смотрит из темного овала. Может, потому завтра — уж месяц, как подплясывают нам с елки ее Птица, Козлик и все куколки рукодельные. Свечки мигают из ее еще детства подсвечников. Не дают зарыться в охламончатую взрослость с головой.

*...верблюжонок на дне пруда
щиплет задумчиво мох
растекается по губам
привкус забытой зари...*

Французы потому и любезны так (любы!), что не от хорошего милы, а по милу хороши. Скоро уж два столетия, как Флобер признавался, что прекрасно быть великим писателем, то есть поджаривать читателей на сковороде своей фразы так, чтобы они подпрыгивали точно каштаны. Но он не желал опускаться до уровня толпы, угождая ей. Он предпочитал греться у своего камина, занимаясь искусством для себя, притом играючи. Этому человеку верю со всей своей дурью и нежностью. Так же, как Жюлю Ренару и Андре Френо.

30, концы января

Сериалы — не врущая виртуальность. Надьсь мя и Олежка Соколов (ученик самого Марка Захарова, как ни крутись — *бренд!*) отговаривал, так я всплескивала от сцены зверской его казни в фильме: все неправдочка, в жизни так не бывает. И сын мой Рубик потом — туда же: смотри как кино, не рви сердце. Ан нет, *участвуешь* во всей этой незнанке-изнанке, особо как изделие от америкосов глядишь. О «Побеге» баю. Нарочно тут же сравнивала с нашими *дюдиками*. Не понимает. Уж там как начистят самовар!.. Почему-то с триллеров пе-

решла на детективы умные. М. б., потому что больше возможностей = случайностей?

Нравится, что любимая пряжа зовется «альпако». Чуть как не Аль Пачино. Ой, боюсь, не залежалась бы оранжевая и васильковая! А из той, что цвета фуксии (не-не, этот розовоцвет — вовсе не бешеная Барби!) не снимая таскаю свитерок с жирафочкой с озера Чад. Аль Пачино не оттель ли?

Актеры влезли в наше существование на правах родни. Анкеты с теми же вопросами, что сто лет назад (у Цветаевых, например). Любимые актеры? — Да-да, сейчас: Джереми Айронс, Дэвид Суше, Сталлоне с его «Мамочкой». Актрисы? — Разве что Джулия Робертс, в отличие от Дж. Орманд из «Цирюльника» Н. Михалкова. Актеры на все времена? — Жерар Филипп, Иннокентий Смоктуновский, Алла Константиновна Тарасова. Ренате Литвиновой передала недавно с Сухоруковым в Москву свою книгу, но, гад клоунский, хоть и честнословил, боюсь — не отдаст!

Нота Бене. Котя иногда напоминает наставления Кубрика мне: «...И ничего не бойся!».

Вечер. Нет, невозможно представить себе торжества автора наедине с собою — со своим детищем-спектаклем. То есть, когда отзвучали фанфары-литавры, отхлопали ладошки зрителей, отшумели комплименты, а ты один на один — уж отъехав от соавтора, оркестра с хором, от режиссера, исполнителей! — *со своим* театром. Здорово. Поздравляю своего дитятку с очередной премьерой. Это его 7-я крупная форма?

Сегодня «Аркаим» был снова другой. Выкристаллизовывается формула: «Это — метафора Вселенского времени, которое авторы попытались обогнать». Витрувианский человек в колесе — отдельная глава. Хотя все этапы отсчитывания заслуживают критики. Восторженной. Ибо все в спектакле-притче тревожит. А торжествует жизненность вечного добра

и неумолчной любви. Минимализм, резкие сдвиги пространств-времен, перетекание сценических реалий одна в другую и наслоение деталей — и как следствие динамичность, учащенный пульс биения жизнеритма. Даже хореография у плакальщиц в жемчужно-серых пеплосах успевает дать наглядные взмахи руки: они тоже пловчихи в реке времени-времён.

Умная молодая музыковедка О. Гумерова сказала нам с композитором притчи Татьяной Шкербиной после спектакля: «Эту вещь следует сделать брендом филармонии». Подходили люди, как во все дни премьеры. Мой сокурсник по консерватории тенор Юра Орешкин просто *ужасался*. Да, он был потрясен до той степени, что стоя рядом с композиторшей и мной, мамашкой драматурга, только и повторял: «Ужас. Ужас!!!». Я сердобольно: «Какой ужас?». Он: «Не верю, что у нас в городе — ТАКОЕ!». Так и не отходил, твердил про *гениальную драматургию замысла*. Красный такой весь, в улыбке счастья. Наверное это и есть: как обухом по голове. Кланялся Шкербиной, а тут слышит, что и меня поздравляют с либретто сына, — и стремглав за программкой — «на память». Спрашивает, возили ли спектакль в Свердловск. А Шкербина лыбится в ответ и как немтырь невнятно отвечает. А я за нее толмачу. Мне кажется, она сама не ведает, что за диво с со-авторами сотворили. Тут намедни ее учитель по композиции Толик Кривошей сплетничал, что она сама на своих спектаклях плачет. А это и хорошо ведь!

31, Френо не даёт покоя

*...верблюжонок в сердце костра —
не опалил бы горб! —
для нас фонари мастерит,
чтобы стало светло мечтам...*

Один резчик по дереву из старинного Дивеева так и сказал: «Муравьи — самые лучшие *люди* леса». И рассуждал про то, как муравей — самый сильный зверь.

Они реалисты, все люди, которые мастеровые. Только звери Андре Френо *мастера* в метафорических нетях. Их теперь уже на свете нет — Френо, Гильвика, французов, у которых мы учились подлинной поэтике...

А вот Т. Сельвинская; и ей, как нынешние Инет-журналоги выражаются, *респект и уважуха*. Она отзывается об учителе Фальке, как я о своей главной учительнице Асеньке Цветаевой. В том духе что — да, художнику нужно признание, но каждый выбирает свой путь. Фальк хотел писать — как хотел, не для денег, и его картины не продавались. И хотя они, презренные мани, ему тоже не помешали бы, он выбрал свой путь. И по большому счету выиграл. А по мнению обывателей — проиграл.

Модуляция. Современный индус, поклонник Рерихов, считает, что если человек владеет своей головой, деньги ему так таки не помешают.

Мне о Сельвинской материал готовить, въезжаю в ее живопись и стихи. Харизма всюду, а персоналогической вехи в веках не зрю. Что делать...

Вечер. Володя Карачинцев, директор ансамбля «Урал», ставит подряд в афишу два спектакля. Чтобы не громоздить декораций и не занимать сцену, устроенную для концертов. Чудо «Аркаима» и в том, что поставлен на сцене не производственного учреждения (каким являются театры), а — прокатного. Где сроду спектакли не ставятся. Потому хор и оркестр пришлось — записывать, живьем они не влезали ни на сцену, ни под нее!

Ребята очень хорошо танцуют. Хореографы отличные. Какие только стили и прихваты не задействованы. Народ принимает восторженно. По-разному каждый вечер, но ус-

певают аплодировать, хотя сжатая форма и бешеный ритм балета не предполагают пауз на это. Впервые на все-таки классическом действе пришлось видеть, как парочка во втором ряду целовалась (с оглядкой на зал!) на лейтмотиве любви. Будто какой-то рэповский клуб, а не филармония!

Формула притчи меняется: «Метафора времени. Но любовь ему неподвластна».

По пути к дому. Те, кто лоббируют существование (прибирают к рукам быт, зажимают предметность быта в кулак), упускают *бытие* между пальцев. Им не построить жития. Быт отдаляет от вечности? Или?..

Это похоже на то, что пути незнаемы, цель недостижима. Давно следовало понять: нужно (от нас — Небу) не постижение — постигание. Это то же, как важен путь, а не цель. Впрочем, вот и Лао-цзы шепчет свои парадоксы: «Чем дольше путешествуешь, тем меньше знаешь».

Мне бы этот дзенский лаконизм!

Кому завидую, это Лене Радченко: кратко умеет. Член Союза журналистов — скажут. Э, — отвечу, — теперь и член Союза писателей! А вот Сократ не состоял и не числился в членстве, но туда же: велел слушать и смотреть дольше, чем болтать: ведь глаза и уши — по паре, а язык — один. Вообще-то и сама голова — не парный орган. Беречь надо. А значит, опять же меньше говорить.

Нота Бене: приход народа на презентации как на похороны: тоже сымают шляпы, бубнят *рецензии*...

Ай да я, хоть и не Пушкин.

1 февраля. Неужели?

Каникулы. Почему-то аж к 10 утра вызвал Основной Начальник. Нет, ну как нарочно жизнь придумывает забавы! Это не шутка у нас, в *Институте Чайковского Петра Ильича*. Это растолмачка аббревиатуры фамилии ректора: Оснач.

Придумал, что пора сайт наполнять (эфир засорять местными *спамми* — реплика в сторону). Чтобы я вместо *устаревшей* газеты (многотиражка моего вуза, выпускаемая мною с полторы дюжины лет) перешла на современную форму Интернет-новостей. Согласилась. Велела позвать замов, которые пусть готовят мне информацию. Согласились все. Но это еще ничего не значит. Спасибо хотя бы, что не выдумал закрыть в очередной раз газету. Тыщ пять копеек сэкономить, фору ругателям дать.

Покудахтали с административными дамами и чинами из мужей. Полетела в губернаторский дом (никак не могу запомнить названия этого здания по регламенту!). По пути запорхнула (в шубе на сто кг и шарфе до полу) в Фонд культуры. Побалакали с председателем, мужем уважаемым Кириллом Шишовым. Про печатание книг, вчерашнюю коллегию в министерстве, отпуск средств, комиссию по изданию унд зо вайтер. Полетела дальше. У советника заместителя говорили о том же. Ясности нет. Вернее, есть, но она у всех разная. Нервозная, но не заразная. Стихов много, поэтов нет. Но тех, что поэты (а их в городе, как точно заметил Н.Ф. в статье о моем юбилее в отличном Календаре исторических дат и событий) лишь несколько штук (сразу великая Майинька Никулина вспоминается с мыслями о штучном товаре — сани ли, поэты ...). Лишь два-три штука, точнее. И тех *лишка*. И у тех тонка кишка печататься не за свои кровные. А какие свои, когда на жрачку хватает, а на одежду — уже нет.

Друг один недавно признался, показывая на развалины кресла и дивана: «Я нищий!». А ведь величайший ум, каких в Европе — на те же штуки, что у нас, и ныне-и присно. Кому-то дано в бизнесе преуспеть. Моя шляпка в воздухе! Не каламбур, а признание.

А кто-то, слава Богу, на стихи натаскан, гением взлелеян, музою окормляется.

Вот и друг, хучь он и крупный алмаз в нашей коллекции, а, как и мы, хлебом не обделен. И за него — слава Богу. Ведь нити наших экзистенций так и переплетаются в ходе тканья вселенской материи! Уй!

Это меня некий Гэри э-э-э... Голдшнайдер научил выражаться. Он нам обещает, что если научишься абстрагироваться, то станешь подниматься над отрицательными эмоциями. Отрешенность сие роскошество-де позволит.

От него всякому можно научиться. Мой судьбинный путь, к примеру, — *путь изящества*. И мне это по нраву. Ведь их, этих путей, с полсотни! Бывают пути обучения, сострадания, артистизма, стремления, осознания, страстности, превосходства, мастерства, дисциплины, свободы, реформации, и даже модуляции, и невинности, и приземленности... А изящество мое ставит мне задачу *стать гибче*.

Не хило. Мило. По апрелю у меня, красотки, неделя *проявления*. Точно так: консерватизм не пускает от устаревших понятий, и, ой!, мой глубокий интеллект (!) и богатая практика эмоций сопротивляются изменениям, требующимся на кармическом пути. Зато мне свойственно великое спокойствие (здесь бекар!) и уверенное проявление *изящества под огнем* — отменно тонкого чувства.

Тут сразу вспомнила давнюю свару одного батюшки с одним поэтом. У них у каждого своя правда, я ни на чьей стороне, хотя обоим сочувствую и сожалею о вражде. Они мне исповедуются житейски. Дак батюшка сразу прибегает к такой словесности: «*Он тонко оскорбил меня*». Мне, грешной девушке, такие термины импонируют. Они делают брань-усобицу более импозантными, чем есть. Ибо: какая войнуха может вызывать уважуху? Тем паче, что батюшка вопиет, что поэт украл у него поэтический метод?!

На дворе капитализм. За окном зима. Нужно полюбить друг не-дружку. Не так ли? Вон Казанова. Любил, но скромно: всего 122 штука любви за жисть.

Да, о другом. О членах семьи судить не беруся, но кот Маркиз у нас гениальный. Заскочив на плиту, стрескал только 2 котлетки, и ровно 2 оставил мне. Мы с ним домовничали, все труды делили поровну, стирали рядышком, дремали дружно, мышей ловили одновременно, вот он и решил в своей маленькой, красивой, немного змеиной головке задачу. И считает как вундеркинд, и с моралью на ты: «разделю поровну». Не то что я бы: съела бы три, да и от четвертой бы нагло отломила, а Марику с кашей бы смешала. А он честный чел! К примеру, честнее, чем мой б. муж, плохой орел-хороший петух, плохой рыцарь-хороший хвостун, без продолжения!..

Да-да! И счас Агата бы Кристи, непомерно уважаемая мною старушка, завопросила: и почему это худшие из мужчин любятя лучшими из женщин? Замечу, мужчины тут как объект. Так что сами дамы-мы виноваты.

Мне весело это сказывать. Игра — абсолютно всё. Про что вазлюбленный Н.Ф. неустанно напоминает. Соглашайсь. Делайте вашу игру, господа. Делайте как должно, и пусть будет что будет.

Вижу порой с экрана Дениса Мацуева, Родиона Щедрина, Тамару Гвердцители, Спивакова, Бэлзочку, Вию Артмане, Гарри Гродберга, Михаила Козакова, иных чудных чело-веков, — сразу на память проигрывается интервью с ними, общение. Никто не задается, не звездится, они так же раздумывают про пути, про тайные и явные силы, про высшую благодать... С ними говоришь как с собой или с милым другом на уютной кухне.

Все, как и ты: так же желают «обрести новый взгляд на мир». Это — да, Марсель Пруст, на его биографии и романах задержалась на всю осень. Заказ (разумеется, за чистые медяки) был на две дюжины биографий, которые наш бригадёр распределил между жаждущими умственных задач. Мне

достались очень дивные люди, там даже Оливье Мессиан, и Эдит Пиаф, и Руссо. Было интересно, хоть и трудно. Продуктом вышли 5 моих эссе и 1 — Миронии Константиновны о Жан-Жаке, которого чисто тематически я не потянула. Гонорар получен, скоро увидим издание. Надеюсь, что не сильно изувеченные тексты. Главное, обещаны роскошные иллюстрации. До этого отвергала предложения концерна «Урал LTD» по необъяснимым причинам. Ведь платят, хучь мало. Не то, что некоторые иные издатели (об именах умолчим).

В порядке самокритики: м. б., не решаюсь сотрудничать с некоторыми инстанциями по причине чувства (глупой) ответственности.

За это — наказание (поощрение) в виде концовки утреннего верблюжонка:

*...верблюжонок с синих небес
хочет спуститься вниз,
хочет нам подарить
разных чудных зверей,
ласточек и облака...*

Нота Бене: и почто спрашивают, как воспитать поэта в семье? Читали бы ему весь день Андре Френо с Киплингом, а на ночь — всю Цветаеву без купюр. Созвучно Искандеру: «Истинный талант с детства, сталкиваясь со сложной мыслью, запоминает ее, как мелодию. И уже взрослым он расшифровывает эту мелодию».

Не смею удержаться, цитирую его же. Такое не просто пригодится, а может стать настольным мегаафоризмом. «Люди равны только перед законом. Философия равенства подлая. Представьте, на одной работе — ничтожный и бездарный человек, а рядом, в том же кабинете, талантливый и благородный. В условиях равенства — бездарный с потрохами сожрет талантливого. И так будет всегда и везде. Равенством

мы возвышаем ничтожного человека до уровня благородного. Но тем самым ничтожество фактически становится выше благородного человека, продолжая тайно владеть инструментом подлости. Духовный аристократизм необходим. Ничтожество надо достаточно четко отделить от того, кто выше него, хотя бы для того, чтобы его, ничтожество, удержать от соблазна преступления».

2 февраля, погоды свежие, джазовые.

Минусы, негативы и ошибки детей — наш багаж. Наша собственность и наследие. Поплачешь в ночи, укутавшись пледом, с пряничным ангелом — мишкой с дитенышем за пазухой, и поймешь, что истинно самый великий победитель — тот, кто побеждает самого себя, по св. Александре Федоровне. Потому в который раз неправ Сергей, изготовивший себе плакат-памятку, когда мы поженились и поселились на ул. Сони Кривой: «Победишь свою змею — создашь счастливую семью». Так и не расклевал свою змею, боец петушиный. (Точно: ни из петушьих, ни из павлиньих перьев еще не показывался орел!) Так и не построит мне домик с окнами на восток! А обещал! стихи про это накарякал, правда, с характерной концовкой: «Я люблю тебя, Наташка, и ни в чем не виноват» (разумеется, виноват дядя Саша или баба Глаша!). Там зачин такой был: «Я бы дом тебе построил, печку белую сложил, сам бы рядышком изгнем в шалаше поодаль жил...», что-то в этом роде, и в жанре баллады.

Приснился Иосиф Кобзон без парика в образе джинна. Спрашивает:

- Что хошь?
- Домик-крошечку в два окошечка.
- Как у Рахили?
- Не, у нее домовинка была.

— А тебе какой?
— Мне — в лесу по шишечкам-иглочкам скакать, от дождя хорониться.

— Ступай. Будет тебе.

Дальше сон прервали звонком в дверь (телефоны пытаюсь научиться отключать).

— Кто будете?

— Валерочка-сосед. (Ему девять лет).

— Мы спим.

— У нас беда.

Отворяю.

— Папа выгнал из дома без ключей, и они с Наташей ушли. Мамин номер папа стер из телефона. Я полтора часа во дворе, замерз.

— За что?

— Потерял *кимоно*.

(Так, второй звончек из Алупки. Только что Рахилина беседка фигурировала, теперь кимоно, в котором у меня, десятилетней, и пир, и мир: и на море, и на корт.)

— В каком смысле? Кто-то носит кимоно?

— Ну, кимоно, для японской борьбы.

— Есть будешь?

— Нет (весь зареванный).

Даю деньги на автобус, искать спорткостюм (знает, где забыл).

— Не найдешь, пойдём к папе решать, что дальше. Возвращайся с победой.

Не прошло и часу — протягивает десятку, весь сияет, в наглаженных джинсах и маечке, в новых пушистых тапочках: прощён!

— Видите, я дома, и я победил!

Как будто мне еще одно поручение. Если не считать стихов (Боратынский: талант — это поручение). Как-то под-

ружку сына в отрочестве спасала от буйства матушки: она за девкой своей со шлангом, та к нам, и мы этой матери, моей приятельнице, двери не отпираем. Мамашка кричит: «Я известный человек! Всеми уважаемый! А эта дура вам еще покажет!» Мы не открыли, всех потом простили, а дочка не нам, а ей *кажет*. Всего же верней — самой себе.

А случаи такие, как с Валеркой, не Асенька ли моя присылает? ведь в год как ушла — в 1993-м, вскоре, она сказала, кем стала теперь: «Я поставлена смотреть за одинокими, брошенными детьми».

Вечер. Насчет Рахили. На ул. Красных партизан, 22 в Алупке жил двоюродный дед Владислав с семьей. Это надо лестницами все вверх да вверх, каменными ступенями из диабазы. И всегда крыша предыдущего, нижнего дома оказывается вровень с камнями двора, где ты, наконец, отдыхаешь, закусывая зеленым виноградом с террасы. Там в крайней дверке жила ветхая бабка наподобие Наины, она себя приставила караульной к общему сортиру: непрописанных не пустила. Вот скрипит железками калитка, и Рахиль красными глазами осматривает, сканируя твоё настроение. Так, опять баталья — с Маринкой, моей тетушкой (но ей еще только 5 лет). А когда было три, однажды кричит: «Рахиль! Неси меня домой! я тебя боюсь!». Да, Рахили уж точно к сотне близилось, застала еще крепостное право, хотя сама явно свободной пташкой жизнь пропорхнула. У нее есть племянник Леня у Харківе, чуть что — сразу кричит: «Лене скажу, он тебя убьет». Они как-то так жили все соседи кучно и недружно на этой благодатной земле... Так вот, Рахиль кому-то (может, и мифическому Лене) велела сколотить для себя «домик» в саду. Получился навес со стенами, ровным счетом по размеру кровати. А мы там же, чуть поодаль, валялись на таких уже вполне добротных нарах под смоквами. Ягоды инжира заляпывали каменную землю, если их не успевали ловить и съедать. Дак

однажды в ночи слышим среди шлепков смокв скрип ржавой сетки и ласковый голос старухи: «Спи, Рухлечка, спи! Виногхрадов в карауле, тебя никто не обидит!». (Виноградов — наш дед Владя, он работал в Воронцовском дворце экскурсоводом, а в свободное время, если не пил кислятину из бочки, печатал мемуары о своей финской войне — и на той как раз машинке, с которой начались с 13 лет все мои стихи). Так Рахилия себя баюкала. Вроде той киношной бабы-Яги, что голосом Милляра любовно спрашивала себя: «Тебе, красавица моя, какой водицы напиться? Из колодца или из болотца? Ну конечно — из болотца! Она тинкой отдает».

3 число, день нарощенья Стасика

Ага, родился и звонит: «Поздравьте меня, Наталья Барбарисовна!» (Так показалось, кому-то позволяю так себя именовать).

— С чем? (я было забыла).

— С Водолеем. Можно, я приду, накормите меня?

Думаю, соображаю.

— Валяй, ненадолго.

Мама тут же бросается варить суп, я прибираться поэтический хаос, даже Маркиз подметает вокруг своего горшка. Как же, любимый ученик... Прискакивает. Долго беседуем. Стасик ходит на лекции Николая Болдырева. Наши диалоги по этому поводу нужно конспектировать! Думали о дальнейшем обучении: по специальности, по языкам, по культурологии?.. Жаль, если бросит флейту. Для того ли Адик 2 года бесплатно с ним для меня занимается? Адик, такой занятый. Счас забегала на свет в мастерскую Кати Пензиной. Там еще одна восторженная поклонница говорила об Адике как о великом человеке. А я могу хвастать тем, что он — мой ученик, учитель моего сына и следующего поколения моих же учеников. Во!

У Кати выяснилось, что они с предыдущим автором *дневников* — Стасом Загородниковым — большие друзья, перекрестили детей друг друга, что он и поэт, и бард, и хороший друг. Они была на презентации его *дневника* в галерее, где, оказывается, и А.Е. Попов выступал, и мой сын играл на флейте. Катя с Фаимом расписывают стенки в коттеджах. Осваивают новые техники. Батики, парэо — продолжают. Говорили об Аркаимах (степном и хореографическом), о воспитании Алишера, в 12 лет покуривающего, о музыке, которая — «смертельный яд для зла» (по Димочке Петухову). Договорились встречаться на почве *дневниковствующих* персонажей.

А вообще-то день начинался со стишат 3-летнего Коти-Рубика, что всего важнее:

*жили цараты звери у меня,
жили, ныли, выли,
и мать пришла родня,
и когти, слюни только
остались у меня*

Эта баллада длинная, записанная самим автором, причем он в эти года писал так, как произносил: *жили цараты звели...*

Может, в прежних жизнях я не так уж плохо вела себя, если мне такая награда в виде таких опусов и таких, главное, авторов? Жизнь детства — та же другая жизнь. На ул. Туристов родился Костя, а я — в коммуналке на Южном Спартаке, дом 10 Инорса.

На ту Туристов (ныне Героев Танкограда) мы переехали в моем 4 классе. Над нами жила семейка Аддамсов по фамилии Режеповы. Поскольку я была шалуньей, а вернее — хулиганкой, эта фамилия известно как мной произносилась. Но с детьми сверху подраться так и не пришлось: съехали. Не из-за нашего ли всегда звучащего пианино? Зато дралась

с обидчиками кошек. Зверски. И никогда ни единой *цалатины*. Шпана-мелюзга отступалась от девочки из приличной семьи, бандитски насакивающей и урчащей угрозы. А одета при этом была как принцесса, а за розоцвет щек мамашки подружек звали мое личико ангельским. Не далее как вчера мама уверяла, что дневники я вела уже на Спартаке, прятала их под пианино. Слава Богу, она не помнит, что это были не дневники, а стенографическая запись уличных ругательств (чтобы не забыть звучания).

И не веселее ли это моих взрослых знакомств — с чиновницами, к примеру, реализующими свои тайные страсти за счет своих присутственных кресел? Сколько таких дам с попытками пролезть в искусство нетворческими лазами пришлось — отнюдь, не призвать к порядку! — окармливать?!. Стыдно мне? Не больше, чем было жить под семейкой Адамсов.

Мне порой говорят: «А вы знаете, что ваша фамилия означает Царь Драгоценных Камней»? — «Знаю, — грю, — не протреплюсь, не на востоках проживаем».

Насчет жилищ разные казусы бывали. В консерватории моя прописка приходилась почему-то на адрес самой консерватории. И я, наивная, как и мой Стасик в свои сегодняшние 19, считала, что в случае чего — умрет ли хозяйка съемной хаты, пристанет ли ейный хахаль (так все и происходило, как по нотам) — могу придти к Б.Д. Гиблину и спать у него в кабинете. Ну, вот просто физически чувствовала под собой жесткие габариты того кожаного дивана! Борис Дмитриевич был очень добрый друг нашей старушки Зи-Зи (Зинаиды Александровны Кураповой, заведующей концертным отделом Свердловской филармонии, о ней мы ниже тоже вспомним) и не шибко известный композитор. Я по простоте изредка приходила к нему и чуть-чуть разговаривала. Он простил мне даже непроголосован-

ность в выборах однажды! Нашел, пожурил и отправил на участок отдать за кого-то мой голос. Даже жесткости не проявил, а был законопослушен на 100 %. Впрочем, как и та же я. Но мне всегда удавалось ускользать от всего общественно ценного. Про выборы просто ухитрилась забыть в тот год — занималась в репетитории, ходила смотреть на реку и небо в дендрарий...

Я тогда (как, впрочем, почти что и сейчас!) считала, что небо — такое же тело, как земля. Что как наши домики-столбики прикреплены к землице, так и звездочки приколочены к матерьялу небес. Мой разрез глаз схож с китайским, оттого и воззрения — как у младобуддиста. «Подвесим месяц к небесам, как шишки к елочным лесам, и станем веселиться с прищуром в тайских лицах» — ура! это стихи пробиваются сквозь мою забубенную прозу.

4 февраля, какой-то оттенок Азии во всем

Это с утра так казалось.

Вечером. Было такое лето в закаканном приморском местечке Хоста. И там протекала река: сквозь всю Хосту — река, как бы жилка в теле. Хоста-Река, как будто Коста-Рика. Там было три занятных вещи. Доктор Мелодиев, проводивший сеансы аутогенной терапии под звук мелодий из патефона. Хор лягушек в абсолютно эстетическом формате, в устье той самой речки. И сама эта речка, втекающая в море в том месте, где был санаторный пляж. Так вот весьма прискорбное сие дело — впадание грязной (ибо по пути с гор через город людей собрала много сору) пресной речки в не менее грязное, но соленое против бактерий море — сравню с прозой, внедряющейся в стихию стихов. Несбалансированная проза — в ритмизованную гармонию поэзии. Ручей неочищенной информационной руды — в строго структурированную чашу чистойшей воды.

Нет, хочу быть *поэтом*. Несмотря на заключение Асеньки Цветаевой, что в прозе талант мой — не меньший. Поэт с оговоркой: меня устраивает отзыв *поэтесса*. Не по причине меньшей ответственности из-за ум-ласк-суффикса! По причине принадлежности к девичьему нежному роду.

...К каким-то смыслам через осознанные формулировки все же процарапываешься. Вот не когда формируешь строфы, вкушая коктейль из наитий (стишки). А гоня мысль без форм (анти-стишки). Дойный интеллект всегда готов! Он рад эксплуатации. Стас баит, что голову можно нагружать так много, что учиться хоть в десяти университетах. Но условие: истинный дзенский учитель. Мы такого не находим в большом радиусе, так что медитировать не умеем. Потому охранительное торможение включено. Самим организмом.

Стоит сказать *Стас* — и он на проводе. Отчитался, что сегодня *опять ел*. Бабушка из Ростова у подружки Маши накормила вкусными пирожками с картохой, и яблочными. Говорили с Н.Ф. Нашла его фото в свежей газете и объяву о семинаре. Велел уточнить: все-таки в эссе об Аполлинере что за стихи. Рубик выручил, нашел другой перевод. Н.Ф. похвалил мою память, через сорок лет выдающую более полноценные переводы из «Алкоголей» 1913 года, чем можно найти в печати сегодня. Говорили о публике на семинаре, о бедном французском банке, об эссе о выдающихся слугах культуры, о Стасике и Диляре. По мнению мэтра, эта девушка выпендривается и слишком много говорит на чужом пире духа.

Нота Бене. Чердачные философы — категория с детства мне больше импонирующая, нежели книжные.

Стасика однокурсники отзываются о нем — *мутный*. Его личный выигрыш — полная нонконформность и неангажированность. Свобода от стереотипов, независимость от суждений и обстоятельств.

Нота Бене. Слово, которым сейчас покрывают невежество, — толерантность. «Ложь, пиндеж, провокация», — как говаривает самая философская голова нашей области — служительница детского тубсанатория «Каменный цветок» (!) тетя Люба из Кисегача. Это вовсе не либеральное соглашательство. На самом деле слово означает *терпимость по отношению к греху*.

Закончили печатание маминого эссе о горщиках Китаевых и академике Ферсмани. Прочли навестившей с кипой материалов по *камню* замечательному библиографу Л.Н. Авериной. Вроде получили одобрение. Как важно быть профи в своей области! Не устану провозглашать профессионализм подвигом; сейчас не очень частый случай — знание и преданность своему делу. Так и сказала на юбилее Пушкинской библиотеки. Назвала библиотекарей святыми *трудниками*. И сказала, что Марина Цветаева, когда она перечисляла, перед кем поэт встанет *очи долу*, в наши дни добавила бы к врачу и священнику — библиотекаря. За копейки как мураши трудятся и кроме книг ничего им не мило.

Поговорила с соученицей по Литинституту Ниночкой Ягодинцевой. Она грит, что с половину студентов ее курса нет на свете уже. Написала третий опус Поэтических опытов, с психологической подкладкой. У нее умер отец, и она, нам кажется, одинокий человек, борец с нечистью по своим правилам. Хорошо принята в г. Катере, печатается там в «Большой медведице», в одном лице представляя нас, челябинских писателей Южного Урала. А писатели? Ни слуху ни духу, одни корочки.

Ну, а я согласна быть клоунессой, петрушкой, шутихой, Пьереттой — кто там еще?

«Лис бы оладысков покусать», — как говорил Котя маленький. А сейчас закусила кружку цикория сухариками, освященными на мощах прп. Варлаама Серпуховского, и пойду придавить комара.

5 число

Разбудил Стасик, принес флэшку, забрал Брюсова.

Мои седнишные афоризмы. О Б. или просто *об одном художнике*: жил при жене *притиваючи*.

И еще, с львиной долей цинизма: жил как у Христа за *мазухой*.

Стыдно вам, Натали! Художника, как любого артиста, может обидеть каждый. Вон в Москве решили обидеть весь хор с кордебалетом сразу: украсть у артиста Дом актера имени Яблочкиной, что на Арбате. Стишок из Шестой книги тоже им, дуралеям, посвятила:

*Летучих люблю насекомых,
их мало осталось у нас,
нектаром и ветром влекомых,
с блестинками-бусками глаз.*

*Ловить ни за что их не буду,
забуду цветные сачки,
любуюсь и знаю, что чудо:
стрекозы, жуки, мотыльки...*

7 число, минуя 6, когда Мышиный год только наступал на нас

*Жил Гиппотам с женой Гиппотамицей.
Мадам Гиппотам была большая пьяница.
Посещенные ей рестораны до сих пор еще в реставрации.
Но зато не стало водки –йых! – цыпленок табака.
Муж с женой уже не в ссоре, и при ней он неотлучен.
Ваня, Вася, Коля, Боря – йэх! – не пьют во дни получек.
Не доводит до дурмана их теперь зеленый змей,
не уносит из кармана результат работы всей.
Слава-слава-слава-слава той мадам Гиппотам,
победительнице славной – йух! – того, что стыд и срам!*

Это аллюзия на портрет нашей соработницы. Ну, очень страшная персона! В дверь входит с трудом, лестница проседает под таким весом. А главное, продукт все норовит не совсем качественный принести: шиповник черный, картошку — тоже, хлеб, черный по определению, — черствый.

Да, о стихах. Во память дает! Это во сне на Год Мышиный в мозгах кто-то третий процитировал шаловливый опус Лю 45-летней давности! Стишок как-то так назывался длинно: что-то, м-м-м, о вреде чего-то в пользу того-то, а главное: *пример работы междометия в российской словесности*. Поскольку все сочинения Лю я знала тогда на слух, то за написание междометий отнюдь не ручаюсь. Возможно, перемеждометила автора... А сходство с соработником по фамилии Сундукова усиливается тем фактом, что она приходила порой с фонарем под глазом, а это верная примета мужа-пьяницы!

Наша старинная качалка, еще прадеда покоившая на своих венских загогулинах, оказалась двойником качалки Пабло Пикассо. Ну, просто сенсация! Точная копия! Хотя Достоевский счас не преминул бы поддеть, что «тут есть некоторый как бы пьедестал», — не хочу не попроядновать. Оба случая: 1) что Крыска (тойсь я!) настала, 2) про пикассовую качалку. Пошла купила себе за тридцатник пудру. По привычке своей бабули спросила *Рашель*, однако услышала: нынче все только под номерами. Так и скажи, покупательша: дайте мне пудру номер 318 (такую и выбрала по оттенку). «Как мир меняется, и как я сам меняюсь, лишь именем одним я называюсь» — то ли Заболоцкий, то ли Верхарн... Ладно, лишь бы механики все тайны Божии не разыскали, как упреждал Макар Иванович из «Подростка». Маме-Мирекрыске купила новый футляр для новых очков. Вечером хорошо бы сварить глинтвейн.

Вспомнила. Как будто целый год прошел. Вчера же похоронили старого архитектора Гусарова, реставратора Орган-

ного зала, чью книгу я редактировала летом (по моему предложению сняли скучное название и книга вышла — «Метаморфозы наследия»). Слава Богу, успел ее получить из печати, провести презентации, прочесть рецензии. «А то бы его удар хватил, если книга бы дольше не выходила» (жена Надежда Васильевна). Играл Хомяков на органе, были все архитекторы города, все больше старые. М.П. Мочалова доверительно говорит Н.В.: «Теперь моя очередь». На архитекторов мор: Б.В. Петров, Данилов, Кладовщиков, Александров — наверно, не могут вынести нынешней эклектики в постройках. А что на сквере! Шла в Органный на похороны, а тут и деревья хоронят: вырубают, выкорчевывают, вороны мотаются по дырам в пространстве, не находя прежних ветвей. Картина просто из театра абсурда, волосы дыбом — как у Ташкова в кошмаре из фильма. Посягаете на тайну Божию — птиц, деревья! Клятая зима в душах все глуше.

Нота Бене. Увы мне, на подвиг гражданский не способна, ну, выкрутите мне фортепьянные руки! Куда кинуться за правдой — не вемо...

«За нас уже некому заступиться. Оступились мы разумом и совестью окончательно», как написал в «Дневнике директора школы» Александр Попов.

На кого надеяться? Кто спасет жизнь на земле? На Стасика-эгоиста? На Женечку — разве что — художника.

В «Нечаянной радости» отпели Гусарова, очень благодатная служба, а дальше пришлось съездить пообедать домой, где застала общество, и ехать на редсовет. Журнал № 31 вышел, вместо *тореадора* честной народ прочтет *тореодор*. И это не первая очепятка у человека, который — как зверь в своей ответственности литредактора. Да, я как никто вычитываю тексты и свои, и чужие. А технические оплошности — нате вам, *случаются*. Главный редактор извиняется. Но читателю не объяснишь, что я не я и лошадь не моя. Моя лошадь-

то! Моя работа. У кого мундира не надето, дак пусть они режутся. А честь моего литмундира защищаю достойно. Но «в щеку», как выходит, получаю: за других. Прямо диверсия какая-то! Однако! Урезониваю себя. Будешь психовать — разрушишь клеточки бедные. Ах, что за противность!

Недавно говорили об Алле Константиновне Тарасовой, а вот ее юбилей. Она моложе Марины и Аси Цветаевых на 4 и 2 года, старше моей бабушки на 5. Оплакиваешь то поколение. Восторгаешься ими.

Прошел фильм о Булгакове и Флоренском. Говорили о подвиге тех, кто сохранил главу Сергия Радонежского. А ведь Флоренского семье, когда он был в лагере, помогала очень М.В. Юдина! Она была великий дух, и знала, что спасает семью будущего святого. В фильме увидела своего учителя по Литинституту Костю Кедрова и Костину (сына моего) учительницу Олесю Николаеву с мужем Вигилянским — священником.

Вечер. Навестила директора «Южно-уральского издательства» милейшего Дед-Мороза Большакова. Посудачили о перспективных перспективах. Он устал за 10 лет нищей работы. А ведь издал кое-что приличное. Просто героически продержался. Придумывали, какую стратегию выбрать на завтрашние месяцы. Чтобы поучаствовать в интриге распределения башлей на книги, в том числе и наши поэтские. На обратном пути пыталась кормить птиц. Тыквенные семечки высохли, и воробьи их не хотят. Клевали синицы, но тоже вяло. Наверное, им это грубо. Виновата, исправлюсь, куплю подсолнечные, но не соленые. Да, постояла под окнами Н.Б., у него какой-то армяк на балконе завис — видать, от моли проветривают!?

*Моль, вали ты от поэта:
шкаф его — тебе не лето,*

*сваливай, малявка моль,
есть поэта не изволь...*

P. S.

*Я б и дале в этом духе —
да жалею ваши слухи!*

Нота Бене. «Заслуженная работница культуры» — вот кто я такая. Хорошо хоть, что заслуженной поэтницы не бывает!

8 февраля, последний день каникул, и уж теперь дневник точно осиротеет

А как все же славно: я — могиканка, успевшая в селе Непряхино нарыть большое количество хрустальных друзок; даже больше: хрусталики просто валялись на кучах-холмах прямо при домишках, у почты, возле пионерского лагеря... И еще я успела практически босыми пятками обстучать все лестницы меж ракушечниковых стен в Алушке. Думала, что это и есть мой дом. Бабка Ляксандра Аркадьевна таскала меня и в горы, к саклям с древними крымчаками. Ее еще довоенная, кажись, знакомка — старушка баба Шура — жила в такой беленой одинокой пустой комнате на той высоте, что вряд ли уже лет с пятьдесят спускалась к морю. Как, чем, кому жила она — морщинистый дух ракушечника, продырявленного острыми сухими копьцами полыни — низкорослой, прянодушной, почти сухой?.. Там ведь и лес такой же — сухопарый, корявый, в можжевельных вихрах, то там, то сям спрямляемый конусами кипарисов. Дорога на Симеиз была сизой от миндалей, дальных гор и дымкой над морем и ухом горы Кошки. А на Мисхор — наоборот, тенистой — если отправишься сквозь Воронцовский парк нижней дорогой. Минуешь холм трех братьев-кипарисов — и шагай себе серпантинном. По пути на сторону моря открывались виды на запретные пляжи санатория для редких гостей. Но и туда нога моя ступала: дед Владислав отпирал калитку — и мож-

но было наслаждаться солнцем и тенью от вереска на почти что пустом галечном берегу, деля его с огромными смелыми чайками. Хотела сказать *наглыми*, да одумалась. Просто чайки на море такие же хозяева, как питающие млеко на земле. Но, человек, не сочти среди оных и себя.

Побывала на семинаре. Неоднакое, по тети-Любиному словарю, впечатление. Гуру учит поэзии бедности, подключая Франциска Ассизского, Рильке, Кришнамурти, Христа, Гессе. Слушая и глядя, вспомнишь одного психолога: «Быть значит бывать. Я — никогда не есть я. Я — это внимание, уделенное мне другими. Не человек бывает собой, а общество открывает наши особенности». К теме социума.

Выйдя из тесных стен музея, повстречала птицу иную. Она поведала иное, уча просветлению другого качества. Задумалась. Думаю. Вспомнила: один св. отец считает, что не надо без большой надобности выходить из дома. Другой — напротив: выходи и встретишь того, кто тебе нужен. Всегда об этом вспоминаю. Не ходить в свет, в общество — не растащат тебя по элементам. Ходить — плодить суету, забыв о спасении. Опять дуальность сущностная. Но птица вещая сказала: если много ходить в народ — можно и умереть. Дескать, от духовной личности хотят отхлебнуть; раздергают как Орфея.

9, учебный день, но желающих сыграть на ф-но отметились мало

Выхожу за дом, а те птицы новейшие обклеивают наши дички. Стали смелее. Не кидаются в небо от каждого прохожего, как в январе. Привыкают к городу, в который пришло — что? Утром еще они — как добрый знак? — летели в несколько больших стай недалече от наших окон. Перелеток усыпан рябиновыми бусками. Жалко, что затопчут. Хоть бы голуби склевали.

Деревьев в городе остается столько, что скоро каждое будешь узнавать в лицо.

Нота Бене: стыд перед деревом, которое обрекается человеком.

По ул. Пушкина есть дом с креативно использованной для жилья территорией под крышей. Шла из института и с завистью смотрела на разграфленное на пять частей окно в торце верха. Хочется тоже пожить в мансарде. Живала недолго в Черновцах. Это сказочное было помещение — крошечное с кабинетным рояльчиком и холодильником в прихожке: он работал от уговоров и пинков. А то рояль ведь работает только от «пламенного мотора». У нас тогда еще лейтмотивом была 2 часть — *Allegro dolente* — из симфонии Бетховена. Мастер Рудольф Вольфер сделал портфельчик из старой кожи для нот — с зеркальцем для меня, премоной девицы, и рельефом *Людвига Вана*. Такой же барельеф висит у меня и сейчас: профиль Бетховена в деревянном овале. Над ним — марина В. Старкова в акварели, а еще над ними (и над нами) — крымский этюд «Старая мечеть»... А в консерваторском том портфельчике теперь вместо клавиров живут старые письма...

Заскочила к Соколовым. Образ жизни советски-старосветских помещиков. Хорошо, когда бедность не уродлива, а достойна. Папа все снимает — пейзажи, портреты, и они висят по стенкам, ежели не раздарены, вперемешку с моими. По простоте ведь они и *мои* авторские снимки дарят людям. Без толку внушать, что это неправильно. Простота лучше — чего? Порадовали меня фруктовым коктейлем, жареной камбалой и видеосъемками Олежки на курсовых показах. Поговорили и с ним, перекусывающим между репетицией и спектаклем (играет с Дуровым на Малой Бронной!). Этот парень доставляет большие надежды. Я, грешница, все в кино его спраживаю. А он урезонивает: «Все и будет, вот когда Бог даст».

Вечер. Письмо от московских друзей. Леша Кубрик — мой друг, заместивший Вилли. Он написал предисловие к моей московской новой книжке, названной «Тропой трав». Только что поняла, что надо было: «Тропами трав», там смысл углубляется, *троп* еще и как метафора.

Письмо печальное. В этот год потеряли обеих матушек. Софья Георгиевна была, и Настина мама — была, очень добрые, скромные, улыбками цветущие. С.Г. варила для меня грешную кашу, ведь мы учились много часов подряд, а в перерывах чем идти в кафешку, сокурсники желали слушать мою музыку (в большой аудитории здания с фасадом на Тверской бульвар стоял хороший рояль, и меня эксплуатировали. Это уже через годы в Цветаевском музее на нашем поэтическом вечере я вместе со зрителями услышала от Кубрика, что моя музыка стала для него эталоном фортепьянной игры после... кажется, Софроницкого. С ума сойти!). Эту кашу я всегда пыталась разделить с Лешей (Олешиком, как мать звала), но он обходился мини-шоколадками. Мне хотелось, чтобы Кубрик пошел в большую литературу. Однажды он даже смеялся на мои уговоры не уходить с кафедры русской литературы Литинститута: «Это чтобы Костю успеть поучить?». Но, как вчера сказала бывшая девочка Стаса, «у него другой путь».

Однако, и гуру, и Стасик вовсе не такие уж дзенские мальчики, как им бы хотелось. Они просто живут как хотят. А как нас учили? — «Не так живи, как хочешь, а так, как Бог велит»!..

Достаёт меня собственная ответственность. Никто не поверит, ведь вроде беспечная барышня такая, а? Не-а. Будто внушает кто-то важный: ты отвечаешь. За всё. Ну, или за многое. За птиц. За деревья. Вот может за рассвет с закатом не отвечаю. И за сегодняшнюю полоску слабого месяца.

Кто-то урезонивал: нет у нас врагов, а есть один только *враг*. Нарушу правило. Есть у меня враги. Врагини. Злоб-

ные бабцы, серость с претензиями. Впрочем, пожалуй и всего-то одна. О ней и собственная-то мать говорила: «Знала бы, что получится, сама бы *ее оттуда вынула*, своими руками, чем рожать»... Эвона как! Ой! Прости меня, Господи, не к ночи завела эту песню...

А вчерась во сне каталась на своих детских *снегурках*. С мамой за завтраком (это когда добры люди повсеместно обедают!) вспоминали про то, как гоняла во дворе у деда Сергея на ул. Тракторной в коробке катка — часами, пропуская музшколу (среднюю, пионерскую, школу № 18 — никогда! Ответственность!). Поиграю это арпеджии для соседа дяди Пети (он ведь не знает, что нужно не 3 минуты заниматься, а 3 часа, скажет на вопросы мамы-бабушки: играла!) и кубарем с лестницы в зиму. Привинтишь ремешки к валенкам палочками и вперед. С друзьями; а с ними и пожары устраиваешь, и по крышам гаражей скачешь, они же возят (на санках) на уроки музыки во Дворец и Театр ЧТЗ...

А у Достоевского это неправильно, что дамы будут смеяться, как над мышью. Вместе с миллионами дам я над мышью не смеюсь, а верещу! Это какой-то первобытный страх. Станный у меня, мыши по-тайски. Драматическая артистка Риммушка Соколова седни такую и подарила — румяную, верхом на елочном (как бы земном) шаре. Счас привешу ее к елке на место Дед-морозика из шоколада и пойду спать. Мне эту фигурку дарил профессор по гитаре Витя Козлов, а я без страха и упрека передарила ее для больной девочки Эллы через ее армянскую матушку.

Хватит дурить. Спокойной ночи, мышашаи.

10, воскресенье

Дядя Петя Юрин был наш добрый сосед по коммуналке в районе Челябинского Тракторного. Он мастерил нам тяжелые крестовины для елок, игрушки и макеты целых город-

ков — с фонтанами, купами дерев, даже будкой мороженщика. Только у него там в надпись вкралась ошибка — *морженое*, пропущено «о». И в сказку обладания сокровищем вкрадывалась досада. Как если бы во взрослом виде мне подарили рубин в серебряном обрамлении. Я нынче грамотная, и знаю, что теплое сияние яхонта будет остужено хладом белого металла. Однако уж коли сама себе купила — ношу. (Редко. Кольцо громоздкое, мешает перчаткам). Да, тот макет цветного города был чудом. Вместе с дарами детства в виде музыки, красивых старинных вещиц, веселой рожицей арлекина с елки, шарами из Багдадской старины.

Детство, однако, в целом было слишком беспечным, анархичным. Потому детство моего сына пришлось урезонить (то есть, парадокс, — поставить на пьедестал *чуда как правила*). Вероятно, это и дает ему радость признаваться (сама по радио слышала, да и люди сказывали), что он в детстве *много счастья от меня получал*. Гордиться есть чем? Да, в том смысле, как у Марины: собственность, ограниченная тетрадями и детьми, дает право на радость.

Сдается, все это не вовсе пустая пачкотня, а некий срез с экзистенции. Сколок с запечатленного пространства. Фрагмент жизнеленты (не сравнивать с кино). Не тем же ли занимались Гессе, Лесков, Манна, Голсуорси?.. Дело не в масштабе — в точности отображения эпизода.

За завтраком звонит Амега, наша древняя подружка, назвавшая во времена оны себя Костиной кузиной. Курлычет. Обветшали крылышки, но скачет веточками-прутиками пташка души. Читает наши вирши своим профессорам (у нее, в отличие от моих-музыкантов, все медицинские светила), кое-где нас *подправляет*, в своей редакции. Ну, разве можно ругаться?! Можно только хвалить. Эпос их родственных уз продолжается. Дурдом, скачки с препятствиями. Сын Олег Петров, главный художник Драмы (о нем была моя большая

статья в «Автографе», всё сокрушается над причудами маменьки, благопристойно острит. Все скрывают свои маленькие трагедии, прячут свои скелеты. В каждой избушке свои игрушки. А мне по нраву так: *свои гремушки*.

Вчера испужала меня вахтерша. Принялась хвалить мою аристократическую внешность и призывать к стихам *не про смерть* (где это они читают мои стихи?!), а про страсть. Грозно спросив, есть ли у меня любовник и отвергнув версию поклонников, повелела отдаваться молодым мужикам (я чуть не пала жертвой таких оборотов, тем более, что в метре от будки ждала первокурсница и могла слышать эти манифестации) и *после этого сразу сочинять стихи*. Я попыталась про возраст, она возразила, что едва ли моложе меня, а под Новый год согрешила с тем, кого на 15 лет старше. Я про мужа, который на посту, она отмела и это. Итак, народ требует любви в жизни и на сцене. Стремительные подвижки в сознании народа, не так ли...

А я все:

*я на солнышке сижу,
и на солнышко гляжу,
всё сижу, все гляжу,
и об этом расскажу...*

Как-то в этом роде. Но зачем женщине, раз она не в дурдоме, а здравая работница, вместо мозгов — дым похоти? В этом же возрасте полная моя тетка и ровесница Н.Б. (из рода актеров Мочаловых) — прабабка, живет аскетом, берет на воспитание третье поколение отпрысков... а тут дьявольские страшнотки. Человечество синим горит огнем.

Вечер. Моя мама выдвинула теорию насчет моей страсти к солнцу. В том смысле, что коли я чуть не полвека ношу очки, а ультрафиолет через линзы не проникает, организм постоянно голодает по солнцу. Нота Бене: надо подумать и исправиться.

Помню, Юнна Мориц, теперь уж без сомнения, что великая *поэтка*, подначивая написать в моей книге нечто в духе автобиографии (в роде той, что была у Ахматовой), поменяла потом мой *парадокс* на *парадоксы*: что они находят меня сами. Все, что Ю.М. предлагает, всегда очень уточняет текст. Кстати, вот и о парадоксах. В сказаниях Рильке о Господе Боге есть местечко, почти случайное, что он *научился пить чай с лимоном в России*. Умопомрачительное слово — и смылосочетание! Ведь лимон как продукт растет от нас далеке! А чай?..

Гений — еще и тот, кто столь непринудительно высказывает истину в свободной импровизации. Не боясь своей детскости и спонтанной доверчивости к вещам. Потому они его ни разу не выдали.

А безбашенная Диляра МаксUTOва, автор книжки о мальчике Помогае, считает Рильке исчезающим закатной европейской культуры! Задавливающим своим европеизмом российскую самовитость. Тут уж как не пустить в ход примеры любви поэта к России, ее лучшим поэтам, ее крестьянам — и его стихов на ломаном, но прекрасном русском?.. Как трудно побеждать *непобедимых* в догмах. Правда, встречающая птица вещь отозвалась о Д. с участием. Но ведь с этим надо возиться, как говорят на западе. А прочту-ка я им лучше из самого Рильке:

«— Это было, когда южная Русь сражалась за свободу (...) Польские паны (...) владычествовали на юге Руси и в тех тихих, безлюдных степях, что зовутся Украиной. Это были жестокие владыки. Их гнет, а также алчность евреев, которые захватили в свои руки даже ключи от церкви и только за деньги давали их православным, сделали юношей вокруг Киева и по всему Днепру усталыми и печальными. Сам город Киев, святое место, в котором Русь впервые поведала о себе золотым сиянием четырехсот куполов, все больше за-

мыкался в себе и терзал себя бесконечными пожарами, словно шальными мыслями, что оставляют после себя лишь безбрежную ночь. В степи народ толком не знал, что произошло. Но, охваченные странной тревогой, старцы выходили по ночам из своих хижин и молча вглядывались в высокое безмолвное небо, а днем какие-то фигуры вдруг вырастали на курганах, что возвышаются над бескрайней равниной, как будто ожидая чего-то. Эти курганы — могилы древних племен — покрывают всю степь, словно застывшие и уснувшие волны. И в этой земле, где могилы — как горы, люди — словно бездны. В их глубинах темно и безмолвно, а их слова — лишь тонкие, шаткие мостики над их настоящей жизнью. Иногда темные птицы взлетают с курганов. Иногда причудливые напевы падают в людей и исчезают в их глубине, а птицы теряются в небе. Все безгранично, куда ни посмотри. Даже дома не укрывают от этой безмерности; их маленькие окошки полны ею. Лишь в темных углах стоят древние иконы, точно Божьи верстовые столбы, и свет от тусклых лампадок бродит в них, как заблудившийся ребенок в звездной ночи. Эти иконы — единственная опора, единственный надежный знак на пути, и ни одна семья не обходится без них. В любой момент может потребоваться та или иная: когда, подточенный червями, рухнет старый дом, когда кто-то женится и строит себе новый, или когда кто-то, как, например, старый Абрам, желает умереть с образом Николая Чудотворца в руках — видимо, для того, чтобы, сличая с ним святых в небе, не пропустить самого почитаемого из них».

По дороге к дому встретила еще одну безумицу. Семьи разделяют усобицы, крики, туманы, губит буржуазное сознание на вывороченный фасон. Теща хочет нанять киллера для зятя. И спрашивает у меня совета (итак, я похожа на знакомку киллеров!). Дочь с зятем ее ненавидят за всё ее *добро*: роскошную хату, гараж и проч. бижутерию. Внучка семи лет

на вопрос, почему она не заступает за баушку, ей отвечает: «Мне же надо выживать!» и орет на бедняжку в свой черед голосом маменьки.

И с этим надо возиться? Но сказано, что спасать следует *свою* душу. Так же, как в другом месте: что кто слышит крик о помощи, обязан...

Так что же он обязан? Кому?

На самом деле, все знают — Кому. Но, как считала прозорливица Алина Антоновна, народ, *всё знающий*, делает вид, что *не* знает. Так удобней. Не отвечать. Но ведь тот, кому всяк обязан, не фразер. И это все знают. Предпочитают не иметь обязательств. Я далека от обвинений. Только бы задуматься.

Может статья, стыдно ловить другого поэта на дисгармонии. Но когда один и тот же значительный автор пишет «...По мне культура — тень от облаков, бегущая по лугу или по зеленому полю. Попробуешь зафиксировать — они сейчас одни, а тут выглянуло солнце — они другие», и тут же называет поэзию *продуктом*, т. е. берет явственно фальшивую нотку, то задумаешься. А ежели их две, врущих ноты? *Проекты, продукты*. Жуть. Но таковы культурные ниши интеллигентских мозгариков. И сие — не лексика поэта, яволь? Юнна Мориц, наш достославный учитель, хвалит этого автора — дескать, этот из тех, кого не зазорно взять с собой в вечность (на необитаемый остров). Но этот автор холоден. И он охладел к Тютчеву за панславизм. Кругом парадоксы или пародии на них. А, поняла: этот автор — снайпер стиха: попадает в пуговицу от жилета. И еще: этот автор — носитель страстного рассудка. Нота Бене: когда-то встретила фамилия *Интеллегатор*, чуть ли не в телефонном справочнике. Меня охватило паникой. Аллигатор на штрихе легато и в темпе аллегро явно перевесил интеллект.

«Вот так и человек: живет-живет и умирает». Ой, новый анекдот! Ванечка в детсаду няня спрашивает: «А кто к тебе в

Новый год придет?» — «Дед-Мороз!» — «А кто с ним еще придет?» — «Не знаю». — «Ну, подумай: такая женщина с косой». Ванечка: «Смерть?!»

О, как же не любить народ в таких шедеврах?

11 будто бы, ну да, хотя день с ночью — валетом

Совершили марш-бросок к Штайнбергу (магазинчик такой милый на ул. Пушкина), прикупили Мире золотого тона пальтецо с 50 % скидкой. Попили у них чаю с тростниковым сахаром, присмотрели демикуртку нашему поэту. А наемни принимали бедное, но сытое семейство моего соседа с детьми и мандаринами. Он попросился к Мире на духовную консультацию, а я окормляла деток. Все свои умения продемонстрировали: танцы на цыпочках, бойцовские приемы, пробы стишков, познания в христианстве. Жгли свечки, эксплуатировали медитативную елку. Почему так липнут коты и детки, да еще летние собаки? Как пиявки. Страшненькая киска на днях, к изумлению (ревности) хозяев, оседлала мою шею, потом пузико: ее стряхиваешь, а она пуще того угнеживается, всеми тридцатью когтями-пятью конечностями цепляется! И детки так-то! А собака Лада, почти что волчара, как облизывала мне плечи при слабой даже подкормке! Мы с ней знаем: только я утешала ее в клетке, когда хозяин вероломно отобрал щенят для потопления. Она на всех кидалась, а я с тыльной стороны (так ближе было к нашему летнему месту в их злосчастном подворье) ее поддерживала словом и галетками. Нота Бене: галеты — совершенное кулинарное творение; Нобелевку тому, кто их придумал. Мои таврические дельфины тоже их признавали... Расскажу, как плавала с ними возле мыса Святого Федора, самой южной точки Крыма, чуть позже. «Мадам, вы не Артемида ли, покровительница прибрежной ольхи на Урале, тиса ягодного в Тавриде?!», — спросит некий добрый персонаж.

Так чем должен обладать критик, кроме глубинных познаний и обостренной интуиции? Согласна: критик не должен быть злой и страшной бабой, сублимирующей свои комплексы. А лучше сказать, как Коля: прочь все «ведения», назад к чистой доске допотопного сознания. Просто глядеть на витрувианского человека — и все в тебе уравнивается, закипающая вода телесная остынет... И станешь первородной, родной — как и следует деве Наталии.

Сей друг в финале позапрошлого лета, на том самом пятчке, куда не всех допускала грозная Лада, подарил кружку scoгрю. Авторы дизайна-англичане снабдили устрашающий абрис насекомого зверя... виньетками из ягод и цветов: ежевика, шиповник. Вот так и рассуждай сам-друг: то твой скорпион враг тебе, то приятель, а пуще посторонний. Особо в последние месяца. Тем более, что его философия необладания легко распространяется на человека. А уж друг ли он человечества — большой вопрос. Нота Бене: жаловаться на скорпионов мне не положено. На мысе Ай-Тодор я, десяти лет, не зная, что это ядовитая тварь, устраивала их бега на заброшенном, знойном от полуденных солнц корте. И мои люди-скорпионы: если и жалят — так ведь не до смерти!

12 февраля, свободный от должности день

Если младший школьник крадет деньги, покупает кортик в отделе игрушек, прячет его за обшивкой тепловых трасс, изредка навешая свою *не-вполне-игрушку* — это не значит, что он навек испорченный человек. Просто он был рыцарем в прежних нетях, воином, и желает помнить об этом, опираясь на образец символа. Вообще ребенку надо давать необходимую мелочь, чтобы не вынуждать его красть. Но бывает, что семья и на свое необходимое не имеет.

Бывалоча, с дедом Сергеем Рубинским беседовали на Тракторной улице. Он рассказывал про японский театр, что

там есть персонаж по имени *никтошка*, а тут идет милиционер, и дед испужался: вдруг тому послышалось *милтошка*. Я заливаюсь, а деду не до веселья, запуган до-волосы-дыбом законопослушательской системой.

Да, вот мои джентльменские герои: двоюродный дед, дядя Миша и Игорь Абросимовы, дядя Петя Юрин, изредка приезжающие дядя Сергей (безумно любимый — очень красивый и добрый) и Борис... А джентльмены-ровесники: «Ливоля» — Сережа Коробов, ныне океанолог, Валерка Худяков (по музшколе), Мишка Скачков (по 18-й школе). Ливоля — это сосед по квартире, с ним росли, ощущая себя *геш-вистерами*. И сомнения не было, что брат и сестра, даже две яблоньки по пути в садик назывались нашими именами. И сейчас одна из них жива — корявая: Сережа или Наташа? Мои вспоминают. Поссорились; видать, лет по пять нам. Приходит: «А Наташа где?» — «Наташи нет дома, и она передала, что с тобой пока не играет». Через полчаса: «А Наташа скоро придет?» — «Мы ведь тебе объяснили». Через час: «А Наташенька скоро придет?»

Наши бабушки (его — Зинаида Сергеевна, красивая породистая старуха, бывший стоматолог, для меня по сей день ассоциируется с Пиковой дамой) как будто соревновались в устройстве елки, мастерили игрушки прекрасные просто, сказочные! Балеринок, зверюшек — из грецких орехов, ваты, проволочек. Лучше всех получалось у бабушки. Это мне так охота сказать. На самом деле у всех — и у деда Сергея, ее брата, — получалось здорово. А бабушка ко всему умела отливать свечки в пробирках, и елка вся делалась живой, и праздник превращался в священнодействие. Были живые картины, просмотры диафильмов с приглашением знакомых ребяток. Как-то, задвигая шторы для затемнения, Ливолина бабка сверзнулась с подоконника и сломала ногу. Ни стона не издала! Такое поколение было: «Но в мире нет людей

бесслезней...». Там дальше еще «надменнее и проще нас», но про это не берусь.

Бабушка переписку имела большую. Шли на почту (7 отделение на Южном Спартаке), мне разрешалось надписывать конверты. «Рубинскому А.А.», — диктует бабушка, и я начинаю хохотать: «а-а! это когда на горшок...». Бабушка строго оправдывается: она ведь нарочно с паузой диктовала, а я, насмешница, всё по привычке перевру для общего конфуза!

Братья моей бабушки, а их было — ой! — не десять ли: интеллектуалов, спортсменов, атлетов! — всегда наособицу в моем воображении. Очень уважаемые. И личностные такие персоны. Ведь вот: один из них в детстве представлял себе облик *сволочи* (на улице ругань слышал, стало быть: ведь дом у них был пуританский по воспитанию, а папа очень строгий) на трех ногах и с красными глазами, а другой вечером ходил с пузырьком собирать тьму, а днем ловил и запечатывал свет. Который-то еще по родовой привычке к стихоглаголанью сочинял: «клоп живет в матрасе и грызет человеческое мясо».

А Ливоля — это, видимо, еще до-говоренья желание с натугой произнести Сережа: ли-во-ля. Как позже, лет в 6, все еще картавила и не могла сказать *Марина*. Шли из садика домой с Мариной Разговоровой и ее бабушкой, и я просто из сил выбивалась, кричала «Марина-Марина-Марина», а выходило «малина». Есть такие кодовые словечки в словаре детства. У меня было, рассказывают, *кыбльга*. У Кости — *биськалики*. У крестника Тимофея — *капа*. Может, они — ключ к чему-то в будущем?

Я черепаха. Ахиллес меня догонит.

Ай-яй, дальше забыла. Говорит же «второе Я»: стишки записывай сразу!..

13 день февраля

Де жа вю. В сносной больнице с продавленными кроватями и дырявыми креслами можно жить припеваючи хоть неделю. Однако богатая соседка портит все лечение своими текстами про имущество и валюту, а главное, репликами типа «ужас, кошмар, бред, шок» и т. д. Можно привыкнуть даже к конголезцу Жаку, обретающемуся за стенкой (у меня палата № 77, у него 76), но не к параноидальным интенциям. А что Жак? У него тоже болит ушко, и из него всегда торчит ватка, ему 20 лет, и он плачет после укола. Его косички иногда меняются на другую прическу, а браслеты и фенечки являются предметом изумления детей. Девицы с больными ушами пытаются клеиться, но он играет только с 5-летней Лерой — может потому, что она от уколов не ревет. Учится российской мужественности наш недоблестный афроамериканец.

ЧТЗ. Больничный городок из моего детства. Гуляю по окрестностям. В этом доме жил Женя Калинин, сын маминной детской подружки, в которого я собиралась влюбиться, да не успела: он был очень красивый парень и рано погиб... Вот школьный двор, где бегали на спортплощадке я в 60-х, мой сын в 80-х...

Здесь растут милые седые колоски и валяются ржавые селедочные головы. А вот и наш двор, можно поскрипеть на качелях, двинуть турник, на нем мы всегда выбивали пледики. Здесь бабушка и я по очереди катали кремового цвета коляску Коти, а он высматривал красивых молодых мамашек и с удовольствием с ними «беседовал».

Все кажется, что жизнь неспроста вертает нас на старые места. Что-то довоспомнить, что-то пересмотреть-исправить. Трогаю мальвы у окон, за которыми 45 лет назад лежала 1-я моя любовь — Саша Макаренко. Ему сделали операцию по поводу перитонита, и наша тетя Клава вручила мне коробочку болгарского «Рахат-лукума» — отнести милому Саше, очень

сильному в наших перифериях пианисту. Позже моя мама сделала все, чтобы его не взяли в армию, и он отлично окончил предмет общих вожделений — Московскую консерваторию. Она тогда ходила-просила за него, «как за сына»...

Кажись, 15, а не то 16 уже, словом, с пятницы на субботу

Еще когда в буфете челы от искусства заливают за воротник — стерпим. Но вот ежели буфетная личность забредает к нам в искусство — невыносимо! А их — сплошняк.

Это так. Но много и брильянтов. Не всегда различишь, где алмаз, где стекло.

А как различить, что реальней: явь или сны? Вот звонит сейчас хороший мастер бронзоотливки, принес в благодарность за статью итальянский вермут, конфеты *от Корзунова*, цитирует мои стишки. Сымает шапчонку, кланяется, цветы расцветают на лице суровом, все мускулы атлета улыбаются. А только что, за сколько-то перед тем, улыбалась из зала Ниночка Каргу (медвежонок по-фински), цвели васильками на веснушчатых щеках глаза-чашки (как кто-то сказал в те счастливые 70-е, вроде бы Вилли). А я со сцены радуюсь — сейчас побежим на Переходный переулок, там у нас берлога бродячих музыкантов, окна в сиреневый садик, тетя Соня ворчит, но всех терпит, Серега всего боится, но бойко брешет по-немецки, мы читаем-поем стихи и мним себя богачами... Но Ниночка, моя подружка, ученый искусствовед, умерла, как перед этим ее и наш Слава, Серега, тетя Соня. Ой, а тетя Соня однажды перед утром нас все-таки за шум... попросила. Мы бодро шагали в сторону общаги на ул. Щорса, и Вилли говорил экспромты.

*Растут цветочки на балконе,
их сверху покрывает мгла,
сегодня утром тетя Соня
нас очень громко выгребла...*

Und so weiter.

Ведь у Вилли, а рикошетом у меня, была пагубная привычка везде пускать пышные корни и чуть придя чувствовать себя как дома. За это поплатились от мамзели Финдель. Это такая была пианистка однако, и вот ужасно ей мечталось тоже блистать знаниями, как Виля во всей округе, и тогда она пригласила нас пожить к себе, чтоб эрудицией подкормиться. А так как Виля акклиматизацию, как водится, пропустил, стал он тут же расписание составлять: кому в какие часы на ф-но упражняться. Сам без году неделя на композиторском, я на втором курсе фортепианного, а Финдель к госэкзамену готовится в классе самой баушки М.Г. Богомаз (однажды после академконцерта грозно приблизилась ко мне и бросила: «Ты подминаешь под себя Бетховена!»), профессорши неоспоримых достоинств. И тут она маленько увлеклась, перезанималась и чье-то из нас с ним время прихватила. И стал тут Виля права качать, гнать ее из-за инструмента. Ну, тут вся демократия с нее слетела: заорала, что хозяйка и пианины, и квартиры — она, и что мы, раз добра не понимаем, можем быть свободны. Вот и вся дружба. А засим приведу его стишок с посвящением мне:

*Так миновала первая зима,
огромный город, свечи да каминь.
Мы были вхожи в разные дома,
где нас с тобой за шутовство кормили.
Мы медленно скучали до поры,
и только озирались оробело
то ль в предвкушенье лютневой игры,
то ль в ожиданье птичьего обеда.
Там вкус бывал изнежен и суров,
владели все беседою галантной,
высоким слогом улиц и дворов
мы там, потехи ради, щеголяли.
И так приятно было посреди*

*всей ахинеи, всей собачьей чуши
вдруг окатить их неподдельным чувством,
граненым силлогизмом осадить.
Но предстояло нам, гулякам праздным,
рассвет встречать ученьем и трудом.
Не дожидаясь сплетен куртуазных,
мы незаметно покидали дом
и мимо ратуши, через плотину
мы уносили с ужином кули –
всё, чем голодным дуракам платили
отрыгивающие короли.*

Намедни позвонил, сам давно король, без свиты, но не голый — что важней. Цитировал мои стихи, строил планы на «как бы свидеться», уверял, что начальник над Большим театром, оркестрами и т. д. по линии международного союза. Неудивительно. Учреждал же фестиваль памяти Шостаковича. Но к его Колыбельной это мало что добавляет. В смысле следа в вечности.

В этом же смысле приведу один миф племени *майя* в своем вельми вольном изложении.

Сидели четыре бога и взирали на нижний мир. И захотели чегой-то человекотворить. Желтый бог вылепил его из глины. Но он размок и потерял форму. Красный бог из сучка человечка вырезал. Но огонь порушил сие творенье. Третий бог изваял его из золота. Всем хорош вышел, но холоден чересчур. Тогда четвертый бог отсек себе пальцы, и они в виде человечков поскакали на землю. Прижились. Стали резвиться, на радость богам, а встретив чела из золота, согрели его своей добротой, и он тоже ожил. Тут боги порешили, что эти простые будут бедными, а тот золотой, и его потомки, — богатыми. Но иерархию назначили в пользу бедных. Ведь они перволюди! А достоинство богатых — в помощи своим незолотым собратьям. И закон такой вышел: в рай богатый попадет только в том случае, если его приведет туда — бедный.

Эту сказку обещала сказать челу по имени N. счас — за его семинарский стоицизм с присказкой про верблюда с иглой. Нота Бене: «Хорошо быть кисою / хорошо собакою: / где хочу — побисаю, / где хочу — побакаю!». Фольклор. Но седни на крыльце у Дили было две кучи помета. Ее комментарий: весь подъезд жутко разбогатеет. Так что в руку лекция N. Особо в той части, где про людей с предрассудками. С личностью без пред-рассудков он здороваться не станет, ни дружить, ибо тот будет насквозь рациональный.

16

Если *Лето* — имя моей мамашки (приняв версию, что я как охранница дерев и растений — Артемида, а у Зевса Лето — одна из жен; насчет же брачных свидетельств умолчим), то каждое из многих моих детских *лет* я, жилища Тавриды, оказывалась Артемидой Таврополой! Да-с! И это в Крыму она культивировала ланей, а уж потом ее культ попал в Грецию. Насчет медведей, коим покровительствовала она же, менее ясно. Но ведь мишка — тотемный зверь Руси... А крымская бабка кликала меня *белой медведицей*. Но зачем в честь Тавропольской Дианы надрезали горло у мужчин? Как обряд жертвоприношения? Но вроде они выживали... А моим Орестом был кузен Анатолий. Мы воровали магнолии и продавали их влюбленным парочкам. Мы сплетали веночки из штаммовых розочек — и утопляли в них кудри и панамки. В чайном домике на берегу каждое лето выставляли акварели Волошина из Феодосийского музея, и я уже тогда, в двенадцать годов, жалела, что не кувыркалась в той (с Булгаковым!) компании в — 24-м году? — на коктебельском пляже. Тогда бы и мне Волошин подарил свою акварельку... У Асеньки моей они висели над последней кроватью, чуть не сто лет переезжая с ней на разные адреса.

Брежу ли, грежу — а как усладительно. Счас уже почти пять утра, это день 16 февраля, а еще несколько часов тому было Сретенье, праздник перед встречей весны. Наверно, из-за этого позвонила Наталья Ивановна с курсов повышения квалификации, присная Ражникова, ищет его чрез года и веси. «Не знай, грю, давно расплевались». Ведь он всегда все соки из народа выпьет, свои творческие фантазии насытит, а с тем — до свиданьца. Опубликовал мое эссе без согласования, с черновика, по всей Расее. Про гонорар ваще полный кочум. Еще и звонит потом как ни в чем не бывало. Так ей и доложила. Хотя много он тут народцу от музыки попортил своими ноу-хау. Медитациями в моей хате, например.

17 «Вот ловкач!» — закричало человеческое стадо

Ну, Хармс! Твои симфонии, вроде той, что про *начало очень хорошего летнего дня*, ужасно к лицу времени. Баба по-прежнему бьет *корытом своего ребенка*, а другая трет *хорошенькую девочку лицом о кирпичную стену* в то время, как крестьянини Харитон, напившись денатурату, расстегивает перед бабами штаны и произносит нехорошие слова. Это как у Зоценко или Бабеля, ввевшихся в тебя афоризмами. «Служила Арина в номерах «Мадрид и Лувр», а Серега при них состоял дворником. В номерах служить — подол заворотить: кто пройдет — тот и хозяин, хучь еврей, хучь всякий. И был промеж них стыд».

Модулирую, ибо не хватит бумаги. В самом неприятном, а также в плохих снах есть большой плюс. Это то, что оно уже кончилось к моменту осознания.

Звонила из Магнитки Римма Андриановна Дышаленкова: расстроилась, попав в какую-то книгу некоего Путника, наряду с *отщепенцами*(!) типа Циолковского и Вернадского. Спрашивает, не слышали ль мы чего... Утешиться можно ей тем, что компания неплохая, особенно если и Льва Толстого

вспомнить — «сектанта», ересиарха, преданного анафеме. Как не вспомнить тут и папу Иннокентия с советом употреблять против еретиков духовный меч отлучения: «Если это не поможет, то железный меч». А ведь кто — для кого — враги веры истинной... Охота на ведьм — оно, может, лучше (пока без кровей), чем охота на зайцев, однако...

Дети — инопланетяне. По части непонятности и непредсказуемости.

«Триндец» — хороший термин. Думаю о звуке имен: с каким звучанием чел явлен в мир. К нам. Вот пошто мне один сэр артист не люб, несмотря на его заглядыванья? А фамилие у него такое! Здесь и червь, и черева, и чревовещанье, и чирии разные, даже рев чела. Даже стыдно так вот жить: фанатом филологии!..

Как бы это в самом деле освободиться от власти ума? Стать дзенской дамой. Без «рабствования перед интеллектом» (Н.Ф.). Без жажды обладать. Стихи и дети только — как у Марины Ц. Нота Бене: стихи — мой личный маскарад. И литературный, и экзистенциальный. Хотя для жизненных сатурналий их не хватает. Приходится рядиться в Тарталью. Друг Панталаша всегда под боком — выручит. Шутихи и петрушки — мои главные друзья.

Как растение под небом расту, плюю на социум, от сомнения давно самоотреклась. *Познать*, чтобы сравняться с Богом, — отвратительно.

Согласна: фрагментарность — один из поэтских методов, равный вспышке сознания.

N. странно рассуждает о поэтах бедности — Франциске Ассизском, Христе, Рильке, Лорке — тех, по его понятию, кто живет в Боге. Они у него — аристократы духа (то, что и он относится к данной категории, вне всякого сомнения, господа!), ибо не хотят обладать знаниями, вещами, людьми. Нота Бене: N. как адепт второго вида красоты — бытийной

(не товарной, чему поклоняется мир)! Да-да! Кротким — обочина жизни, наглым — выгоды власти. И где это у Гессе о том, что всякий богач — убийца? (сравнить с мифом *майя*). Н.: змея его рассуждений хороша (ср. — «царица пошлости как роза хороша»): «Нормальных людей рождается немного, большинство — механические куклы». Лучше всего о медиатации как выходе из пределов ума: человек начинает бытийствовать — быть в истине.

Прихожу каждый раз к списку звонивших. Вчера порадовал А.М. Бытов, настоящий профессионал и человек. Исполнил смешную меркантильную просьбу. Да еще предлагает не только откорректировать мою новую книгу, но и сверстать! Бескорыстно!

Праздник у нас сегодня! Пришел сперва Константин, принес права, водителем стал. Я сбегала в «Белочку», нашла там *Кадарку* и сок апельсиновый, остальные ингредиенты прежде скупила. Сделала отменный глинтвейн. Мира поджарила курочку со скандинавской смесью. Салатик Свердловско-Рубинский был мигом слопан заживо. Да. Зато известиями некоторыми удручена. На личном фронте некоторых. Нота Бене: Рубик считает себя сектоведом и теоретиком против ересей. Открытие на открытии. «Вспомни корни!», — мне велит.

18 Ах-ах!

Встать с мыслью о сегодняшней встрече с Мацушкой! Ясно, что присные так и скандируют: давай-давай, Денис, мацай рояль по полной! Респектабельный Бэлза и тот не может сдерживать джаза в голосе, когда представляет Мацуева. Фейерверк и больше ничего! Это наш нынешний Гилельс, Рихтером опыленный. А провинциальные пианистки хотят быть оригинальными, вон подружка по фортепианной кафедре Маня: «Нет, все-таки буду ждать Колю Луганского, он куда тоньше...»

Может, часть правдочки здесь есть: ну, тогда Коля — Софроницкий по-нашему. Однажды Рихтер с Софроницким состязались в обзывании друг дружки. Когда поток наименований был исчерпан, один крикнул: «Гений!», а второй отвечал: «Бог!» Поскольку такие случаи растут в моей голове с детства, я и критик вышла в этом нюансе. Нота Бене: вот на этом уровне и надо поддерживать искусство критики.

Рады, что Рубик *скачал* нам, наконец, Второй концерт Сен-Санса. Заливается Гилельс на всю хату, как будто не прошло десятилетий от детства, и бабушка будто все посиживает, слушая, и говорит затем: «Вот буду умирать, вы мне заведите пластиночку с этим Концертом!» Был ее любимый Концерт. Но мы раздали фонотеку, проигрыватели, век вирила кончился, и Сен-Санса в ее последние дни в доме не было. Так и не исполнили завета, а просьба была серьезная. М.б., в мировой музыкальной литературе такой музыки по жизненной силе, по радости страстного накала больше и не сыщется... Здесь молчание.

Моя учительница по Литинституту Мариэтта Омаровна Чудакова, крупнейший булгаковед с мировым именем, говорит, что язык — скрепа нации. Тут игра, омонимы. Надо иной раз прикусить свой язык, губы прицепкой бельевой скрепить — и вперед, к немоте. Об эпохе великого безмолвия бают пастыри. А Федор Михайлович, мой, м-м-м, сомышленник, вторит тут же: молчащий выглядит красивее, чем говорящий. А сами герои у него все романы напропалую болтают. Кроме Алеши. Тот увещевает. А молчание требуется немтырское. Вот. Седни от имени Версилова переписывалась с К.С. Раздражает ли Достоевский в контексте насущного?!

Интересно, что «румяный критик мой, насмешник толстопузый» скажет про друидский календарь? Ведь они начинали как поэты, а не просто как ведуны, и слагали эпос своих народов. Вот уж поймаю тех, кто закричит про секту!..

Арии, греки, тибетцы, наши аркаимцы — все, что ли, сектанты? Чур меня! А в детстве: «Чур-чурова, я не игрова. Чур-чур, я — георгин! (или: я орех!)». Да-с. А липы очаровательны, но чувствительны к лести. Легки в общении, кружат головы. Часто сами разрушают счастье беспричинной ревностью. Скука — их основной враг. Так что Отелло — вовсе не борец с ересью, а от скуки спонтанный роконосец. Затем убийца. Нота Бене: львиная доля преступлений — в этом контексте.

19

Концерт Мацуева стал тем видом общения, тем видом соборности, что посильнее (Нота Бене: не впадать в роль ересиарха!) конфессиональных камланий. Денис превысил нормы, его пианистические приемы за пределом собственно профессии. Откровения Рахманинова пошли на уровне каждого из сердец в зале. Публика стала не толпой меломанов — а единством вокруг демиурга. Праздник земли уральской.

Nota Bene: очень осторожными надо быть с высказываниями великих. Фуфа Раневская, к примеру, передавала, что Рихтер «холоден к Рахманинову». На самом деле они люди одной крови, только Рихтер, по-видимому, не желал экзальтироваться, будучи пианистом-интеллектуалом, к чему фортепианные опусы Рахманинова побуждают нас.

20, парадоксы профессиональной и жизненной позиции

Де жа вю: наш старый ЧТЗ-вский двор. Огромные тополя острижены и дали новую, яркую, сверкающую как зеленый бриллиант поросль. Кривоватые карагачи и клены тоже окультурены. Я смотрю на наши бывшие окна, все в той же замазке, лепленной руками моей бабушки, и с сетками от летучих букашек. Какая несправедливость. 50-летний дом стоит себе, деревья не умерли, варварски обкорнанные...

А бабушки, такой нужной всем нам, и тени нет. Мне скажут: как же, а вы — её поросль?.. Нет, это совсем другая песня.

А стихи (литература как вид искусства) победили искусство-музыку. Выбирала не я. Кто-то, Кому нужней оказалась сия стезя. Ясно: немного завидно, когда так играют. Но объять необъятное низя, по Козьме Пруткову. Меня зовут поэт; ну, и всё. Ой, *поэтесса*; это прекрасно и правильно! Ведь некоторые эмансипантки кричат, что поэтесса — как стюардесса, а потому они тоже желают зваться поэтами. А я тихо сижу за печкой, вывожу узоры и баю говорком горлинок. Такие мои стихи.

Однако возлюбленный Сёрен Кьеркегор шепчет, что поэт — не что иное, как несчастный человек, носящий тяжкие муки в душе. Что уста его созданы для того, чтобы крики и стоны, рвущиеся через них, звучали для всех прекрасной музыкой. С Кьеркегором не скучно, он только *как бы* псих; на самом деле он живет в пантеоне бессмертных.

21 февраля, про скромность end пафосность

Бежит прямо перед носом у меня собачка цвета домино, миниатюрная, и смешно вскидывает ножонки в ритме «Барыни». Так весь путь домой и я: пела-плясала, в этих барынях процветая. Нота Бене: никогда ни при каких обстоятельствах не относиться к себе серьезно.

Юбилейничали нынче у Дымовой — весело, легко, в стихах, с юморком. У ней Маша в Англии родила французёнка и защитила диссерташку про солнечную корону. Хорошо ведь? Дымка призналась всему собранию, что счастлива. Пошептались с ректором про желчь, с Толиком К. про союз (разлад) композиторов, с Колей И. про детей, посудачили с дамами. От Рубика подарила милый букет: ирис, гербера...

Диана Мусатова тоже рвется из города, говорит, что *совсем* не может жить без сосен. Раз это речь не моя, значит, я

еще — *могу?* Даю совет: пушай, мол, Славик купит избушку. — «Его интересуют только машины».

На самом-то деле и я не могу без сосен. Города-спруты Верхарна хватают за горло.

22 с Марселем Прустом

«То, что для нас делает тела поэтов прозрачными и позволяет нам увидеть их душу, — это не есть их глаза, не есть события их жизни, а есть их книги, в которых как раз есть то, что от их души содержится, от их инстинктивного желания, которое хотело увековечить себя и которое отделилось от них (поэтов), чтобы пережить их бренность».

Мое эссе о Прусте похвалил мэтр, найдя там открытия. Я пишу, что герой, как и автор, пытается преодолеть фатальное одиночество, на которое обречено духовно продвинутое большинство рода человеческого. Каждый одинок, закрыт для другого, все разобщены, даже если меж кем-то устанавливается временная общность по имени любовь. Сван и Одетта, Марсель и Альбертина, Робер де Сен-Лу и Рашель — их разделяет недоверие, неискренность, ревность, непонятость. Жизнь, с ее поиском истинного чувства, оборачивается утраченным временем. Пруст во всем, глазами своих двойников и персонажей, видит красоту, проявляя, как очевидец протекания жизни и как писатель, вкус возвышенный. Его описания боярышниковых зарослей и чуда каждого цветка в отдельности, сирени, жасмина, равно как прелестных музыкальных мотивов или кружев наряда возлюбленной, выдают большого эпикурейца и ценителя тончайших впечатлений от живых проявлений бытия. У Пруста и вообще все вырастает из того, что он зовет *впечатлением*. Писатель в разных случаях употребляет это слово, ставшее, как и движение духа от жизненного удовольствия к радости и счастью, по существу, его творческим методом. L'impression, импрессия — то есть,

то, что запечатлелось. К своим запечатленным впечатлениям Пруст добавляет эпитет *вечное*.

Таким образом, его романы (Роман) следует прочитывать под знаком вечности. Пруст соткал тончайшие сети своего импрессионистического письма, он улавливает в них читателя, и освободиться от его плена очень трудно. Он обволакивает своими прекрасными длинными речами и завлекает нас в свою жизнь, ведь из двухсот его персонажей едва ли не большинство носят черты его личности, признаки характера и соответствуют образу мыслей и бытования. Он не нуждается в масках, он точен в фиксации чужих переживаний так, что их чувства принимаешь за рисунок внутреннего мира самого поэта. Нет, мы не оговорились: с точки зрения психологии искусства Марселя Пруста можно счесть поэтом.

...Метафизический автор, не запутался ли Марсель сам, как в тайне времени, в *своих тайнах*, которые он то скрывает, то преобразует, то выкладывает другу вроде Жида, то делает достоянием гласности?! Хотя ведь сам он размышляет об эпохе, «когда люди творческие яснее видят, как ужасен грех, и в то же время преданы греху больше, чем их предшественники; они вынуждены скрывать свою жизнь от глаз людских, проявляя в делах чести старомодную щепетильность, выказывая свою верность вечным нравственным устоям — из самолюбия и потому что собственные поступки кажутся им отвратительными». Не потому ли в уста одного из любимых героев автор вкладывает жестокое: «О, моя жизнь, не будем об этом говорить, я человек заведомо проклятый».

...С самого начала человек Пруст знает, что жизни в полную силу ему отпущено мало. С самого начала писатель Пруст ищет время, гоняется за прошлым, за отблесками счастья ранних лет, за утраченными мгновениями радости встреч с прекрасным в образах природы, в милых сердцу людях, в памятных вкусах пирожных, в музыке звяканья ложечки о стакан.

Он не нуждается в анализе прекрасного, он представляет нам его как главное действующее лицо своей жизни. Но главным героем его книг становится время — как вещество истории и существо нашего физического бытия. Времени, утраченного с прошлым, не вернешь, но есть память, она спасает ушедшую навеки радость. Да, еще есть искусство — великое средство обретения утраченного времени.

И что важнее: эти великие находки Пруста — или то, что «он дает нам возможность заглянуть в самих себя»? — решать каждому в одиночестве.

Подумать только! 8.30 утра, у людей двери захлопали, порядочные на работу потопали (или на дело), а я все думаю, что это ночные прохожие, опоздавшие ко сну... Вместо утреннего травного чая завариваю вечерний... И пишу, и пишу. Как Бальзак, занавешенный шторами, кофею обкормленный!

Всё, господа! С круглых чисел начинаем новую жизнь.

23

Метафизика Пруста близка нам, ибо и наша лучшая родина, для жительства души — неизвестна. Это о месте. А о времени что говорить, только мучиться его тайной — как Чаадаев. Зато уметь утешаться радостью мысли запечатленной. Сменим пластинку. Съехал ум на стишок.

*Я видела графиню, ее же — герцогиню,
ее же и принцессу из флорентийских рас —
снямавшейся в рекламе на фоне милых штучек,
державшей в старом ухе чудовищный алмаз.
Суха и элегантна, нисколько не красива,
объектами культуры удручена весьма,
которые в подпорках нуждаются отныне,
и деньги для которых — нет, не нашла она.
Питается Джорджина креветками с инжиром,
сама берет на рынке все, что войдет в корзину.*

*Кроссовки-недомерки на ней, как с пионерки,
хотя стройна графиня, как горлышко графина.*

Гимнастику ума не так лень делать, как телесную.

Вечер. Ночь. Келья с картинами, музыкой, елкой — вроде как крепость; иллюзия времени — остановленного. За окном бьется ветер, но стекла покрыты броней узоров, и *майя-мираж* защищенности цветет. Хватаемся — за что? За мерцанье свечечек, за игранье обертонов. Таковы самообманы человеков.

Абер, реплика: «Боря! Тряпицын! Спасибо за Крыску! За ее папирус и рот до ушей! Но почему Сережа (муж мой) называет тебя Тряпичкиным? Из-за Достоевского, которого раньше обожал, а теперь невзлюбил?»

24, воскресенье

День выдался неплох, несмотря на увядание пышных снегов. Из полезного: генеральная чистка среди дворовых снеговиков маминого болгарского коврика; покормка гостей. Котик покушал пирога с капустой нашего изделия, дизайнерша одежды с Еленой Борисовной — лепешек и бисквита из рук моей мамы. Подарила защитнику отечества красивые гвоздики — 3 крупных, как пышные махровые маки или мелкие пионы, и небольшие кустовые — все пронзительно-нежных розовых оттенков. И при них приставлена ветка того, что неточно зовут аспарагус.

Один из Пулитцеровских лауреатов сказал о доме, что это для человека крепость. Что другие приходят сюда сыграть эпизодические роли. Не худо. А вообще америкосы смешно мыслят даже в смысле конструирования поэтич. образов. У них птицы взлетают всем *крылатым сердцем*, а в лучшем случае они *висят на крыле песни*. Очень топорно! А у ласто-

чек, разумеется, хвосты расщепленные или фрачные; тропы, которых даже наш графоман поостережется! Когда появляется что-то из поэзии, типа У. Стивенса: «четыре ветра дует сквозь беседку, обвитую засохшим виноградом», — сразу благодарно удивляешься.

Когда-то Монтень (или это был Ларошфуко?) посчитал, что у слона с клещом в принципе одни и те же побуждения. Обожаю Ла Брюйера с Ларошфуко (всю розовую юность их конспектировала), но паче того — Монтеня. Поспорю, однако. Клещ пьет кровушку, а слоник вполне травояден, сиречь невинен. Какие же они, прошу просенья, братья? Есть, правда, ссылки поадекватней. Революцией отдают. Про то, что души сапожника и императора скроены на один манер. Это я отсылаю себя к эпиграфу нынешней осени из Пруста.

Надо же! Счас звонит питерская пифия Алина! Прямо из своего художественного «мансарда» в сто метров нарисовалась. Обожает-любит, велит ехать, глядеть ремонт в отвоеванной мастерской. Все плохие, хотя уже от президента через прокурора приставлен за ее ремонтом следить поверенный. Ничо не пишет, комп сломан, после возлюбленного Никаса Сафронова «стихи нейдут на ум».

Ой! мама гонит одеваться, а ведь ученики сегодня вряд ли повалят толпой, у них — постпраздничный и предвесенний лад. Иду-иду, милые детки, вот только точку водружу и в улыбку наряжуся, дабы происшествия серенького денька (как сказывал милый Андрей Белый) не заглушили радость существования.

25, день «Аромата танго»

Именно так называли уже вторую весну проходящие концерты «Классики» с балетными номерами и стихами Константина К Пьяццолле и его же чтением классиков — к Вивальди. Малость намешали: «Времена года» двух отдален-

ных (а это было очень уместно!) авторов и — танго... Лучше всех танцевал Артем, сын Адика. А сей герой после концерта был лимон-лимоном, весь отжатый, и пожаловался мне, как бывшей училке, что еле на ногах стоит. Правда, тут же зауповал: «Пора нам с Костей что-нибудь особенное замутить!..» Обожаю глядеть на них, чем-то похожих, на сцене: вдохновения не занимать, от профессионализма аж светятся. Был генич-Евгенич; сказал, что они, математики, менее всего зависят от цифр, а потому я могу выдавать свои прозы в любом количестве страниц!..

Уроков было немного, дети удивлялись: как это — кто работает пятидневку, то отдыхает 3 дня, а кто шестидневку, тот всего — 2. К тому же закрыта столовая, ни педагоги, ни студенты поесть не моги, и бухгалтерия — а у меня был расчет на аванс. Фрустрация наша, однако, не коснулась музыки, и мы хорошо поучили Скарлатти, Генделя, Баха, Даргомыжского и иных наших кормильцев. Жарков отпросился из-за материнского дня рождения, тем более что у меня в классе тренировала вокальные данные его прошедшая горбоносая пассия. Недавно с заслуженной артисткой Клавой Титовой обсуждали ее перспективы, дак, оказывается, профи-вокалисты умеют определять характер и даже порядки в семье и нрав родителей, исходя из звучания голоса своих учеников!.. Девочка зажата, нераскрываема — дескать, мамаша шибко строжит. Спрашиваю у Жаркова: так и есть. А у него, болезного, нету мочи поддержать человека. Завтра Диляра к званию *щеник* добавит ему статус ветхой бельевой прищепки (!). Примерно смекаю, что сие значит. Но мы еще будем иметь возможность оценить его и с иных позиций. С Митей позанимались, задала 4 этюда. Обсуждали тему композиторства. Подал заявку на международный конкурс, внес 600 рублей взноса. Благородный подросток. Мыслит и существует полноценно. Как и Стас, начал преподавать; соглашается, что

факт сей полностью меняет взгляды и жизнь. Я им обоим теперь могу сказать: «А-а-а! Поняли теперь, что за шапка Мономаха на учителе!» или что-то в таком роде.

Гостила на Каслинской. Кушали салат из гороха, капусты и лука. Хорошо, хотя мне сильно вредно. Пили чай с моей брусникой. На сон грядущий дал мне Котя банан. Ибо к моей науке о витаминах невольно прислушаешься, весь слух замучу!

26, вторник, все сидят в жюри

В городе проходит фестиваль детских театров «Серебряная маска». Рубик с утра ездит на просмотры. Вчера был потрясен спектаклем на сюжет из Ю. Яковлева (школа из Ленинского района). Говорит, и дети, и всё жюри плакали. Обещает сводить и нас. Видела у него очень хорошую литературу по ремеслу поэзии. Сказал, что дал Шилов.

Льды таранят город. Даже без солнца тает всюду. Весна света настает. Везла в подарок книги отъехавшей на вечное жительство в Австрию Тамары-Мокси, а в Верхарна вложены вырезки: Цвейг о Рильке, публикация 75-го года. Глядит рисованный Рильке, как бы в назидание к спорам о нем. Антисеминары продолжают! Ой, как-то непоэтично! Дубль-семинары.

Маркиз наелся рыбой, у нас седни уха из этой, как это? Из минтая. Все сыты. На Каслинском рынке опять привелось купить миндальных пирожных. Просто пир. И яблоко на полкило, и два красных апельсина, какие потребны для глинтвейна. В гостях тоже была уха, из горбуши. А еще следкин форшмак. Рыбный день прошел в дебатах. Следует отказаться от тем, за которые наказывает небо. Даже касаться того, что «тайна сия велика есть», не имеем права. Наступает нарушение твоих малых человеческих полномочий. Демоны бдят. Каюсь в словоблудии. Не следует поддаваться провокации «свободных умов», и больше ничего.

Насыщенность дней не спадает. Счас звонит Мила, пытаемся утрясти часы редсовета. Несколько на обочине что-то тема сия. Исчерпанность предмета? Неужто?

28

Вчера будто и не бывало. На самом деле горячий нервный был заботный день. Нынче слетала на юбилейный авторский вечер Кулешовой и на просмотр у Оболенского. Л. Кулешова учится грамотным тропам и аллитерациям. То есть даже есть блёстки, особенно когда про стихию воды. Два образа были хороши: а) про ненужность борьбы с тьмой, если зажжешь в ней свечу, б) про отрезанный ломоть хлеба (поэт) от Бога. Чуть топорно, но близко. Поддержали поэтессу ее студенты, один даже сыграл нечто из композитора по имени Польш. Мне за небольшую, но похвальную речь подарена новая книга — «Радость моя», кою тут же вручила обретавшейся в раздевалке Г.С. Петросовой, как неопитке от поэзии. У неё 6 числа выставка в зале искусств открывается, но я собираюсь отбыть далече, в край снежных рос и берез.

Бывает, на подобных сборищах *говорят слово*. Иные старперы банальны, нафталинно-приторны и — не по адресу. Очень страшат персоны из писательского официоза, монструозность и выпренность при отсутствии понятий и дубовой лексике. Аспиды парящие!

Из огня да в полымя. Являясь по адресу музея князя Леонидыча, поглощаешься особой сферой. Здесь тоже живет культурный дух. Как в музее Скрябина в Николо-Песковском, в музее Толстого в Хамовниках, у Марины в Борисоглебском... Дед Оболенский с живыми вращающимися, выпученными то ли от восторга жить, то ли от негодованья брэнностью экзистенции глазами со всех стен взирает на тебя — точно так, как он кидается на зрителя в каждом его фильме, изображая сия-

тельную особу. И наш современник, вступая в помещение его квартирки, становится чинным, тихим!

Посмотрели «Ностальгию». Искусство непереводаемо; для того, чтобы понять иноязыкую бытийственность, нужно сломать стенки между странами. Только не-выраженное никогда не забывается. Побуждение без понуждения. И, как венец, переключка с Марининым: «Есть на свете поважней дела страстных бурь и подвигов любовных».

Правда, напрягает эта вечно чавкающая нечистая — глинистая либо с липкими водорослями — жижа, как антитеза чистой воде, которой у Тарковского куда меньше. И акция самосожжения юродивого Доменико, осиротившего очередного собачьего друга, — также диссонанс. Это антикульминация, т.к. подтверждает безумство персонажа и неправоту безверия. Но это мое частное мнение.

Счас беседовали с ведущей поэтические встречи Л.Н. Авериной. Примерялись к теме в журнале: воспеть библиотекаря как личность и столп культуры. Тема сия осенила меня с осени, с моей юбилейной речью в честь Пушкинской библиотеки. Редакция согласилась. Следует тщательно продумать и прописать. Впрямую поставлен вопрос даты моего творческого вечера. Ой, прям не знай!..

Чего хочу, что смогу, встретив читателя? Позвоню-ко Риммушке с папой, Соколовым.

Пообсудили. На конец апреля решили, дескать, ближе ко дню народженья. Предлагает артистка наша Дом актера и Каменеу (ей на звание *народной* подали). А Римма у нас *занародная*. Хотела бы Торхова позвать, а он уже в Рязани — увы.

Да, вчера светлый миг был. Кафедра проходила в классе литературы, дак там красным по белому лозунг: «Уметь красиво говорить — искусство, красиво слушать — культура». Вроде так; но главное, что слова эти — Д.С. Лихачева.

В разговоре с библиографом сейчас я выразила надежду, что в дело Лихачева заступили его ученики, последователи, и что культура не объедена еще до костей... А еще вчера за окнами 314 класса тот мой каштан красовался...

На завтра штормовое предупреждение. *Невидимые* шторма сотрясают почище. Давление у земного шарика зашкаливает. Только елки сияют кое-где, а именно: на ул. Яблочкина в 5 этаже. Споки-споки!

29, пятница, скромница-опрятница

Опять насчет того ломтя от Бога.

От Иоанна 6:33, 48, 51, 57

Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру.

Я есмь хлеб жизни.

Я хлеб живой, спешший с небес, таков, что ядущий его не умрет.

Как послал Меня живой Отец, и Я живу Отцем: так и ядущий Меня жить будет Мною.

Здесь нужны или стихи великого поэта, или молчание.

.....

А Зюганов обещает матерям по 30 косых — «чтобы вырастить здорового ребенка», а Жирик — закрыть все границы, «чтобы ни один жулик не сбежал». Сейчас по ТВ вещали!

Все хотят перестроить сие блудилище. Дак не нами сказано же: Армагеддон. Куды там!

Ой, 10 марта. Ой, 11!

Но я вовсе не бездельничала. 2-го проголосовала и кинулась на вокзал. Далече, чуть не за 200 км от града сего дымного. В путешествии, что окончилось вчера, вернулась к жанру поэз, и честно сейчас сама себе доложу все приключения на озерах и в горах. Записная книжка, посеченная метелью, оку-

нутая в мангал, покусанная теплокровными лесными жителями, плавно переходит в комп.

[2 марта Восьмого года, Тургояк]

*Опять же, как ровно два года назад, —
корабль деревянный, домишко с мансардой
под кучами сосен: подобны петердам,
пучками разбрызнуты, в солнце горят.*

*Опять: ближе к сумеркам — ветреной юг,
в резвующий парус зефир надувает,
воланом сиреневым штормы взмывает,
волнам доверяет проворность фелюг.*

*Опять: огородам, сквозь кованный код,
кошачьей и птичьей тропой неторопкой
петляя в цветах, огибаешь коробку
приветного дома — и вот он, твой ход:*

*ни цепи-петли, ни скобы, ни крюка,
сплошное отпертых приветствие дверок!
И вот ты уже не жилец-недомерок
отпетога города, но — облака:*

*мотайся, скитайся по светлым полям
небес или в насыпях укореняйся:
ты дождь? — так деревьев-друзей не стесняйся,
бурли, став в них соком, по жилам гуляй!*

*Отныне ты слышишь, как ветви растут,
как корни участвуют в выгонке кроны;
отныне ты царь здесь, а не посторонний,
твоя вертикаль — нестраченный труд.*

Опять...

[3 марта]

Откровение

Только когда молчишь без единой мысли,
можешь звезды узреть, что с утра повисли,
чем-то прибитые, кем-то, к чему-то в эфире
(если пустеешь внутри как в новой квартире),
не замечаешь: здесь будущее или вечность,
не подменяешь небесное человеческим,
за отрешенной следишь в облацах лодкой,
ходишь будто плывешь — отставшей походкой,
и единичностию своей не гордишься —
только тогда Господу пригодишься.
Быть может.

[4 марта]

В начале марта гощу в поселке у Горного озера

Здесь по окнам цветут колокольцы
и собаки не лают — поют,
редко лик свой являет солнце,
но под пасмурным небом — уют.
На прибрежных окольных камнях
льдистый панцырь всего светлей.
Выдь из берега — ледное пенье
не забудешь до краюшка дней:
возгудает, стенает, зовет
под стопами твоими лед.
Над глубизнами донных вод
свет прозрачный достиг чернот.
Испугаешься, прянешь вспять,
от ледовья к земле: сто-ять!
Гальки, камушки да песок,
три сосны — твой земной лесок.
Вступишь только в свои следы.
Люди в городе. До воды.

Белое снежное молчание. Откуда же взялись птицы-синицы? Они танцуют и поют возле меня и сосен

Вот озеро, пригнуто гнетом
любвеобильнейших снегов.
Вот гор межоблачных зевота
для эха дальних берегов.
Вот тел древесных золоченых
полуокружье. Дюны. Дни
отрады птичек неученых —
считают, видно, что одни
они у Бога:
«День-день-день,
звень-звень-звень,
весновесть:
свет свит здесь!
Сосен сень,
дзень-дзень-дзень,
свисть-посвесть:
весь свет здесь!
цвень-цвень-цвень,
длинней день,
лету цвесть:
вейтесь здесь!»

На соседской крыше

Коты — женихи, капитаны,
заправские хваты, пань,
по кровлям, рыча, как там-тамь,
ступают, осанке верны.

А кошки, тощи и дурнушки,
меж ними ныряют, снуют,
чумазые моськи-суюшки
таращат, предчувствуя блуд.

*Но только красавец-котяра
к кощейке такой подвалит,
она ему око когтярит –
милей ей, видать, инвалид!*

*То по уху съездит, зараза,
то, стервь, процарапает нос.
А он, все прощая ей сразу,
кощёнку целует взасос.*

*У нас тут, в деревне озерной,
чуть март – уж на крышах парад:
кошачий оркестр с хором сборным
взрывает окрестный посад.*

*Вот так-то, друзья пионеры,
вам пенсий за песни – ни-ни!
Кошерные бросьте манеры!
Март месяц. Уж не времени!*

Дом отдыха отдыхает

*Насест для тех, кто бани ждет,
насест для тех, кто письма шлет,
для тех, кто хочет пить и есть, –
такой всеведущий насест:
ровненькие лавочки,
синенькие планочки...
Только вот пансионат
не ра-бо-та-ет!..*

«Тургояку» и его легендарному директору Е.В. Калягиной – по 86 лет

*Лизетта слезла. «Я дрейфую!» –
шутливо пожалилась мне.
Тотчас заварила траву ей,
ослабшей к наставшей весне.*

*У ней ордена и заслуги,
и дом – как флакон с резедой.
Коллеги, приятели, слуги
бегут к ней за всякой нуждой.
Того пусти в кухню, ту в баню,
дай сотню тому, этой – рупь.
Совет, наставленье, вниманье –
работает, как лесоруб.
И вот заболела с устатку.
Покой! всех я гнать собралась.
Но прется народ без оглядки:
«Маманя! пусти хоть на час!»*

Звонки проходят лишь на озере; отойди от берега шагов на пятьсот

1

*Закуталась и к озеру спустилась.
Там звезды, не похожи на себя,
с небес лохматых в луже отразились.
О, как прозрачна первая вода!
Едва-едва у бережка оттаяв,
лежит она, недвижна, но жива.
А я поспешно номер набираю –
из всех вселенных мне нужна Москва.*

2

*Представьте, на всем побережье
есть только один уголок,
откуда два раза – и реже! –
за сутки пробьется звонок:
мысочек для тальника в гальке,
лебедка, спасательный пост –
все в спячке, помимо рыбалки
для тех, кто еще не замерз.
Чернеет в снегах чей-то стульчик,
торчат рыбачки что пеньки.*

*А я с телефоном баульчик
тащу, чтоб расслышать звонки.*

[5 марта]

***В горном лесу, меж скальных ступеней и корней,
из-под пышных сугробов проглядывают палестинки
с зеленым мхом, с изумрудными травинками. Стеб-
ли брусники, подобные атласу, свежи и блистают,
как сокровище***

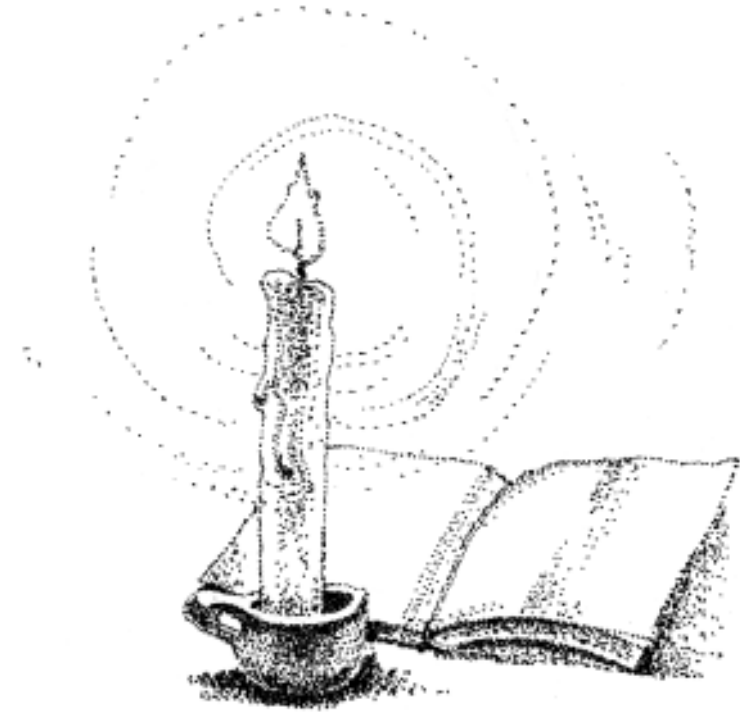
*И если дерево погладишь,
особо корень вековой,
услышишь: «ты со мной поладишь,
я, ангел леса, — также твой».
Снежающий, снежной, снежливый,
лес улыбается во сне
и скромно, но и горделиво
брусничный листик тянет мне.*

[6 марта]

Фотосессия в шторм

1

*Фейерверки, фонтаны, костры-вьюговихри
завывают и свищут, хвостами метут
час, и два, и полдня, хоть бы малость утихли!
Чу, слабеют! но прядают снова: «мы тут!»
С дальних плесов, со щучьих заимок, заливов
в белодымной воронке несутся снега.
Это март? Свет-весна? Упоительный климат:
пенноконной метели борзые бега.
Я визжу от восторга, пуржища гогочет,
рыбачков заметая, кто еще не утек.
Вон тикает один, перегнать вихрь хочет.
Счас! Еще один кадр и — я наутек!*

2

Наверно пальцы обморожу,
наверно лопнут башмаки.
Кто б видел эту фоторожу
у озера + у реки!
Впадает реченька в ледовье
Тургояка. Март месяц. Норд.
Упрямыство у меня коровье.
Хотя вокруг — ни лиц, ни морд.
Попрятались все твари мудро.
Снег ветром стал, стремглавит смурь.
Но я на озере все утро.
Премьера. Галерея бурь.

Сказ о двух Елизаветах. Из XIX века — в XXI

Лизавета Васильевна, душа,
ей еще девяноста-то нет,
белых духов озерных подружка,
свет лелеет и держит совет.
В директории ждут ее визы
и в лектории прима она,
но у старой волшебницы Лизы
тайна есть, да чего! — не одна.
Мрамор-камень лежит у калитки,
был давненько уловлен со дна:
катер, цепи, ныряльщики... Зыбкий
шрифт в воде — был прочитан. Одна
княжья дочь, Лизавета, в правленье
Николая (сын Павла) жила
инокиней, в укромном селенье,
и целительницей слыла.
К ней съезжались во скит староверы,
помогала — Господь, знать, был с ней.
Называет народ «Остров Веры»
ныне, с той поры, место сие.
Здесь не имя девицы, а дело
исповедников отражено.

Княжья дочь славить Бога хотела.
Имя Бог на все веры одно.
Вера старая не понимает
лет, из дат был означен лишь март.
Лизавета, что камнем владеет,
мыслит: «Косточки девы лежат
там на острове, среди мегалитов.
Ну, а камень — хотели спереть
в дни Советов. Ан — нет неумытым!
Вместе с лодкой: бултых в переверть!
Павла сын, Николай, балом правил
начиная с Сенатских времен.
Полтора ста лет? Двести? Кто справил
камень сей с начертаньем имен?..»
Быль с легендой сплелись, как два корня.
На экскурсию водят детей.
Лизавета, как мастер историй,
им — про клад из железных сетей,
как заказывала катер скорый
и как глыбу влекли из глубин,
волокли в дом ее, у которой
края нет, чтобы так был любим.
Старым, новым — священству писала,
собирала у древних людей
по крупице свои материалы:
на, народ, моим знаньем владей!
«Не просите мой камень, музеи!
кто со дна, так историю брал?
Жить в России — не быть ротозеем!
Пусть потомки услышат Урал!»

[7 марта]

Я наблюдала опыты огня
и снега также опыты следила.
Стегала вьюга, нежную, меня,
и пламя чадила, а метель кадила.
Я привалилась к розовой сосне,
она от бури будто не страдала —

*сокодвиженъе, бурное к весне,
большому дереву надежду дало:
не повернуть оглоблей холодам.
Не узурпируй власть, фонтан ледовый!
Мечись, огонь! Тебя задуть не дам.
Молчи, метель! Хозяин — март. Он дома.*

Разговор на заснеженном острове в метель с когда-то любимым мужем

*Ты поздно возлюбил меня.
Стихи мои живьем читаешь,
приехать к празднику мечтаешь —
подбросить в жизнь мою огня.
Ты припозднился, мой дружок.
Другие радости лелею:
люблю-то Боженькин лужок,
космью под Кассиопеей,
люблю укромны закутки,
и с роскошью заводи, и плавни,
земные травочки-цветки,
и ход ладей небесных плавный.*

*Ты уваженьем мне воздал,
мой милый, только опоздал.*

[8 марта]

Переезжаю на другие озера

*Гостья везде, ни о чем не тужу,
легок мой лёт-перескок.
Ведно словцо для пароля держу
я, навещунья лесков,
плесов поlynных, осок на песку,
просек с весной сон-травы.
Светом волхвуемым в дань лепестку
всех отпускаю тоску.*

[9—10 марта]

Как Митя и Стас потратили весь урок фортепиано на Историю Танго

*Мальчишки из класса творили мне прерии:
расцвел Вилла Лобос в гитарных ладах,
затем приоткрыли в Европу мы двери — и
историю танго вдыхали в садах.
Фонарными всхлипами брезжили воздуха,
пьянящие ритмы плескались у флейт,
фактура казалась пьяцолловы гвоздики,
ночь клуба звенела оркестром монет.
Публичная площадь сменялась кафешкою,
где пряно скулили у грусти зрачки,
однако, дабы за столами не мешкали,
Пьяцолла тоску постояльцев перчил
ципками струны да по деке прихлопами,
визгливым фрулато у флейты в верхах.
Всё бредило танцем. Но в стенку нам топали.
История Танго закончилась. Ах!..*

[10 марта]

Душа летит от города к озеру; в нем полмиллиарда тонн воды

*У сизых хребтов в междугорном котле
озерное плато лежит.
Ручьем ключевым, как в ожившем стекле,
шесть реченок с горок бежит.
Дожди и снега из небесной страны,
озерными водами став,
артериям артезианским верны,
радоновый держат устав.*

*Песков серебро и меж хвой янтари —
твои, Тургояк, алтари.*

14 марта

День перемежающейся хромоты светила-солнца.

Признаю лишь две аббревиатуры: *засрак* (или *засракуль*), что означает почетное звание, в том числе и мое, и *оснач* (что означает основной начальник и совпадает с фамилией моего ректора-богдыхана). Все, как всегда для гармонии, находится в переключке.

Вечер. Ошалеешь от звонков. Много заказал ректор (много хочет, мало получит), желающий на пятак — да чтоб с бархатом (старинный анекдот, потом расскажу). Договаривалась с газетами. Зачем жмотиться на многотиражку, не понимать своего престижа? А, банальная история. Утрясаются даты моих творческих вечеров. Как на заказ, звонят все библиотеки в один день. Приглашает Дом актера на 28, перед днем народенья. В библиотеке Пушкина выберем тоже на 2-ю половину апреля.

С Еленой Борисовной ходили по маркету, присматривали Коте подарок на новоселье и дату. Обнаружили очень красивые мебели из Марокко (?), какое-то неизвестное дерево. Стулья блаародные, столы разные, качалка недорого. Качалки хороши и наши, с гобеленовой обшивкой. Думаю и насчет блендера или хотя бы тостера.

Утром вчера, идя в Академию отдать подборку стихов для г. Екатеринбурга (*Катера*, как зовет его Майя Петровна Никулина, наша лучшая уральская поэтесса, в отличие от *Е-бурга*, как кличут его *нонешные*) и затем на встречу с ректором, кое-что вспоминала. Как поклонник мой Арнольдик Геллерт привел нас знакомиться с органом *изнутри*. Да, там оказался настоящий уютный домик! Но главное, что Котя, усаженный за мануалы, тут же заиграл, как будто он не отрок, небрежно посещающий музшколу, а настоящий органист. Видимо, дай ему литавры или арфу, произошло бы то же. Что отпущено, то проявится. Можно рассуждать и анализи-

ровать, а можно просто поражаться молча. Как и в раннем детстве мы поражались всем этим исписанным альбонам-тетрадам — и изрисованным!.. Да, эти детские архивы — много-томны.

18, день средней вредности, на телефонах

У уродов с поприща «интеллектуал по жизни» — общее выражение лица; они похожи, как одинаковые олигофрены с попорченным набором хромосом. Несколько таких экземпляров знавала, «и моя догадка подтвердилась», по Ахматовой. Один из означенных — Осетинский. Привелось с оным близехонько общнуться. Здесь не место для всесожжений, бумагу жалко. Какие мучения испытывали даже мы, друзья, за Полину, истязаемую папиной методикой для вундеркиндов! Как он трескал все предложенные блюда, а она давилась сохлым сыром и облезлыми яблочками. Зато когда заваливался спать, мы скармливали ей и курицу, и винегрет, и сласти, дежуря по цепочке: не проснется ли Синяя Борода? не кинется ли орать и отбирать нережимную пищу?! А ребенок бедный жуя воровато оглядывался, проглатывая человеческую еду. То есть это ли не подтверждение пагубности дрессуры?

Вопреки всему (для справедливости и *гармонии* все же скажу, что в какой-то степени и *благодаря* папашкиному фанатизму) в итоге слышим просто уникальную пианистку. Прибежали на ее Рахманинова в наш оперный. Дирижер был странный, но это, возможно, от неадекватности его чувств к такой молодой и такой зрелой музыкантше. Полина фантастически исполняет на рояле другого человека, автора. Собственно, она даже настаивает на этой своей особенности: «Стараюсь быть только проводником, т. е. играть так, как пишет композитор». — Об искусстве интерпретации всегда ведь много спорят.

19 марта, нашли конспект интервью с Полиной

Кто решится настаивать, что чудес не бывает? На бумажке с маминой записью стоит дата: 19 марта 2007, радио России. Интервью из-за границы. Ее программу называют «изящной». «Когда играет молодая выдающаяся пианистка Полина Осетинская, слышишь как будто поэта»... В разговоре о кульминациях: «В 22 года услышала арию в исполнении контртенора»... «Фильм «Жертвоприношение» Тарковского произвел огромное впечатление, как бы прошла перед взором вся моя жизнь»... О «Короле танго» Асторе Пьяццолле... Концерты в Америке, затем в Латвии, затем едет туда, где всегда светло, в белые ночи. Будет играть Шостаковича, о чем ее друг Аркадий сказал, что ее совсем не слышно, а слышно Шостаковича.

Такого насыщенного piano мне давно не приходилось слышать. Пожалуй, что и никогда! Гордясь школой Гольденвейзера, всегда помню, что мои учителя несколько постукивали, а Зетеля, курировавшего мои студии после отъезда Семена Кручина — моего педагога-любимчика, звали «заяц по барабану». Ривуся, царствие ей небесное, тоже отличалась откровенной динамикой. Кручин — выходец из школы Нейгауза, воспитанник Горностаевой, был моим просто ангелом пианизма. Но это счастье длилось чуть больше года. И досталась я на растерзанье кафедре Изи Зетеля. «Ишак Зусманович идет работать», говаривал он о себе. Задавались мне труднейшие опусы: крупная форма Мясковского, сонаты Скрябина, не игранные в Свердловске, und so weiter. Концерт Стравинского для рояля и ударных, к примеру.

Ой, да что вспоминать! все одно литература победила. Однако. «...Но если по дороге куст / Встает, особенно рябина...»

Полиночка стала прелестной и очень умной и очень сильной в творческих интенциях барышней; харизма — на весь

театр оперы и балета. Кое-что они с Рубиком обсудили после концерта в ночном городе, но передавать не возьмусь. Подарила ей наши новые книги, сфотографировались, теперь будем ждать ее книгу — мемуары в 30-ть!

Кабы не охранительный инстинкт лени, выражаясь терминами Элиота, и *мои мемуары* уже отягощали бы книжные полки.

Кстати, речь Элиота уместна и при отзыве о Полининой игре. Он писал о мелодии, потаенно скрытой в общей речи времени, и так характеризовал музыкальность поэзии. которая не должна быть оторвана от повседневного языка: «она должна потаенно присутствовать и в общей речи земли, откуда поэт родом». Так понимаю, что Элиот предлагает мне порешать эти проблемы, как специалисту по музыкальной культуре. Нота Бене. Хочется постоять в тени хорошего поэта, пусть и америкоса. Носителя Нобелевки.

Вечер. Полдня провела в милом салоне с Т. Бердниковой, И. Коломейской (у нее тоже юбилей на носу, в день Театра), и другими добрыми леди. Мы примеряли наряды, и я отобрала себе отличный кардиган, в цвете терракоты, с серебряными булавами, главное — универсальный. Хотя пришла починить текстильные Танины бусики, подаренные давно, но неизменно имеющие успех. Щедрый автор! в магазине такие вещицы идут за тыщу. В салоне мини-выставка Е. Щетинкиной, батиков самой хозяйки, авторской бижутерии. Так что иногда вспоминаем о себе любимых, и ставим пятерки за вкус.

Интересные кадры, увы, без аппарата. В горсаду киска очень вальяжная унеслась от пса, забралась на дерево липу, и там пребывала как птичка. Пищала, однако и грелась на уходящем солнце, уютно угнездываясь в сетке веток. Выше были только встревоженные невелички. Потом прибыла воруна, и чего-то громко распорядилась. После чего киска спу-

стилась ко мне по кудрям липы и дала себя снять. По дороге домой: у издательства «Энциклопедии» дежурила, как дура: какая-то служанка хлопала с сотого этажа коврики, один уронила прямо на крыльцо энциклопедистов, и мне пришлось караулить, пока она не привалит... У «Диеты» переживала за курчавого как будто пуделя, не привязанного, но с бляшкой. Он среди толпы, рискуя отдавлением лап и хвоста, терпел отсутствие хозяина, очень волнуясь. У дома грязелечебницы полная рябина свиристелей, уже обклеванная. Все-то витамины резвые хохлатики отыскивали в городе, хоть пригодился. У Александра Евгеньевича в Дневнике есть сценки, это живо. Там один мальчишка все плакал, а он учил его как мужчиной быть. Нота Бене. Спросить, каков нынче этот парнишка.

20 марта, любимый День Варенья

Рубик не любит праздновать его (Рожденье Варенья), то есть себя. Всегда дивлюсь на это. Это еще нам можно воздержаться, кто в годах зрелых... Все детство устраивали людные сабантуи с музыкой, игралищем; даже на полу, бывало-ча, приходилось чай накрывать, столько было гостей! Где-то и видеозаписи есть.

Но — приехал, попирожничали, попироговали. Хотя не смолкали телефоны, да и некоторый народ привалил, чисто инерционно. Поехал к себе с мешками подарков, часть из коих оставил нам вместе с цветами из лица. Хороший подарок будет от бультуры в виде премии *золотая лира*. Полдня шли переговоры с культурной администрацией на предмет посылки личных цифирей для оформляловки. 25-го обещались позвать на торжество. Жалко, что не академически-культурное место, а «Мегаполис» с оформлением как в подземном царстве. Запишу стишок.

*Джон Депп — большой-большой пират,
он седни к нам пришел
и говорит: «Привет! Виват!
я еле вас нашел!
Ведь кто-то рóдится у вас
в укор мне, подлецу,
хотя величье и ужас
ему, как мне, к лицу.
Разбойничать сумеет он,
авантюрист, как я;
не знаю про невест и жен
(в тени его семья!);
но друг он масок золотых,
приятель звонких лир,
незалливатель за кадык,
но спор и в тир, и в мир...
Джон Депп, герой, хочу сказать,
что тридцать два — ништяк
(ты моложава тоже, мать,
твой возраст тож пустяк!)
Пиров веселых и судеб
семейству пожелать
к вам приходил пиратский Депп:
сэр Рубик, так держать!*

Актер был действительно в одеяниях пирата и напугал даже моего ученика, чуть не подавившегося маминой капустной кулебякой.

Вышла моя статейка в «Панораме» про конкурсно-фестивальный бум в институте Чайковского. Жалко было б целковых отдавать, но купила проверить — не наврали ли помимо моих букв чего?

Как это там было, вроде у Ахмадулиной:

*Чтоб было жить не скучно,
нас радует порой
искусствочко, искусство,
ребеночек чужой.*

Намедни бежала со службы, посмотреть успеть про них фильму: 75 — Борису Мессереру. Хорошее кино с добрыми глазами. Нашелся на Беллу Ахатовну свой охотник, возится с ней уж три десятка лет. И друзья на подбор. А сам — первый инсталлятор на Руси. Хороший титул, да?

Звонит Сергей, просится к сыну на день рожденья. Советуемся. Примем эту родню на той неделе. Возможно, объединим их на приезд с Китаевыми.

21 марта, продолжение вереска из Аполлинера

Эссе о нем я назвала «Искатель новых смыслов, или «Меланхолический страж».

...В один прекрасный день августа 1911 года Париж, а вскоре и многие страны мира, были взбудоражены сенсационным известием: из Лувра похищен шедевр Леонардо да Винчи — знаменитая «Джоконда».

Единственным человеком, арестованным в связи с криминалистическими разборками, оказался поэт Гийом Аполлинер. И хотя меньше чем через полгода судебное дело было прекращено, а выпустили из тюрьмы поэта и вовсе через пять дней после ареста, происшествие это отпечаталось на его судьбе черной отметиной. Его родные считали себя опозоренными, здоровье его нервной системы было подорвано, а главное — пошатнулось и начало медленно сходить на нет самое великое чувство его жизни. Возлюбленная Гийома Мари не выдержала напора неблагоприятных обстоятельств и предала их любовь. Приличия света оказались важнее, а ведь еще недавно она мечтала о браке с Гийомом!

Роковые случаи — ох как любят они цеплять неординарных людей! В связи с кражей века был арестован друг и соратник поэта по эстетическим воззрениям — актуализации современного искусства — Пабло Пикассо. Парижские ажаны вынюхали следы их общего знакомого, выполнявшего

в качестве секретаря Аполлинера различные мелкие поручения. Он оказался обаятельным прохвостом, морочившим патрона и его газетное окружение. Жулик со стажем, он пристрастился красть в Лувре ценные статуэтки и продавать их. За гроши, разумеется, и в том числе — страстному коллекционеру Пикассо. Беспольны были просьбы и угрозы Аполлинера: дерзкий вор не желал возвращать похищенные статуэтки в музей. С ругательствами — «валлонскими, провансальскими, немецкими и еврейскими» — Гийом выгнал наглеца навсегда. Но, поскольку со своим воровским бизнесом аферист успел наследить в окружении Аполлинера и Пикассо, полиция вышла на них. Как перепугались эти двое — великие революционеры в искусстве! Они тряслись, как напроказившие школяры, ожидающие наказания. И вели себя смешно и непоследовательно. Чуть не утопили опасные фигурки в Сене! Путались на очной ставке! Им казалось, что они на самом деле преступники. Аполлинер, забыв, что он сам жертва, предается отчаянию. Он пишет стихи — Мари, матери, брату, моля их о прощении. Вообще ведет себя как на исповеди, раскаиваясь, быть может, в грехах прошлых и будущих. Не назвать ли уж нам чистилищем для поэтовой души ту его тюрьму, место грязное и темное с точки зрения плоти, но полезное для покаяний?..

Страшна и отвратительна была развернувшаяся травля в газетах: как и подобает, околотитературные склоки не замедлили забурлить в мутной воде кляуз из лагеря врагов: «Поляк Костровицкий во главе международной шайки похитителей произведений искусства!»

Поэт непричастен к преступлению. А по рождению он действительно поляк. Позже, уйдя добровольцем на фронт, он скажет: «Если бы я мог пожертвовать собой ради Польши, я готов, чтобы мной пользовались даже как канонирским кнутом. Мы — самая благородная и самая несчастная, но

также и самая энергичная нация в мире». Хотя в этой части его биографии несомненно имеются лакуны. Проще сказать, что поэт от рождения окружен ореолом таинственности и недосказанностей. Его мать, полька из хорошего рода Костровицких, в молодости была скандально известна. Хотя отец ее имел в Ватикане должность камергера, входя в самый знатный круг итальянской аристократии, девочка была в числе самых трудных воспитанниц монастырского пансиона в Риме. Монашки не без труда возвращают ее родителям, а те выводят в свет, желая выдать замуж. Любовь состоялась, однако без вожденного замужества. Анжелику с ее радостного согласия соблазняет и похищает известный Дон-Жуан из итальянской знати Франческо Флуджи д'Аспермон. Парочка ведет кочевую жизнь то в Италии, то во Франции. Двое их незаконнорожденных сыновей получают образование в монастырских школах Монако, Канн, Ниццы. По счастью, у них имеется покровитель — брат отца, церковный вельможа, фаворит папы Пия IX. Легенды созревают именно на этом фоне. Говорили, что Вильгельм Альбер Владимир Александр Аполлинарий — таково имя, данное поэту при крещении — то сын кардинала, то отпрыск монашеского принца. Подобные домыслы нравились Вильгельму-Гийому, они даже по-особому подготовили его будущую славу. Сам поэт никогда не оспаривал самых фантастических допусков о своих корнях, ему нравились тайны, мистификации, что подтвердит его будущее жизнотворчество — необычайное.

Знал бы, что гипотезы о его генеалогических приключениях, кочующие уже *после него*, распространяются на деда, сосланного в Сибирь и влюбившегося по возвращении в свою красавицу-дочь, и даже на происхождение поэта из рода Наполеона.

22 марта, и снова о Гийоме

Курортные города его детства и юности — средоточие игровых страстей, к чему склонна Анжелика. Она возвращается в Монако и Монте-Карло с завидной регулярностью каждый сезон, «словно беспокойная экзотическая птица». И выигрывает, иначе откуда же дом на широкую ногу в Везине, что недалеко от Парижа? Но в обществе крепко мнение: красивая авантюристка. Однако мать всю жизнь оставалась для поэта чем-то главным, неким мерилom и точкой отсчета, мы бы сказали даже — чем-то неприкосновенным. Хотя она с ним, уже зрелым мужчиной, обходилась как с несмышленищем, а, будучи грозной матерью, патронессой и хозяйкой, не стеснялась заправлять всеми чуть ли не с палкой в руках. «...Мы ходим друг на друга (...) из-за нашей гордости, только она неукротима, абсолютно неукротима, как это бывает лишь у женщин славянского происхождения (читай Достоевского) (...) ... Мать моя, сама не подозревая о том, — поэт, как и я, и многое написанное мной исходит от нее, от того, что она говорит, даже что думает», — так Гийом пишет об Анжелике в письме к одной из своих возлюбленных. Это не мешает матери *не знать сына как поэта*, потому не признавать за ним другого права, как только на любимое варенье, сваренное ею для него. Пролистав его книгу «Ересиарх и Ко», выдвинутую на Гонкуровскую премию, она отбросила «эту чушь»...

А Гийом становится красивым юношей, черты южанина выделяют его, особенно глаза, взгляд которых кое-кем позднее назван мексиканским. «Большая голова, профиль Цезаря, маленький пухлый рот и огромные глаза, темные, как сливы, сладкие и пронизательно лирические...» — вот портрет поэта более позднего времени. Он открыт всему окружающему, а главное — он везде желанный, жданный, свой. Он обожает свой Париж, пропитанный поклонением красо-

те и жаждой славы, давший миру столько гениев. Сын средиземноморского юга, он — пленник пейзажных красот, ландшафта и самого воздуха, насыщенного ветром и солью. Польским корням он обязан жилкой авантюризма, а еще тем, что называется фанабериями. Однако не даром сказано, что чем больше в человеке намешано кровей, тем он красивее и талантливее. Благодаря выдающемуся таланту Аполлинер становится предводителем парижского братства молодых художников-кубистов и поэтов-модернистов. Они собираются на Монмартре, на улице Равиньян, в доме, известном в литературных анналах как «прачечная на плоту», и спорят до одурения о новых путях в искусстве. Сам Гийом не однажды делает попытку открыть собственный журнал, но, по причинам финансовым, выходят лишь первые номера. Зато у него постоянные рубрики в лучших журналах, публикации в «Библиотек де Кюрьё», составление антологий... Первая поэтическая книга поэта именуется «Алкоголи. 1898—1913», и критикой она принята в штыки.

Но, что самое важное, — Аполлинер вырастает в поэта-новатора редкой силы и бесподобного лиризма.

*Срываю вереск. Осень мертва.
На земле — ты должна понять —
Мы не встретимся больше. Шуришит трава.
Аромат увядания. Осень мертва.
Но встречи я буду ждать.*

Кому из них, его возлюбленных, посвящены эти стихи? Нет, не дочке ресторатора в бельгийском городке, где он на каникулах. Влюбленный юнец посвящает красавице Мирейр отличный цикл стихов, ярко передающих, помимо романтического чувства, особые приметы места. Недаром девушка хранит эти стихи от «русского графа» до самой смерти.

И нет, не сестре приятеля Линде, хотя она тоже хороша, красотой одухотворенной, отчего поэт часто употребляет в обращении к ней в стихах слово *душа*.

Может быть, той самой Мари, которой не удалось дорости до его великодушия, щедрости, до его гения, его любви, наконец? Она никогда не стала бы известной, даже, возможно, не сделалась художницей, если бы не Гийом. Он не просто опекал и учил ее, он буквально создал ее, дал ей имя в искусстве: «делал» прессу, «проталкивал» ее работы на выставки. Он окружил ее своими уникальными друзьями, теми, каждое имя из которых теперь — художественная гордость Франции.

Их знакомство — одно из колдовских наитий в судьбе поэта. Скептик не поверит, но именно так случается. Прибежал Пикассо и просто сказал, что встретил для него невесту. Аполлинер рванул по означенному адресу и — влюбился. Позже, в книге «Убийство поэта» Гийом опишет роковую встречу, дав портрет Мари: «Лицо смуглое и детское, какое бывает у девушек, созданных причинять страдание. Ее обаяние, руки, которые тянутся к тебе, чтобы оттолкнуть (...) Это и уродство и красота; как все, что нам сейчас нравится». Оба они незаконно-рожденные. Как ни странно, это обстоятельство и не дает *добропорядочной* матери Мари признать Гийома. А в богемском клане друзей поэта Мари также принимают со скрипом, однако воля художественного главаря и всеобщего любимца — закон. Он везде появляется с ней: на выставках, празднествах, литературных сборищах и гуляниях, она его избранница и муза, и не смейте им перечить! Он называет ее «маленьким солнцем», считает, что она — это он сам в женском воплощении. И вот уже великий Дягилев заказывает ей — Мари Лорансен — костюмы и декорации к балету, хотя есть более стоящие кандидатуры даже из женщин-художниц.

22-бис, как у Булгакова, вечер

И всегда-везде: лидер и — аутсайдер. Нота Бене: к моему излюбленному мотиву дуализма. Саша Рубцов, по отзывам поклонниц, отпал от Челябинска, как засохший сучочек от ветки, или как болячка, освободившая организм. Нет, разумеется, *тропы* — чисто мои, передаю смысл интенций. Я с акцентом возражаю всем: но весна ведь всегда возвращается, и он, как птицы, прилетает: с улыбкой на весь город и солнечно-листвяными откликами на лбу. Русый ли, обесцвеченный ли, стриженный ли, обросший, или бритый. Друзей, как и родных, не выбирают. Они являются сами. Пусть оно так и остается: далекое имя — не на знамени, а, например, в книге, которая так сильно его восхитила, «эстетика в кубе!»), а у иных — на сердце.

23 марта, воскресенье

Но Аполлинер — может быть впервые за жизнь — счастлив. Его дом, недалеко от Пигаль, был уже «принят» богемской братией. Друзья, правда, поразились перемене в нем: он не разрешал им в своем жилище мусорить, а главное — садиться на кровать. Гийом — буржуа, чистоплюй, собственник!.. Но все смирились, ведь его слово непререкаемо. Как он обвораживает всех, какой он эрудит, остро слов! Он открывает новые имена в литературе и живописи, он приветствует и поддерживает начинающих, он не боится острой новизны в искусстве!.. Еще никто не именует его мэтром, но он — вожак, а титулы впереди.

Мари командует на литературных средах в его квартире, благодаря ее заботе ставшей уютной и гостеприимной. Но сама она здесь не живет. Убегает к маме, сохраняя имидж приличия. Аполлинер, как всегда, пишет: стихи, причем в большой доле эротического толка, предмета критических споров; фельетоны для газет, с множеством коих Аполлинер

сотрудничает все годы. В данное время это «Меркюр де Франс», «Ла фаланж».

Но огонь творческого горения порой заливают едкая горечь.

*Я с книжкой в руке бреду
По старым набережным Сены,
Несущей воды, как беду,
Как все страданья и измены.*

«Фланер обоих берегов» — название одной из его книг. У него и прозвище было — фланер, ведь мало кто знал Париж, как он. Любил площади, скверы, бульвары, удаленные от центра кварталы, особенно незнакомые. Обожал рыться в лавках старьевщиков, выискивая самые странные вещи. Антиквариат, эти консервы из прекрасного, влек его, быть может, как отживающий импрессионизм, который нельзя не любить, но место которого вот-вот займут идеи его друзей, ниспровергателей отживающих форм искусства. О, какие перевороты они задумывали еще тогда, в бытность нищей молодости на Монмартре! Поэты, художники, скульпторы — французы и эмигранты: Маркусси, Бранкузи, Модильяни, Дерен, Леже, Делоне... Затем Марке, Брак, Фриш, Вламинк... Не забудем Матисса... Они одеты, как рабочие, в холщовые рубашки и простые шапки. Им чужда поза, зато они культивируют спортивность. И все смотрят, как на лидера, на Аполлинера. Правда, он, следуя моде, покуривал опиум, что было таким же бытом, как вино и простой табак. Но кто не избежал в чреве Парижа столь доступных соблазнов. Главное, что ни поэт, ни его друг Пикассо не стали наркоманами. Они слишком умны, а в основании их познания — старое искусство. Да, а в моде фовизм, далее кубизм, и только снобизму в этом клане нет места. От тонкой лирики к грубому народному словцу — вот спектр пристрастий в словесности Аполлинера. Но почему-то «любовь стала стала дурной». Разве это — тот «гу-

манистический лиризм», который декларирует Гийом? Или потянуло сквозняком разрыва?..

Иногда любовники ... дерутся. Но его стихи Мари любит, переписывает. Она все еще радуется другу: как дитя, скачет и прыгает, носит с собой скакалку. Она весела, любит шутить. Поэт все еще счастлив. А завсегдатаи Монпарнас — «банда Пикассо» — переключиваются на Монпарнас — в «царство сумасшедших», в «Улей», гудящий голосами будущих богов. Их нынешний бог — первый поэт Парижа Аполлинер — знает, что современные лидеры искусства грядут, ибо есть уже самолеты, кино, авто и телефоны. Он знает: перевороту быть, а потому приветствует все новое. Недаром Аполлинер — автор программных теоретических опусов «Художники-кубисты», «Эстетические размышления»...

Не забудем, что, как многие в этой среде, поэт заинтересован кабалистикой, оккультными науками. Для написания фельетона он идет к гадалке и поражен ее даром провиденья. Еще сильнее он потрясен предсказанием общего всем новаторам приятеля Макса Жакоба, чью эстетическую платформу поэт принял на вооружение. По Жакобу выходило, что Мари покинет Францию в тяжелых обстоятельствах, а Гийом умрет, получив посмертную славу. Все так и случилось. Даже портрет «Человек-мишень», написанный до войны, указывал место раны на лбу Аполлинера, позднее бравое отвоевавшего свое.

Да, на войну 1914 года он пошел с гордым осознанием долга и верой в победу. Воевал геройски, как, впрочем, все, кто его окружали. Те, кто спал вместе на сырой земле, бесконечно закапывал трупы, подчас днями обходился без пищи и воды. Хоть, слава Богу, шоколад выручал. В артиллерии условия были куда ни шло, а вот в пехоте, куда его определили с повышением в чине, было тяжело. Там-то он и получил ранение осколком. Пуля пробила каску, вошла в голову

в нескольких миллиметрах от виска. Были госпиталь, операции, трепанация черепа. Поэт вынес все. Но он очень сдал в смысле здоровья. Зато гордился наградным — за отвагу — крестом. Тогда же, вскоре по демобилизации, он, желавший за Францию жизнь отдать, получает, наконец, французское гражданство.

Письма с войны, а их сотни, написанных сразу двум, как ему представлялось, любимым женщинам — светской львице Лу и милой Мадлен из Орана, это лирический дневник солдата. И это правдивая летопись военной жизни. Эти письма должны читать молодые люди — те, кто хочет стать честным и мужественным.

*Бессонный бой. Весна промокла до костей.
Дождь, ливень мертвых глаз не прекращает литься.
Ты скоро ль приплывешь в Итаку, Одиссей?
Спи на соломе, спи, пусть угрызенья снятся
И — как искусство — сон нас возбуждает сей.*

24, мой Аполлинер близок к эпилогу

Он был *свободен* уже за несколько лет до войны. Но сердце тосковало по Мари. «Ты на руки свои не смеешь поглядеть, а я готов был плакать, как бывало, — Заплакать над тобой, которую люблю, над тем, что так тебя безмерно испугало», — строки из поэмы «Зона», над которой Мари рыдала. Но она решила судьбу иначе: вышла замуж. Впрочем, удача ей так больше и не улыбнулась. Потеряв любовь, Гийом напоминает раненого зверя; ему нечем утешиться. Он *флагирует*, пишет на салфетках в кафешках, бражничает. Его «посещают внезапные приступы меланхолии». Приятель зовет в Англию — прокатиться. И, хотя до Лондона они не доплыли, путешествие приносит отраду. Гийом уже бывал на этих берегах, в районе Хайта, в период первой своей настоящей любви. Он вспоминает Анни Плейден: чувство к

ней сотворило из него зрелого поэта. Образы двух любимых женщин просветляют его думы легкой печалью. Отчего же они не смогли принять его любовь?

*Я собрал мое мужество и оглянулся назад:
Трупы дней устилают мой путь,
И я плачу над ними.*

Нежная, тихая Анни тогда была испугана его страстью, напором яростной бури, которою он мнился ей; она сбежала от его чувства в Америку. И вот, через 42 года после расставания, ее свидетельство: «Он был прав, говоря, что я не понимаю столь необычайного поэта. Я была слишком молода и слишком невинна, он не раз вызывал во мне страх(...) Те, кто знает его поэзию, должны быть благодарны мне, что я не вышла за него. Если бы я сделала это, как знать, может быть, такие стихи никогда бы не появились. Редко бывает, чтобы поэт создавал поэтический памятник своей жене, обычно это — достояние неразделенной любви». Ценное признание, как нам кажется.

Все его любимые — ответно или безответно — намного пережили его. А семья, его родные по крови, мистическим образом умерли буквально друг за другом, с разрывом в несколько месяцев, окружая своими кончинами его уход. Вслед за ним ушли мать, брат, отчим, как бы спеша встретиться, соединиться, ведь они слишком часто были разъединены, разбрасываемые жизнью по разным орбитам.

30 марта, батюшки-светы, сколь дней проболела...

Ура советскому кинематографу! Думала, это — нонешний Голливуд — такие съемки океана, пляжных песков, самолетика корявого и ребенка в сандалетах. Ан нет, 1958-го году образца «Последний дюйм», правда, по рассказу Олд-

риджа. Жалко, не с начала смотреть выпало. Но сильное, *беспонтовое*, мужественное кино. Уж не потому ли еще в наших поколениях, мобить, смелые, волевые пацаны встречались чаще? Хотя вот чо! вот и мой муженек Серега мог эту ленту вполне даже проходить, ему тогда как раз как герою — тринадцать было. И где результаты? Они налицо. На лице. Антигероем быть престижнее. Ну, вот и устроил на Каслинской выволочку выводку молодым фанатам неба!!! Ладно, меня там не было: подрались бы. Но потасовка духовной битвы состоялась. С выводами печальными, нелестными. Останется душа приبلудной, как и тело грешное, перекаати-поле, в поле-ветер-в ухе(гм-гм!)-дым.

Видать, человек свободу сам выбирает. Вернее, то, что он свободой кличет. Даже мои *ноты* жалости неуместны. А действия? — не берем в толк, какие можно бы предпринять.

Седни день варенья Верлена. Поздравила К.Р., а он в ответ — с днем легкой и пищевой промышленности. А в дни театра и людей от культуры глядели по ящику, как ему вручают «Золотую лиру». Н. Капитонова, главный библиотекарь детства, читала Юннину «Голубушку птичку», всех поздравлял мэр и еще другие действующие лица города. Подсчитали с мамой: золотой глобус, золотая маска, золотая книга, золотая лира — кабы все его награды в золоте натуральном, дак и о бедности бы забыть можно...! Ну, да сами звания блестят! Правда, про Лиру сказывают, что в значке и впрямь толика золота присутствует.

Седни опять парень мой потратил день на общественные забавы, снимался в шоу «индиго». Прямо времени жалко. Но, видать, раз назвался лицом общественным, так уж и полезай в корзинку.

А я честно болею, но не отдыхаю, а пишу статьи для основного начальства. Простыла, хотя всю зиму не раскисала. Сапоги сдохли, в туфли снег налезает, транспорт ждешь по

часу (к гражданам безлошадным государевы слуги глухи!), вот результат. Буханье, бессонница, выпоты, слабость — и только дух гуляет где хочет, все бы вытворял разны фразы.

Почитала отсюда фрагменты мужу Сереже, дак он чуть глаза не выронил от — чего? восторга? зависти? Я ему пообещала, что и его не обойду в дневничке-то! (Ибо он с претензией: на стенках — Волошин, да Жерар Филипп, да Кубрик, в дневнике — Пруст, да Рильке, да Аполлинер, а где же истинные герои жизни?!) В молодости прочитал из личного моего дневника кое-что не созвучное себе и — ну маме жаловаться (хорошо, если только моей), что Наташа его не любит. А потом доказывал, что у нас не любовь была, а дикая страсть. Унд зо вайтер.

Зо вайтера не будет, иду на ингаляцию с чесноком и спать.

С 30 на 31, постфактум о концерте Иры Якиревич

Котя увидал афишку: «Какая красивая!» Девочка стала барышней, но играет как взрослый музыкант. С сильным пониманием, внедрением в тонкости стиля. Она уже аспирантка Университета *Моцартеум* в Зальцбурге. Лауреат международных конкурсов. Учится в классе профессора Никола Фрисарди. Программу *замутила!*: Ля мажор Франца Шуберта минут на 35, Пятую Скрябина соч. 53 — 1 отделение. Аппассионата и «Мефисто-вальс» — 2-е. И на бис кое-что. Как я могла не сходить!, хоть уже раскашлялась, и мне все соседи по креслам совали пастилки. Есть такие музыканты, нечастые — тончайшие люди; Ирина — которое уже подтверждение приоритета семьи в воспитании искусством — да и вообще в воспитании человека!

Боже! ТВ *обскандаливается* все глубже. Глупже. Профанация профессионализма. Но что они хотят профанировать — даже неясно. Высочайший класс вокала и музглубин Гвердцитители на подиуме рядом с уродиками, вырожденцами. Зачем она пошла на эти антизвездные игры? Мама

утешает меня, что Тамара все равно будет на 1 месте, мол, это все игрища на публику квадратно-гнездового свойства. Но как же это ее с ее милым партнером с(т)ранное жюри уравнивает в счете с каким-то Гариком из публичной камеры! Вот триллер-то! Я даже плакала сейчас от досады за классику искусства! Не читала Тома классиков! «Остерегайся фамильярности с низкими». Ла Брюйер, должно быть. Попались на крючок масскульта. Что ли ваще ящик не включать? Дак как же это? а ежели *нас* покажут? Вот ярмарка тщеславия! стыдитесь, Натали!

31, больничный лист освобождает от общества, но не от себя

От звонков хотя бы относительно можно отделаться, выключив горсет, но проблемы всех остаются. Все звонят в дверь и в мобилки. Митька седни играет 2-й тур в Катере. Как я и хотела, в малом зале моей консерватории. Где мы всегда бились за пятерки на академконцертах — соло, дуэтом, в трио, квартетом и т. д. Малость его так-то отличный препод не считал. Сам в жюри не сидит, а свердловчане — каждый из жюри по два своих гавриков ташшит. Митя весьма чувствителен к распределению мест. Как и положено конкурсантам. Не видать ему ныне 1 места, а ведь после лауреатства 1 степени в Питере лиховатенько будет: от снижения!.. Ладно, подал бумаги на конкурс композиторов. Хотя тут поддержка у него и совсем слабая.

Все пережевываем явление *фатера* Сережи. Когда уже после смерти свекрови Терезы гостевала в их хате на Восточной, там мои письма были среди прочих складированы как раз у меня в изголовье. Глянула было, да так и оставила, ведь они поди что все о любви к ее сыну. Он в любовь не поверил, а сам нынче не любовью, чем-то другим озадачен. Мне сдается. Но сильно «кто стучится в двери к нам?»...

Когда вот так дарятся тебе часы и дни для отдыха в борьбе с лихоманкой, в свободной черепушке веют клочья разных материй. Кто такая Сильвана Пампанини, а? Точно знаю, можно отыскать в каталоге итальянского кино. Но из какого детства имя это пожаловало?

Почему-то весь год актуализирует себя рояль. Все время идешь к хорошим пианистам. Может, для замещения собственных концертов, давно не игранных?

Вот звонят от Мочаловых, зовут знакомиться с отроком Володей (11 лет) из Мексики. Ну, удивил. Хотя по записям давно понимала, что явление. Сыграл и сонату, и концерт Бетховена, ноктюрн Шопена (взрослее некуда) и даже Кампанеллу. Интересно и встретились. Я к столу семейному припоздала, захожу, подрыхлевшую М.П. целую и говорю, что сейчас придумала, как ей имя: Ангелуша! Тут он отодвигает свой стул, вылезает из-за стола, идет ко мне, обнимает-целует, глаза как звезды, и все существо — улыбка. Впервые увидел снег, катался на лыжах, валялся, с горки съезжал всем лицом, и сказал наконец: «Ну, вот, теперь можно и умирать». Это только что отыграв в Москве 2 тура конкурса, попав в Программу Спивакова и взятый в класс Кирой Шашкиной, учительницей самого М. Плетнева!

1 апреля, всем-превсем поверю

Что-то подозрительно: не исправляется ли моя мизантропия на филантропию? Левый будет перекосяк.

И, модулируя: если редсовет не примет к печати мою Пиаф, уйду из журнала. Право слово. Надоели вампиры, пустомели. Журналистика (а они мне все навешивают ярлык *журналист*) и вообще-то *пустое*, а уж приторно-паточная, в которую невольно погружаешься с нашей *концепцией*, не греет, сдается, даже хвалимых. Пойду на вольные хлеба, уйду в стихи. А журналист — вон Сергей Гржебинский, он с

дипломом. Заведовал отделом культуры в «Чел. рабочем» в наши с ним розовые времена.

Нота Бене. А много удач в жизни. Дети и даже коты такие даются, каких ждешь.

Невинно разыгрывали седни с матушкой Мирой простаков. Что будто шарик за их окном болтается с приветом от нас и надписью «1 апреля». Коте придумали байку, что будто к нему едет дама с ребенком. Он сразу раскусил. А тут и взаправду. Звонит Лёха из Катера и просит усыновить его воспитанника из интерната. То прописать от армии просили, теперь — эвона. Задумался. Может, это небесные проверки со звоночками от?.. Вышла за газетой: вместо статьи — клочки. Вот как с начальниками из прессы договариваться! Переделала статью — и в другую СМЮ отправила. По пути и «Литературку» купила, а там подвал о выходе книги Поли Осетинской — «Прощай, грусть». Надо найти. Закончила статью о Т. И. Сельвинской. Разошлася тама нащет ея поэцких экзерсисов. Да и про живопись прошамкала нечто. Спасибо сыну, не бросает меня с отправкой матерьялов по «мылу». Теперь еще емуль с портретом ослика прибавился.

Информация: в совет Кремлю по искусству попал и Плетнев, и Миронов, но главное — Мацуйка мой любимый! А там и Башмет, и Табак, и Федосеев, и Гергиев, и Сокуров, и Михалков. Макаревич, Темирканов, Тухманов, Юдашкин. Это знать? Это свет? Это то, что радует!

Порадовал художник Женя Вешниветский, автор иллюстраций к моей книге «Тропую трав». Наконец, забрала на почте его письмо. Отличное фото, скрестившее озеро Чебаркуль и сосновый полуостров. Было это 9 марта на Кисегаче. Лепестки багровых хризантем так и посыпались из конверта...

Книжка наша вышла в Доме-музее Марины Цветаевой, что в Борисоглебском. Марина стала жить в этом доме в

1914 году, в период своего *триумфального счастья* с Сережей Эфроном. Она написала здесь лучшее из созданного в России. Она делилась радостью с сестрой Асей, нашей Асенькой: «Вот это будет Мой дом! Это тебе понравится, знаю! Все комнаты — сами по себе, понимаешь? Это сборище комнат, это не квартира совсем! Как будто — часть замка». Сейчас этот музей — лучшее из того, что может представлять этот жанр. В детской теперь шкафы из Асиной квартиры живут. На рояле мне разрешают играть. Ведь там командует лучший экскурсовод Москвы Галя Данильева, поэтесса и наш друг.

Порадовал и Митька Чернов. 1 место! а я-то, болезная, сумлевалась. И все дороги ведут из Катера. Как одна баушка сказала про то, что такое человек хороший: пешим от Бога к нам пришел. Как-то в этом роде.

Встретила керамщицу Катю Пензину, что-то у ней толлку критицкого по Аркаиму есть. А, да ведь она тамошняя старожилка, а тут неофиты балет сочиняют!..

Направила звонивших и ругающихся на звук в балете в зале Прокофьева Гудкову и Кипиани к директору филармонии. Все думают, что раз я мама драматурга, значит, имею ключи от замыслов композитора по разросшемуся f партитуре. А я отроду клюшницей не бывала.

*До свиданья, сад-сад,
все деревья спят-спят,
и мы тоже спать пойдем,
только песенку споем.
Старый серый слон-слон
видел страшный сон-сон,
будто мышка у реки
разорвал его в клочки.
А девочкам, динь-дон,
пусть приснится сон-сон,
полный красненьких цветков*

*и зелененьких жучков
и т. д.*

Мне пели «девочкам», Коте — «мальчикам»; которое поколение засыпает у нас под эту сказку?..

2 апреля

Ага, у Рубика на фото летом полдюжины молодых уток в пруду Павловска. А у меня сдны на слайд-показе — в одном дворике дюжина молоденьких воронят. Такие же важные, как родители, только тельцем похрупче, а головушки тяжелые. А окрасом в соседних голубей. Статья не вышла. Хорошо бы плюнуть на все и торжествовать. Да вот плюнуть-то не в кого, начальник мой далеко. «Золотая маска» отсматривает своих кандидатов, 8 числа московская премьера Котиной «Силиконовой дуры». Nota Bene: больше всего люблю из поездов от него SMS-ки типа: «Mam, ty genialna! Smotrim s Altuhovymi i Marinoi tvoi foto iz Turgoyaka. Nado tebe na prezentaciju Dnevnika delat' vystavku. Olya zamiraet ot vostorga i hoshet na Ural! N. otдыхает i nervno kurit :-)». Или: «У нас чудесная жара, прозрачный колокольный воздух. Купался в речке. Целую». Или: «Офигенный успех! Вызывали 5 раз, читал на бис (больше никто), вся профессура отжималась!». Или: «2 номинации у нас — лучший режиссер и лучший дирижер». Или: «Храни Миру для мира. Мира вам».

3 апреля, дома припекает, на улке ветры вдоль домов

Сварили курочку, уже (идет пост) без силенок. Вчера врач: астеническое состояние, хорошо хоть с кровати прыгиваете! А всегда так после болезни — упадок сил надолго. Какой-то организм невоинственный.

Один доброхот дал список для моего личного спасенья.

1. Главное в человеке — чувство меры; 2. Умей расставить

приоритеты; 3. Философский подход к жизни: делать только самое необходимое. И ни один пункт мне не подходит.

4 число, второй весенний месяц в *человечнике*

Первую учительку музыки звали Аврелия Васильевна. Их две сестры было в челябинском пианизме: она и Генриетта. Билевские. Так и представляю ихнего батюшку, в пролетарском городе назвавшего дочерей по-праевропейски и отдавшего их на воспитанье музыкой.

Вторая учителька была Ирина Станиславовна, до замужества Белявская. Она декларировала привитие нам всех фортепьянных навыков, кроме подбора по слуху (без чего становишься в пианизме академистом-калекой!). Она же позже признавалась: чтобы добиться успеха у ученика, нужно прежде всего *влюбить* его в себя. Не советовала идти в преподаватели — «поседеешь, облысеешь». Была иронична, саркастична; Ревекка подсунула (?) как-то ее на меня характеристику для поступления в училище: среди прочего, вполне лестного, сказано было, что я «инициативна, что не всегда к месту». Мною сей пассаж воспринялся как предательство. Однажды перед школьным конкурсом этюдов одна ее конкурентка по профессии зазвала меня в свой класс и ласково попросила сыграть эти этюды. Я расстаралась, жалко что ли? То ли сама тут же *своей* призналась, то ли кто донес (чужой класс был за углом длинного коридора, И.С. сама вряд ли услышала мою виртуозную игру), а только поскакала И.С. к Софье Бориссне Фишбейн и закатила скандал. Да-с! И мне перепало. А разве в 10 лет у невинного чела могли даже начаться формироваться зачатки опыта в подобном? разве преступление — сыграть вот так хорошо, да в виду своих товарищей?! Однако здесь ищи зачатки нарушения авторского права, с коими сталкиваешься ныне на каждом шагу. С.Б. Фишбейн была весьма усатая-дородная дама, известная

не только тем, что она *рыбья нога* (зане такого в природе нету, то здесь была для мя и умора, и жалость), но и тем, что однажды так зевнула на уроке фортепиано, что вывихнула челюсть и увезена была на «Скорой». Честолюбие же И.С. распространялось даже на наш внешний вид. Однажды с дневного академического концерта я погнана была домой переодеться: «...И в этой *кофте* ты собираешься выходить к роялю в зале?!» Уж не знаю, что я нашла дома переодеть (видимо, семья была не в курсе концерта и мне не выгладили достойного платья; впрочем, бедность была до того честная, что платье если и было, то — одно), но заигралась с кошкой и вообще на выступление опоздала. Так и надо Вам, учительница! ведь от этой беготни, помню чуть не полвека, ревмокардитящее разболелось сердце. Нагрузки были непомерные, потому и разгружала себя то катком, то побегам в кино. Нота Бене. Да, уже в десять можно предпринимать свою организацию труда и судьбы.

А уж эти мои конькобежные утехы стоят отдельной главы.

Вечер. Впервые слушала такую интерпретацию 2 концерта. Рахманинов с такими перебоями в сердце! Играл очень милый человек, скромник, А. Мельников. Сговорились с дирижером Теодором, бесноватым от музыки в духе Гофмана, и сделали умопомрачительную вещь. Тут надо думать. Написана вещь тоже странно, посвящена психиатру по фамилии Даль.

5, суббота, поминовение усопших

В одном из первых своих писем Асенька Цветаева написала в ответ на мой вопрос: «Марина *любила* Рахманинова». У меня тогда от Рахманинова задыханье было, как вчера. А он их, Цветаевых, всего на тридцатку старше. Там они все, гении, рядышком произрастали. И поздние посещения Марины дома Скрябиных — о том же. Они ходили из пер. Борисог-

лебского через (по-нашему) Новый Арбат в пер. Николо-Песковский: Марина с Ариадной к — Марине с Ариадной...

Живешь вот так на разные времена раскиданно...

У тракторозаводских граждан было целых три сестры Фишбейн. С дочкой Аллы Бориссны я даже дружила одно время. Она копила дефицитные книги, иногда дарила их мне, а за юмор мой лобзала мои плечи прямо в свитере и пальто, не уставая ржать (вместе с матушкой) до икоты. Потом она увлеклась разведением кошек. Семейство даровитое. Не забуду, как в доме отдыха зашла днем в зал позаниматься, а там их батюшка играл этюд Шопена, привставая изредка из-за клавишей и кусая шмат колбасы. Будет время, опишу их интересное гнездо объемнее.

Что до первых учительш музыки, то у Коти была Майя Андреевна Белова, из деревни Магнитогорск, но окончившая Ленинградскую консерваторию. Она, уже сама мэтр фортепьянного обучения, до седых волос *боялась* своего Бориса Михайловича Белицкого. Которого я *не боялась* (видимо, не быв его ученицей) и всячески ей этот факт демонстрировала. Брала его под ручку, ходила в кабинет за житейскими советами. Он называл меня «умной» и отпустил учиться в Литинститут. Оплачивал сессии. Вот всякие же директора бывают! собственно, он и в училище меня перетянул из филармонии. Там я ездила по концертам, здесь осела преподавать: с грудным ребеночком не помотаешься по областным точкам с дырявыми пианинками...

Так вот М.А. Белова Коте-шестилетке дарила цветы! Просто не знаю, как сие объяснить. Глаза разевала на его стихи и афоризмы и платила букетами. Такова роль личности в истории личных становлений художников.

Юнна же чуть ранее писала: «Пришли мне свою фотографию, я буду на нее смотреть». Как не довериться такому пассажи. Да, и они слали с поездами лекарства, которые

достать можно было только через больницы, через ее приятелей-врачей. Много помогали. Одежда до сих пор не вся сношена... Хорошо, письма хранятся. Правда, там все очень субъективно. Но на что иначе творческий дар?!

Надеюсь, все эти первые училки живы. Хотя Сельвинская вот уже дважды при встречах на нашей земле вставляла реплику, что Мориц уж и на свете нет. Ее папа держал Юнну в семинаре, и что-то, видать, там не совсем совпало. Ведь студентка была с характерцем и склонностью к склокам. Ибо великая индивидуальность не помещается в малом теле и в малоэтажном доме Герцена.

А лучше всех Д.С. Лихачев. Он и Андрея Белого чудного спас от литневед, объявив его косноязычие — языком пророка. «А время, испуганный заяц, — бежало в передней». Да, и еще Время у Белого — кашляет как живое. А умер он от *солнечных стрел*? И... Волошин? (...)

С 5 на 6 апрелия, похолодание, ветер срывает выветривающиеся одеялки

Были ребята. Принесли фруктов, моркови и закусок. Поужинали мирно. Почему-то К.Р. отплеивается от дрызг Полины с отцом, смакуемых в ТВ. Но ведь полезно знать правду — того и другого. Тем более, что книга активно презентуется в Москве. Может, Поля решила таким образом попиариться? Счас звонит Генриэтта Денисова, зовет на юбилей и сообщает, что все перхают, т. к. опять была вонючая авария. Что и Зайцева валяется, и все-все певцы, и ее семья. Не представляю, как через два дня буду выступать в библиотеке, сил еще мало. Но Диляра взялась помогать. «Ты настоящий друг с плечом вместо подставки», — с пафосом сказала я ей.

Итого, три мои статьи о конкурсах в Институте. Скушно. Только творчеством (однако, не журналистикой!) можно привести себя в чувство. За то и награда, в великом упреж-

дении милого с детства, с «Рыжика», Жюля Ренара: «Плачь, но берегись, чтобы хоть одна твоя слеза скатилась по острию пера и примешалась к чернилам».

6 апреля, перед Благовещением

Земля никак не может очиститься от скверн людских, *человечник* весьма смердит. Такой грязи — кульков, бумагонок, мешков, окурков, шприцов, тряпья, всего выброса человеческого — похоже, еще не бывало. Не одна я, пессимистка, замечаю. То ли дворники не роят, то ли народ загажен-провонял. Говорят, мусор из окна нынче выбрасывают. А чины призывают к субботнику. Видят соринку из выброса. *Выброс* глобально не замечают.

А не дать ли места иронии? «Благодаря чернильнице, которую он держал в руках, как будто что-то записывал, он мог быть сочтён поэтом» (Итало Кальвино).

Но ни за что не дам места автору, самонадеянно выступившему с заявкой, что поэту есть синоним: Бог. Не подписываюсь. Антиподпись бывает? — ставлю. Наташа против того, чтобы любой, даже самый развеликий поэт, мог поименоваться Богом. И даже просто — богом.

Люди выйдут прибираться территории хотя бы вокруг своих контор. Уже и начали. И земля очистится. И можно будет раздышаться. Дай, господи!

«...И Научи меня верить, надеяться, терпеть, прощать и любить».

9 числа какого-то юбилейного месяца

Главное впечатление — вчерашний мой бенефис перед сотнею школьников. Разве это возможно? — полтора часа вкушали мои стихи, думали, закидали вопросами — да! в очередь! на все так и не успела ответить! А ведь Ленинский, привычно бандитский по понятиям район. Один класс был с

Сельмаша. Видимо, это особенная глубинка, с таким придыханьем сообщила эту весть заведующая библиотекой. Как сказал счастливый Вова из Мексики, навалавшись недавно в снегу, впервые увиденном: «Теперь и помирать можно!» Как мы недооцениваем ребят. 10—11 классы с большими глазами слушают стихи зрелой дамы, им интересно, они хотят еще. Остолбеневаю.

Счастье дарить такой аудитории творчество. Ну, и библиотечники расстарались: моя выставка, биография, библиография, поздравления, цветы, даже гонорар!

Другое дело — контора, где работаешь. Все используют твои данные, твой бренд, мозги, но делают вид, что это норма. Как бы будто бы я им — должна, а мое перо — их собственность. А когда что-то для меня сделать — унизиться, мадам!

Ведутся разговоры вокруг юбилейничанья. Торможу. Только тот смысл, что стихи почитать. Оттого и соглашусь. Дом актера дают на любой день. Там и стряпуха есть. Римма Павловна велит народ кормить. Пирог — это неплохо. Алкоголей не желаю.

11, Глебы из Москвы присылают собственноручные крошки-книжки избранного А. И. Цветаевой

Ася снова в Тарусе. Идет тропами детства, через полвека. «Грусть в самих костях. Иду, прислушиваясь к себе как тяжело-больной (там — к телу, тут — душе). Изучаю пристально, через рассеянность, ее остатки. Проверяю какие-то градусы одиночества, увяданья — безразличья? Я ступаю по клавишам — подумайте, поют ещё! — боли. Иду царством детства — тут с мамой, идя от Добротворских домой в свое лесное гнездо, пили воду, источнику подставив ладонь, искали камни — с кристаллами. Нет, не старчески-медленным, замедленно-призрачным шагом. С того света! Легко иду — призраки легко ходят. А в старинной шарманке груди — ноктюрн? похоронный марш? В летний полдень! Лунные сона-

ты воспоминаний, слившихся в волчий вой, беззвучный. Совершенно неслышно вою. Ибо — кому повем?»

А ведь это — 1967. Ей всего 73. Куда позже написаны хиты «Мне 80 лет, еще легка походка» и «Мне 90...» Жила до ста почти. Моя бабушка, бывшая с ней в переписке, почти до 102-х. Бабушкины письма тоже красивые. Асино, дальше: «Шаг — как музыка: удаление от оставляемого позади, приближение к сверканью пестрых в осеннем полдне плавящихся садов...»

12 апреля, вспоминаю Переделкино, где гостили Ася с Фили

Мы приехали туда и пошли искать их в лесной сад. И вдруг слышим от купины кустов: «Наташка! Котик!» — они, с поплохевшими глазками-ушками, первыми заметили нас. Как мы гостили у них! Как угощались деликатесами в писательской столовой, читали друг другу новые опусы. Нас знакомили с литераторами, например, с чуть живой авторшей «На берегах Невы» и «На берегах Сены» Одоевцевой. Евгения Филипповна (по-котиному, «Фили») читает новые стихи. И у нее, и у Анастасии Ивановны есть стихи про муху. Я буду просто толстокожим бегемотом, если не приведу их здесь. Ибо они не изданы.

*Когда муха жужжит — мне всегда вспоминается детство,
За кустом бузины — ослепительно жаркий июль,
И замшелая кадка с водою, с жасминным кустом по соседству,
А за ветками — Окская тишь, неподвижный на ялике руль...
Сколько мух отжужжало с тех пор, сколько солнечных дней*

отгорело. —

*Всё я вижу широких, шуришащих, шершавых орешников тень.
Свищут птицы. Как птице, легко моему шестилетнему телу,
Как ступням от песка горячо, как уютно поникнул плетень...*

*Жизнь пройдет, как тот час, и ко внукам моим по наследству
Перейдут и жара, и июль, и замшелый, как я, плетень...*

*— Отчего, когда муха жужжит, так всегда вспоминается
детство? —*

*Скажут внуки в какой-нибудь БУДУЩИЙ —
МНЕ УЖ НЕБЫВШИЙ ДЕНЬ.*

Да, Анастасия распорядилась текстом, как собственным носовым платком. Они обе очень смелые, дерзкие — обе сестры Цветаевы. А ушла от всех Асенька незаметно. Всё казалось, что и она, и Бабушка будут всегда, ведь так дивно *затлилось* их земное пребывание...

13, если бы только числа скакали как блохи, а то ведь время жизни улетывает!

Событий много, как всегда весной. Открыли вчера пленум композиторов при фестивале «Панорама музыки России». Достойно показывается наше отделение союза композиторов, во многом за счет исполнителей, хора Михальченко. Если честно, то пять таких вечеров обменяла бы на один — классику. Днем ходили на концерт Рубика с ансамблем «Лирика». Вот это и нужно для души! Интересно слышать со всех сторон, как зрители переговариваются, делясь информацией: кто-где-когда его слушал, на каких программах и в каком зале. Ну, и впечатления сиюминутные. Люди смешные: бают шепотом, но так, чтобы мы слышали! Прямо хвалить — стесняются, видать. Люди рождаются хорошими, но этого стесняются. Это как верить в Бога, но не доверять ему.

Да, а стихи про муху Евгении Филипповны Куниной начинались так:

*Засыпает на зиму медведь.
Засыпает маленькая муха.
Вот и я усну. Не страшно: смерть —
Это сон для тела, не для духа.*

Пишу по памяти, может, перевирая. Ее книга, вышедшая при содействии Фонда семьи Цветаевых и Леви-фонда, застала ее на земле. Вот ее подпись: «Родным Наташе и Котику от Фили! С сердечным пожеланием здоровья и дальнейших успехов. 7.01.95. Евгения Кунина». Было много хлопот об этой книге Асеньки, автора предисловия, писавшей между прочим: «Дружбе нашей, начавшейся с первой встречи, исполнится — если я поживу еще немного, — серебряное двадцатипятилетие. Мы встретились в старости, но нет сомнения, что встретиться мы на столько же лет ранее, — цвет серебряный мог бы смениться на золотой». Но Асенька ушла от нас 5 сентября 1993 года. А книга вышла в июле 94-го. О моем общении с Вл. Леви расскажу позже.

15 апреля, запись в календаре про преподобного Тита чудотворца, мучеников Амфиана и Едесия и мученика Поликарпа

А блаженная Матронушка слепая, еще девочкой, взяла куриное перо, общипала, сказав, что так обдерут царя-батюшку. Так что наши недовольства и помехи — слабое отражение тех судеб. Когда отец в ссылке писал в дневнике «дивный день», а наследник грустил и жаловался на скуку смертную, то Александра Федоровна желала умереть лишь в России: «ведь у меня нет другой Родины...». Так всерастворилась и таким была солнцем для чудного потерянного Мужа. Надо канонизировать каждый их известный шаг и поступок тех последних времен. «Молчи, молчи, — старец Нектарий, — наступает век молчания». Когда мне возражают, что много и других смертников невинных было, я очень скорблю. Но то событие, из-за которого, мне сдается, мы до сей поры глубоко в спине, просто портрет зла во весь рост. Метроном зла. Камертон зла. О! *эталон!*

А мы еще дрыгаемся. Подлый, подлый, неблагодарный род человекский.

На днях цвел в моих руках сиреневый гиацинт. Что же для сердца — в этих друзьях аметиста, в цветках сирени? — Фиолетовое очищающее пламя? Или память о прошлом — посередь цветных клумб? О розе Борхеса вспомнить. О violaх в еще не обновившихся кустиках травы. Прошлогодня холодная весна в санатории. Озеро, отошедшее ото льда. Смиренная, но нарядная часовенка на берегу Елового. Службы, нарушающие режим, но со страстью ожидаемые. Коты. Сиамец Маркиз, двойник моего собственного. Жив ли? Говорят, опять там кошек *выводили*. Цикл стихов оттелева выбег на свет. Дождется своей книги!

Пойду счас в Органный зал на дневные часы Пленума. Вчера хороша была симфония Алана Кузьмина. И смешной ф-ный концерт В. Казенина. Мы с ним у Зетеля по 1 году учились, а счас он председатель Союза композиторов России. Пианистка у него — высший класс, ученица Рошиной. И она, и он — квадратные пузыри такие. Приехал и Веккер, седни обещал принести диск с нашими с ним «Драй-хундерами». Виделись с Нименским. Лена Поплянова познакомилась со своим учителем из Питера Рогалевым. Все несколько *курикатурного* вида. Мадам заправская когданибудь доведет меня до ручки... сортира, где можно замочить ее плебейство. Сделала же я доброе дело, обеспечила программками министра и журналиста-театроведа Спешкова.

А что с погодями, а? Лето было рассвело, до 23 градусов. А вчера зубами стучали. Пришлось забегать по пути за вторыми панталонами! Зато после уроков и перед концертом в зале Прокофьева позволила себе *Антанию* с баклажаном и восточной сладью.

Ладно, иду слушать орган и рояль.

16. Апрель на вторую половину перевалил, а студено как в декабре

Интересный анализ попался давеча. Антагонист пытается обмануть свою жертву, чтобы овладеть ею или ее имуществом. Для построения подвоха антагонист или вредитель принимает чужой облик. Змей обращается золотой козой, прекрасным юношей. Ведьма прикидывается «сердечной старушкой». Как и волк в сказке про козлят, она подражает голосу матери. Поп одевает козлиную шкуру. Воронка прикидывается нищей.

Функция: Вредитель действует путем уговоров: ведьма предлагает принять колечко, кума предлагает попариться, ведьма предлагает снять платье, выкупаться в пруду.

Антагонист-вредитель действует и непосредственным применением волшебных средств. Мачеха дает пасынку отравленные лепешки. Она втыкает в его одежду волшебную булавку. Применяются и средства обмана или насилия. Злые сестры уставляют окно, через которое должен прилететь Финист, ножами и остриями. Змей перекладывает стружки, указывающие девушке дорогу к братьям.

Жертва поддается обману и тем невольно помогает врагу.

Текстик, мною подретушированный, так вяжется с дурдомом бытия!

Закончились бдения по поводу современной музыки. Пообщались вволю. Музыка есть очень плохая, вредная. Некие опусы для органа звучат как бормашина, удесятеренная в forte. Говорю Казенину: «Вы зачем его привезли?» — «Да он сам везде лезет!».

Был хороший спектакль «Аркаим», только много дыма нагнали. Хорош был и ужин! С куриными шашлычками в жаровне над синим пламенем. Обслуга и стол на высоком тоне. Тосты, высказывания. Министр обалдел от смс-сообщения, что Костин спектакль опять Золотую маску взял по

двум номинациям. Это объявили за парадным столом. Звонят, поздравляют.

17 число, некоторый люфт в череде событий

Сейчас вроде окончательно сговорились с Пушкинской библиотекой о проведении моего авторского вечера (с семьей, а как же: ГОД СЕМЬИ!) аж 29 апреля — тойсь, в самую кое-какую годовщину существования некоторых поэтесс. Вчера насмешила композитор Поплянова, знакомя со своим учителем. «Это поэт Рубинская». А я, как всегда, поправляю: поэтесса. Она: «Зачем себя унижать этим суффиксом! Вон и Мориц туда же, зовет себя «поэткой». Вы, дамы, не правы!» Пусть неправы, но, как дамы, имеем право быть в своем праве. Ой!

18, вроде бы весна опомнилась, солнце жарит, но ветра нордические

Прям не знай, как бы все успеть. Вчера слушала кафедральный концерт. В мае выпущу своих вокалисток, Заварзина собирает домашний концерт своей кафедры. Уж позанимаюсь построже. Тут еще госархив насилует, зачем-то к юбилею. Характеристики справляют. Когда включаюсь в сведения о себе — волосья дыбом: давно пора нобелевку давать. Бобелевская-то премия у меня еще со студенчества имеется. Не забыть тех камланий! Когда-нибудь опишу. А мне б подстричься. Счас иду на схватку за статью. Предлагаю же рубрику *эссе* организовать! Инертность вопиющая. Однако: смело, товарищи, в ногу!

Петечка — сын-дошколенок Натальи Вильнер (музыковед) и Юрия Морозова (баритон), действующих персонажей моей юности, говорил, когда слышал этот шедевр: «А, я знаю, это песня про ногу!». Вот любимый юмор моего жития.

20, Вербное воскресенье

Весь день готовили обед, встретить гостей. Они пришли с пряниками коричневыми свежими. Неожиданно включенный телевизор показал по ВЭ интервью Е. Андрияновой с «золотомасочником» Рубиком. Интересно вот так, хоть по ТВ, пообщаться. Нам понравилась беседа, живая, в современном ритме и стиле. Сам он недоволен, как водится. Смотрел с прищуром в зоне ехидства. Одобрил, что читаю дневники. Побеседовали про жюри и экспертный совет Маски и прочих фестивалей-конкурсов. Он вчера унес свой дневник Александру Евгеньевичу. Нота Бене: весьма креативный ход — издание и чтение записок от разных профессий. Только как не будешь (будут!) путать искренность с лукавством? К тому же все правдолюбцы для себя запаслись двойным дном. Они читают и думают, что уж они-то на самом деле куда лучше, да и написали бы несравненно ярче.

21 апреля, дым, прохладно, рабочий день, но в эпилоге — концерт

50-летие Виктора Козлова отвели блестяще. Зал хороший и благодарный. Играли отлично: Лена Поплянова, Коля Ищенко, Адик Аскаревич с оркестром, ученики — все трое только что с международного конкурса: 1, 2 и 3 место! А в жюри сидели асы из Франции, Италии и т. д. Звездные часы учителя и учеников. Но мой Митенька опечален: 3 место. Я: не каждый же конкурс — № 1! Дай и другим поторжествовать! На словах соглашается, но — грустит. Анализирует, почему Бах так подвел. Разумеет, что это мы *подводим* Баха, тем более, когда ищем там то, чего не заложено. А вот: неслыханной простоты только и позволено ждать от уртекста таких столпов, как Бах Иван Степаныч! Не осталась на вечеринку в Союзе композиторов, хотя ребята очень звали. Бежала домой, чтобы по-

смотреть запись новой передачи с Рубиком, которую пропустила, из *индиго*.

...Взгляд мальчишки лет 10, собирающего гонорар за пение в трамвае. Ожидание-надежда на монетки, страх, что оскорбят или двинут, вызов, робость... Он зашел и как распятый встал у горизонтальной стойки кабины, а запел, как все они: что-то про паруса корабля, везущего к маме. Кто же это всё сочиняет и заставляет учить и исполнять? Стараюсь давать монетки — может, не побьют, если больше принесет?

22, репетиция на дому дня рождения в Пушкинской библиотеке

Отобрали с Жарковым экземпляры для слайд-показа, вперемешку времена года и места пребывания. Каждую картинку дадут по 10 секунд. Отдала библиотекарю И. В. Галиевой (маме вундеркинда Даны, одной из первых Костиных учениц, сейчас звездит в Литинституте) недостающие издания, семейные фото, диски.

Вечер. Не хватило мочушки ехать на концерт, а знаю, что будет высококлассно: Николай Луганский впервые посещает Челябинск. Зато ходила за кефиром и творожком, маме — за сырочком. Седни день рождения Ленина, никто и не вспомнил.

23 апреля, домашние бдения, день писем

У мамы был замечательный поклонник, композитор Николай Николаевич Неаполитанов. Это был такой наш челябинский Бетховен: тоже глухой, и тоже симфонист. В концертный зал он ходил с партитурами исполнявшихся симфоний и инструментальных концертов, тщательно *следил* по нотам за дирижером и солистом. У него вся жизнь была расписана. Каждый день — под определенным грифом: день

творчества, день бани, день переписки. Его письма были длинные, подробные, с аллюзиями, нотными примерами: цитатами из композиторов-классиков и из собственных сочинений. Вообще-то он был врач, так же, как моя мама — инженер-конструктор. Зарабатывали на хлеб нормальным ремеслом. А по призванию и второй специальности были музыкантами. При Областном доме народного творчества содержалась секция композиторов-любителей. И неслабо: к ним приезжали для консультаций и на концерты с их сочинениями такие персоны, как Долуханян, София Губайдуллина, Владимир Биберган, Владимир Шаинский. Последний сказал после показа с нажимом и улыбкой группе исполнивших свои произведения композиторов: «У вас Женщина-композитор!..» Мамины опусы хвалили такие мэтры композиции и исполнительства, как М.И. Чулаки, М.А. Цветаев, М.Я. Черняк. А с Татьяной Петровной Николаевой мы просто подружились. Ее познакомила с мамой наша великая Ревекка Гитлин (позже взявшая меня в свой класс). Николаева записывала мамини пьесы на радио, исполняла в концерте. Позже играть их стала и я — в училище и консерватории. Даже на мой диплом вынесены были несколько прелюдий Миры Князевой! А ведь мой последний куратор — профессор И.З. Зетель — слыл необычайно капризным и придиричивым в деле концертных программ. Нота Бене. Мама прочла эту запись и — поправка: с Т.П. Николаевой нас свела Зи-Зи, о ней было выше. Она дружила с очень большими музыкантами, но особенно теплая дружба соединяла ее с Гилельсом, а позже с его дочкой, тоже пианисткой. Зинаида, заведующая концертным отделом в Свердловске, прислала нам с Николаевой письмо и гостинцы. Мы пришли в гостиницу «Южный Урал» и застали такую картину: уникальная пианистка (первая в Союзе исполняла все 48 прелюдий и фуг Баха, причем в одном концерте!) и самобытный композитор, она стояла на

табуретах под потолком с молотком в руках и забивала фрамугу. Была зима, нещадно дуло, а ей играть концерт в нынешнем зале Прокофьева...

24 апреля

Имя Прокофьева зал получил благодаря любви к композитору моего друга и сокурсника Толика Ханжина. В сане худрука филармонии он очень много сделал для развития концертного исполнительства на Южном Урале. А в юности мы вместе музицировали, шалили, а еще выхлопывали ковры, шефствуя над учительницей Ревеккой Германовной. Она за это играла нам джазовые импровизации, отстукивая ритм по пюпитру, кормила салатиками, а главное — катала на лифте своего подъезда в доме по Ленина, 71. С верхнего этажа мы любовались на город. Класс был дружный. Репетиции в зале по ночам, буйные прогулки с обрываньем сирени... Ревекка дарила мне целые клавиры, хорошие альбомы, книги. Писала письма каллиграфическим почерком. Давала на просмотр фотоальбомы, где красовались снимки самого Гольденвейзера, ее учителя с малых лет. Он размашисто подписывал их примерно так: «Моей любимой талантливой Ривочке от любящего старого учителя А. Б. Г.»

Так что и не знаю, как это литература могла перебить мне фортепьянную науку... Вчера именно из-за нее, поэзии, пропустила концерт Луганского. Счас разбудила джазменша Оля Диева звонком: «Что же ты не пришла, мы тебе место в первом ряду держали!» Восторг и упоение — как играет. Пианистки местного фасона даже присудили ему место № 1, а Мацуева поставили вторым. «Во как», — как говаривала наша скромная великая Ревекка.

Каштан, дорастающий до ее мемориального класса на 4 этаже, каждую неделю радуется по-разному. Набирал силу в огромные пикообразные почки, а вчера уже собрал конусы

розовато-зеленых соцветий. Ему хорошо в том потаенном дворике: со всех сторон стены — и солнца сколько хошь!

27 апреля. Пасха

Прохладно, но не как в ту последнюю Пасху в Ипатьевском доме: −30 градусов. Завтракали с куличом и красными яйцами, а «пасхи не достали». Мама счас будет варить пасху по книге-роману Елены Молоховец, которую подарил дедушка Константин бабушке Вале: «Лялечке!». Вчера для этого гениального кушанья из креативной лавки «Патэрсон» привезла творог свежайший, масло чебаркульское, сахарную пудру и миндаль. Женечка прислал уже вторую смс-ку, что шагает по Екатеринбург под звон колоколов и падающий снег. А у нас — в доме все звонят, сразу по трем телефонам, причем одновременно. Христосуемся по эфиру.

Послезавтра собираюсь родиться и позвать 100 гостей на бенефисик с капустными пирогами и многими номерами музыки и стихов. Читать буду из разных книг. Сцена маленькая, но уютная. И два приличных инструмента.

Нет, правда-правда: мне больше всего хочется *накормить* моих гостей. Позабочусь с помощниками о фруктах, ягодах и дорогих конфетах! Ведь почти все — очень бедные люди...

Территория города медленно, но верно очищается. Убраны газоны, прибраны тротуары. Если бы не дым, который запрещен (обещаны штрафы с милицейскими протоколами), но всюду имеет место, наступил бы суперсносный период. Весна настала. Семят трясогузки, у которых прошу прощенья, как у голубей — сбитых, собак — битых, деревьев забытых. Прочти мой Дневник, добрый чел, и помоги хоть кому-то. А потом найди Дневник директора школы и читай его как катехизис. Пусть лучше я глобализирую, зато ты будешь задумываться чаще. И дышать глубже. А это важно для тебя и для всей земли.

Наталья Борисовна Рубинская

Дневник одной поэтессы

Автор идеи: *А.Е. Попов*

Иллюстрации *Е.О. Добрынина*

Верстка *В.Б. Феркель*

Сдано в набор 21.07.11.08 г. Подписано в печать 28.07.08 г.

Гарнитура Петербург. Бумага офсетная.

Формат 84×108/32. Объем 7,25 усл.-печ. л.

Заказ № 126.

Тираж 500 экз.

Издательство «Цицero»

454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано в типографии

ООО «Тираж Сервис»

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.